

Смерть и жизнь — во власти языка,
и любящие его вкусят от плодов его.
(Притчи 18:21)

REVIEW

OF THE RUSSIAN
CHRISTIAN
ACADEMY
FOR THE HUMANITIES
Philological Sciences

2025
volume 6
issue 3

Since 2020

*Published
4 times a year*

St. Petersburg

ВЕСТНИК

РУССКОЙ
ХРИСТИАНСКОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ
АКАДЕМИИ

2025

ТОМ 6

ВЫПУСК 3

Филологические науки

*Издается
с 2020 г.*

*Выходит
4 раза в год*

Санкт-Петербург

Главный редактор

Д. К. Богатырёв

Зам. главного редактора

Е. Китова

Редакционная коллегия

О. В. Богданова, И. О. Ермаченко,
Я. С. Иващенко, Ч. Пило Боил ди Путифигари,
Т. С. Росянова, А. А. Синицын, Н. С. Широглазова

Редакционный совет

Ю. Л. Воротников, А. Г. Гачева, М. Денн, И. В. Дергачёва,
Ю. В. Еремин, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров, Э. Меттини, А. Ночера,
Е. Р. Пономарев, А. Сорелла, И. Н. Сухих, Б. Н. Тихомиров

Вестник Русской христианской гуманитарной академии.

Филологические науки

2025. Том 6. Вып. 3. — СПб.: Изд-во РХГА, 2025.

ISSN 2712-844X

Editor-in-Chief

Dmitry Bogatyrev

Editor

Elena Kitova

Editorial Board

Olga Bogdanova, Igor Yermachenko,
Jana Ivaschenko, Cecilia Pilo Boyl di Putifigari,
Tatiana Rosyanova, Alexander Sinitsyn, Natalia Shiroglazova

Advisory Board

Yury Vorotnikov (Moscow, Russia), Anastasia Gacheva (Moscow, Russia),
Mariz Denn (Bordeaux, France), Irina Dergacheva (Moscow, Russia), Yury
Eremin (St. Petersburg, Russia), Ivan Esaulov (Moscow, Russia), Vladimir
Zakharov (Moscow, Russia), Emiliano Mettini (Moscow, Russia), Antonina
Nochera (Palermo, Italy), Evgeny Ponomarev (St. Petersburg, Russia), Antonio
Sorella (Abrutstso, Italy), Igor Sukhikh (St. Petersburg, Russia), Boris Tihomirov
(St. Petersburg, Russia)

The Russian Christian Academy for the Humanities
named after Fyodor Dostoevsky Publishing House
St. Petersburg, Russia

© Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского, 2025
© Авторы выпуска, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Кшондзер М. К.*
Поэтическая философия Бориса Пастернака
в контексте «философии жизни»9
- Червяков Н. А.*
«Celui, dont l'âme sublime...»:
Об одном стихотворении П. Я. Чаадаева19

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Пило Боил ди Путифигари Ч., Воловик С. Б.*
Итальянский артикль и закономерности его употребления28
- Сидоров А. Ю.*
Гидронимы Амур, Сунгари и Уссури
в свете последних достижений палеолингвистики47

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА. ПЕРЕВОДЫ

- Зарубин А. О.*
Георг Зиммель и его статья «Смерть в искусстве»56
- Зиммель Г.*
Смерть в искусстве
Перевод *Е. Китовой, А. Зарубина*65

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Вишняков Д. А.*
Фантазматическая феноменология памяти
в произведениях Вальтера Беньямина
(историко-эпистемологический анализ)73

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

- Синицын А. А.*
Сельский учитель истории и краевед С. И. Малафеев
и неизданная «Летопись села Алексеевки»83
- Малафеев С. И.*
Летопись села Алексеевки <фрагменты>
Публикация и комментарии А. А. Синицына99
- Синицын А. Н.*
Следопытство — сбережение прошлого для настоящего и будущего121

VITA HUMANITATIS ET HOMINUM

- Синицын А. А.*
Наша общая Швамбрания:
к 120-летию советского детского писателя Л. А. Кассиля
и 30-летию музея Льва Кассиля в городе Энгельсе125
- Широглазова Н. С.*
Итоги X Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием «Ното loquens: язык и культура»146
- Теплякова О. П.*
Книги, подаренные от всего сердца.
Ценное краеведческое издание в дар библиотеке родного села152

LETUM NON OMNIA FINIT

- Китова Е.*
«Смерти не будет...»
Презентация книги памяти Елены Владимировны Пастернак157
- Синицын А. А.*
In memoriam amici mihi — прощание с Евгением Смыковым161

CONTENTS

LITERARY STUDIES

- Kschondzer M. K.*
The Poetic Philosophy of Boris Pasternak
in the Context of the 'Philosophy of Life' 9
- Chervyakov N. A.*
'Celui, dont l'âme sublime...':
About One Poem of P. Ya. Chaadayev 19

LANGUAGE STUDIES

- Pilo Boyl di Putifigari C., Volovik S. B.*
Italian Article and the Regularities of Its Use 28
- Sidorov A. Yu.*
Hydronyms Amur, Sungari, and Ussuri
in the Light of Recent Advances in Paleolinguistics. 47

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS. TRANSLATIONS

- Zarubin A.*
Georg Simmel and His Essay *Death in Art* 56
- Simmel G.*
Death in Art (Vom Tode in der Kunst)
Translated by *E. Kitova, A. Zarubin* 65

INTERDISCIPLINARY STUDIES

- Vishnyakov D. A.*
The Phantasmatic Phenomenology of Memory in Walter Benjamin's Works
(A Historical and Epistemological Analysis).73

PHILOLOGICAL ARCHIVE

- Sinitsyn A. A.*
The Rural History Teacher and Local Historian S. I. Malafeev
and His Unpublished Work *The Chronicle of the Village of Alekseevka*.83
- Malafeev S. I.*
The Chronicle of the Village of Alekseevka <Fragments>
Publication and comments by A. A. *Sinitsyn*99
- Sinitsyn A. N.*
Local History: Preserving the Past to the Benefit of the Present and Future121

VITA HUMANITATIS ET HOMINUM

- Sinitsyn A. A.*
Our Shvambrania: For the 120th Anniversary of L. A. Kassil
and the 30th Anniversary of the Kassil Museum in Engels.125
- Shiroglazova N. S.*
Results of the 10th All-Russian Scientific and Practical Conference
With International Participation 'Homo loquens: Language and Culture'146
- Teplyakova O. P.*
The Books Given from the Heart. A Valuable Local History
Publication Donated to the Library of the Native Village152

LETUM NON OMNIA FINIT

- Kitova E.*
'Death Will Be No More..'
Presentation of the Book in Memory of Elena Vladimirovna Pasternak157
- Sinitsyn A. A.*
In memoriam amici mihi — Farewell to Yevgeny Smykov.161

УДК 821.161.1(091)

*М. К. Кшондзер**

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ БОРИСА ПАСТЕРНАКА В КОНТЕКСТЕ «ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ»

Борис Пастернак — один из наиболее «философских» поэтов в русской литературе. Его поэтическая философия — это особый способ восприятия действительности, в основе которого лежит «благоговение перед жизнью» во всех ее проявлениях. Поэтическая философия Пастернака мало изучена и требует детального текстуального исследования. Статья посвящена рассмотрению проблемы концептуальной близости «философии жизни» и поэтической системы Б. Пастернака. Особое внимание уделяется анализу отдельных стихотворений Пастернака раннего периода в контексте «философии жизни» и изучению некоторых этических, эстетических и философских аспектов творчества поэта. Проведенный анализ позволяет говорить о тесной взаимосвязи поэтического мира Пастернака с отдельными положениями «философии жизни» и «философии всеединства». Прочтение произведений Пастернака с учетом данных философских концепций раскрывает дополнительные возможности его поэтической образности.

Ключевые слова: Борис Пастернак, «философия жизни», мироздание, психология творчества, художественное пространство, поэтический стиль.

M. K. Kschondzer

THE POETIC PHILOSOPHY OF BORIS PASTERNAK IN THE CONTEXT OF THE 'PHILOSOPHY OF LIFE'

Boris Pasternak is one of the most 'philosophical' poets in Russian literature. His poetic philosophy is a unique way of perceiving reality, based on 'reverence for life' in all its manifestations. Pasternak's poetic philosophy remains understudied and requires detailed textual analysis. The article examines the conceptual affinity between 'philosophy of life' and B. Pasternak's poetic system. Particular attention is given to the analysis of Pasternak's early poems in the context of 'philosophy of life', and to the study of certain ethical, aesthetic, and philosophical aspects of his works. The analysis shows a close connection between Pasternak's

* Кшондзер Мария Карловна — доктор филологических наук, Литературное общество «Арион», Германия, Любек; mkkshondzer@gmail.com

Maria K. Kschondzer — Doctor of Philology; Literary Society 'Arion', Germany, Lübeck; mkkshondzer@gmail.com

poetic world and certain ideas of 'philosophy of life' and 'philosophy of unity'. Considering these philosophical ideas helps understand Pasternak's poetic imagery.

Keywords: Boris Pasternak, 'philosophy of life', psychology of creativity, universe, art space, poetic style.

Борис Пастернак считается одним из наиболее философских поэтов в русской литературе. Его поэтическая философия выражена в особом способе восприятия действительности, в «благоговении перед жизнью» во всех ее проявлениях. Философские взгляды Пастернака исследователи, как правило, связывают с неокантианством, с философией А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О. Шпенглера, А. Бергсона. В более широком смысле философия поэта рассматривается как разновидность иррационалистического направления в западной философской мысли конца XIX — начала XX века под общим названием «философия жизни», включающим в себя различные философские системы, в основе которых лежит понятие жизни «как некоей интуитивно постигаемой целостной реальности» [2, с. 3]. Такое понимание жизни было близко Пастернаку, однако его поэтическая философия — это не столько последовательное направление философской мысли, сколько поэтическая рефлексия на мировоззренческие темы. Пастернак создал собственную мировоззренческую концепцию, которая в чем-то близка и философии всеединства, характерной для русской философской культуры. Русская философия, по утверждению А. Ф. Лосева, — это образ мышления, а не выработка системного рационалистического взгляда на мир, это «беспреданное, постоянное поднимающееся на новую ступень постижение иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом» [4, с. 78].

Поэзия Пастернака — это попытка осмыслить действительность и точнее — жизнь во всем ее многообразии. Это и обыденная жизнь, и история, и культурные традиции, и воспоминания о прошлом, и, конечно же, искусство. Реальные картины действительности, преломляясь сквозь призму творческого восприятия автора, превращаются как бы во вторую реальность — реальность искусства, которая становится выше первой реальности. В «Охранной грамоте» поэт так объясняет особенности взаимодействия внешней действительности с внутренним миром художника при возникновении искусства:

Мы перестаем узнавать действительность. Она предстает в какой-то новой категории. Категория эта кажется нам ее собственным, а не нашим, состоянием. Помимо этого состояния все на свете названо. Не названо и ново только оно. Мы пробуем его назвать. Получается искусство [8, с. 71].

Углубленное изучение философии Канта и неокантианства, прослушивание лекций Германа Когена в Марбурге в молодые годы, безусловно, оказало влияние на дальнейшее художественное творчество поэта. По справедливому мнению Л. Флейшмана, философия выступает в творчестве Пастернака

не всегда и не обязательно как тема, но неизменно как метод работы над словом, как способ, логика развертывания словесного материала, каковым бы ни было заявленное содержание того или иного стихотворного или прозаического текста [9, с. 398].

Главная тема творчества Пастернака — это осмысление жизни как целостного единства. Природа и человек для него неразделимы, во всем он хочет дойти «до основанья, до корней, до сердцевины». Мировоззренческие проблемы — смысл жизни и предназначение человека — проходят сквозь все его произведения, но проявляются по-разному, в том числе в зависимости от периода жизни поэта. Для его ранней поэзии характерны ассоциативность, усложненность стилистики, метафоричность. Основная задача поэта — раскрыть бытийную метафору, не теряя заложенного в ней смысла. В стихах начальной поры философия жизни проявляется в изображении природы как олицетворения всеединства мира: лирический герой показан в качестве неотъемлемой части мироздания, он пытается разгадать «явленную тайну» бытия, обретая «неслыханную веру» существования в «сонном саде», который «держит небо пред собой», в «обветшалом-сером» тополе, в «шепчущем прибое яблони». Неожиданные метафоры, парадоксальные сравнения, не сочетаемые, на первый взгляд, понятия создают удивительную поэтическую атмосферу, в которой голос поэта и его свеча воспринимаются вровень с «висячими расцветшими мирами».

В первоначальной редакции стихотворение «Как бронзовой золой жаровень...» (1912) заканчивалось строфой, в которой явный мировоззренческий смысл был крайне насыщен сложными философскими метафорами:

О ночь, немая беззащитность
Пред натиском тенет — имен,
Что нашей мысли ненасытность
Расставила под твой Эон! [7, с. 622]

В основной редакции говорится уже о ночи как «неслыханной вере», а в последней строфе первоначальной редакции поэт противопоставляет иррациональную беззащитность ночи ненасытности мысли, которая под натиском тенет, то есть имен, понятий, оказалась под властью Эона, олицетворяющего в древнегреческой философии скоротечность времени и неотвратимость судьбы [6, с. 566].

Возможно, Пастернак почувствовал несоответствие метафорической многозначности всего стихотворения и некоторой прямолинейной назидательности последней строфы, поэтому и не включил ее в окончательный текст, однако для нашего исследования интересен сам факт философского текста и подтекста поэтического мира.

Характерным примером того, как происходит философское осмысление мира в поэтической системе Пастернака, является раннее стихотворение «Венеция» (1913).

В русской литературе существует «венетский» миф, представленный определенным набором мотивов, постоянно варьирующихся, но неизменно присутствующих в изображении Венеции. При этом каждый поэт, обращаясь к данной теме, создает собственный образ города. Пастернак дает свое видение Венеции, отличающееся от традиционного венетского текста в русской поэзии. В «Охранной грамоте» он писал:

В стихах я дважды (в 1913 и в 1928 г.) пробовал выразить ощущение, навсегда связавшееся у меня с Венецией. Ночью перед отъездом я проснулся в гостинице от гитарного арпеджио, оборвавшегося в момент пробуждения. Я поспешил к окну, под которым плескалась вода, и стал вглядываться в даль ночного неба так внимательно, точно там мог быть след мгновенно смолкшего звука. Судя по моему взгляду, посторонний сказал бы, что я спронеся исследую, не взошло ли над Венецией какое-нибудь новое созвездие, со смутно готовым представлением о нем как о Созвездьи Гитары [8, с. 93].

Как известно, музыка в творчестве Пастернака — это часть «единого языка искусства», который в его поэтической системе является универсальным способом постижения мира. В автобиографической прозе «Люди и положения» поэт говорит о назначении поэзии: «Моя постоянная забота обращена была на содержание, моей постоянной мечтой было, чтобы само стихотворение содержало новую мысль» [7, с. 220]. Главной ценностью своих стихов Пастернак считал сочетаемость гармонии музыки слов с «внутренней музыкой смысла». Это понимание искусства и жизни как целостного единства и составляет так называемую философию жизни, которая воплощается в самобытную поэтическую философию творчества.

Стихотворение «Венеция» существует в двух редакциях: 1913 г. и 1928 г., однако существенным образом стихотворение не изменялось. В «Охранной грамоте» Пастернак пишет о Венеции как о живом существе, с которым можно встречаться и разговаривать [7, с. 87]. Лейтмотив стихов о Венеции — музыка, звуки, связанные с этим удивительным городом и передающие ощущения поэта. Оба варианта стихотворения начинаются со звукового образа, который возникает у автора ранним утром в Венеции на фоне тишины и безлюдья («Я был разбужен спозаранку бряцаньем мутного стекла» — в первой редакции, а в окончательной — «щелчком оконного стекла»). Целостный образ Венеции вмещает в себя одновременно и бытовые детали, и необъятную тайну бытия:

Земля когда-то оторвалась,
Дворцов развернутых тесьма,
Планетой всплыли арсеналы,
Планетой понеслись дома.
И тайну бытия без корня
Постиг я в час рожденья дня:
Очам и снам моим просторней
Сновать в туманах без меня [7, с. 581].

Пастернак пытается через восприятие Венеции постичь основы мироздания и ощутить дуновение ветра будущего. Тайна бытия постигается благодаря звучанию божественного — аккорда самого по себе («руки не ведавший аккорд»). Последняя строфа ранней редакции передает динамику вселенского движения, создаваемую стремительным нагнетанием эпитетов и метафор:

И пеной бешеных цветений,
И пеною взбешенных морд
Срывался в брезжущие тени
Руки не ведавший аккорд [7, с. 581].

Характерные для стиля раннего Пастернака ассоциативные ряды создают ощущение глубоких подтекстов, позволяющих посредством внешних бытовых зарисовок и картин природы проникать в ту самую тайну бытия, которая составляет творческую версию философии жизни Пастернака.

Стихи Пастернака всегда содержат в себе несколько смыслов: поверхностный (бытовой) и глубинный (бытийный). По справедливому замечанию В. Н. Альфонсова, расширение пространства в стихах Пастернака служит не расколу мира на две враждебные половины, а восстановлению его единства. По словам исследователя, «правдивый художник всегда больше вбирает мир, наполняется миром, чем противостоит миру» [1, с. 75]. Попытка понимания смысла жизни и предназначения человека — основное содержание лирики Пастернака, но прямых ответов на эти вопросы в его творчестве нет. Поэт дает материал для напряженных поисков, а читатель должен разгадать зашифрованный смысл поэтического послания. Так, в стихотворении «Я понял жизни цель и чту...» (1916) Пастернак как будто объясняет, в чем он видит цель своей жизни, но на самом деле только «запутывает» читателя, говоря, что ему невозможно признать и осознать все многообразие мира, в котором есть апрель, и «дни — кузнечные мехи», растягивающиеся до необъятных размеров и впитывающие в себя «поток зари без края и конца». На самом деле поэт испытывает восторг и благоговение перед жизнью: звон капли, церковный зык, весеннее пробуждение природы вызывают у него слезы и «боль в висках». Текст Пастернака многомерен и предполагает различные трактовки в зависимости от глубины проникновения. В исследованиях по герменевтике утверждается, что «понимание текста всегда предопределено забегающим вперед движением предпонимания» [3, с. 77]. Предпонимание произведений Пастернака затем дополняется двойным и даже тройным подтекстом.

Практически любое стихотворение Пастернака раннего периода имеет философский подтекст. Книга лирики «Сестра моя — жизнь» (1917), написанная по личному поводу и проникнутая ощущением любви и восторгом перед жизнью во всех ее проявлениях, — это одновременно и своеобразный документ эпохи, в котором автор, по его же собственным словам, передал «ощущение повседневности, на каждом шагу наблюдаемой и в то же время становящейся историей, это чувство вечности, сошедшей на землю и всюду попадающей на глаза» [7, с. 632].

Проиллюстрировать эти утверждения можно на примере почти каждого стихотворения данной книги, но есть так называемые программные стихи, в которых поэт открыто выражает свое авторское кредо. В стихотворении «Про эти стихи» сосуществуют приметы повседневного быта и их философское осмысление (чердак, декламирующий «с поклоном рамам и зиме», «чехарда чудачеств, бедствий и замет», тропка, проторенная к двери, «дыра, засыпанная крупой» и т. д.). На фоне всех этих бытовых деталей поэт легко переходит к вечным ценностям, общаясь с Байроном и Эдгаром По и вопрошая, какое на дворе тысячелетие. В стихотворении «Уроки английского», описывая страсти Дездемоны и Офелии, поэт демонстративно подчеркивает чисто бытовые приметы переживаний героинь: Дездемона, умирая, «разрыдалась

по иве», а Офелия канула в бездну с «охапкой верб и чистотела». В то же время завершается стихотворение философским обобщением, придающим тексту вселенскую глубину и мировоззренческий смысл:

Дав страсти с плеч отлечь, как рубищу,
Входили с сердца замираньем
В бассейн вселенной, стан свой любящий
Обдать и оглушить мирами [7, с. 126].

Интересен с точки зрения исследуемой проблематики отдельный цикл в книге «Сестра моя — жизнь» с характерным названием «Заняты философией». Поэт как бы препарировывает поэтический текст, пытаясь дать четкие характеристики творчества, души, поэзии, но, как всегда у Пастернака, жизнь с ее многообразием и удивительной красотой не поддается окончательным формулировкам, и вместо рациональных определений получаются эмоционально насыщенные стихи, о которых Мандельштам однажды сказал: «Стихи Пастернака почитать — горло прочистить, дыханье укрепить, обновить легкие» [5, с. 210]:

Это круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок [7, с. 126].

И снова конец стихотворения выводит читателя на просторы мироздания, придавая тексту философское значение и превращая описание природных явлений в величайшее чудо бытия:

Площе досок в воде — духота,
Небосвод завалился ольхою,
Этим звездам к лицу б хохотать,
Ан вселенная — место глухое [7, с. 127].

В стихотворении «Определение души» поэт проводит параллель между слетевшим с дерева листом и судьбой страны, сгоревшей в буре революций и катаклизмов:

Нашу родину буря сожгла.
Узнаешь ли гнездо свое, птенчик?
О мой лист, ты пугливей щегла,
Что ты бьешься, о шелк мой застенчивый? [7, с. 127]

Сакральность окружающего мира, «захлебнувшегося в черных сводах дня», в «шабаше ливня», в молниях, поражающих «сардонические сосны», звучит в стихотворении «Болезни земли» из цикла «Заняты философией», вновь иллюстрируя мысль поэта о единстве природы, искусства и страдающей земли:

Чьи стихи настолько нашумели,
Что и гром их болью изумлен?
Надо быть в бреде по меньшей мере,
Чтобы дать согласие быть землей [7, с. 127].

Кульминацией цикла является стихотворение «Определение творчества», в котором поэт обращается к своей излюбленной теме — творческому вдохновению, всецело овладевающему художником: и ночью, и днем, и во сне, и наяву, подчиняющему себе и совесть, и даже любовь. Возникает вторая реальность — реальность искусства, которая уподобляется всепроникающей стихии мироздания:

И сады, и пруды, и ограды,
И кипящее белыми воплями
Мирозданье — лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной [7, с. 128].

В стихотворении «Давай ронять слова...» Пастернак вновь пытается понять, кто создал все великолепие и многообразие мира, «кто велит, чтоб август был велик», «чтоб губы астр и далей сентябрьские страдали», и находит ответ в свойственной ему зашифрованной манере:

Ты спросишь, кто велит?
— Всесильный бог деталей,
Всесильный бог любви,
Ягайлов и Ядвиг [7, с. 151].

Так повседневность деталей с помощью великой силы любви позволяет поэту прикоснуться к непостижимой тайне бытия:

Не знаю, решена ль
Загадка зги загробной,
Но жизнь, как тишина
Осенняя, — подробна [7, с. 151].

Еще одним подтверждением единства многообразия жизни в творчестве Пастернака можно считать триптих «Весна» (1917), ставший знаковым для понимания творческого кредо поэта. По Пастернаку, поэзия, а в широком смысле искусство в целом — это губка, которая впитывает всю многомерность бытия. Главная цель искусства — «не исказить голоса жизни, звучащего в нас» [8, с. 144]. Образ поэзии-губки появляется и в стихотворении «Весна»:

Поэзия! Греческой губкой в присосках
Будь ты, и меж зелени клейкой
Тебя б положил я на мокрую доску
Зеленой садовой скамейки [7, с. 88].

Природа олицетворяется, превращаясь в живое существо: из парка «тянет возмужалостью», «лес по горло стянут петлею пернатых гортаней», он стонет, как «стенает в сонатах стальной гладиатор органа». Неожиданность сравнений, яркость метафор, придающих повествованию глубинное значение, описание явлений природы в контексте человеческих переживаний и чувств («По городу гуляет грех / И ходят слезы падших», «Толпы лиц сшибают с ног»), сравнение стихийных явлений с музыкальными формами и инструментами (соната, орган) — все это многообразии мира вбирает в себя поэзия, а поэт — только посредник, соучастник, который «выжимает» суть бытия «во здравие жадной бумаги».

Единством вселенского пространства и неразрывно связанным с ним философским восприятием жизни отмечена первоначальная редакции триптиха после заключительного стихотворения:

Вчера еще были и воздух и воля,
А нынче ракиты, как мысли растеряны,
А нынче и мысли, и воздух, и воля
Из ветра, из пыли, из серого дерева [7, с. 626–627].

Еще один яркий пример проявления философии жизни как цельного восприятия действительности — цикл Пастернака «Тема с вариациями» из книги «Темы и вариации» (1916–1922). Это импрессионистические наброски, выполненные в характерном для раннего Пастернака стиле (сложные ассоциативные ряды, непредсказуемые аналогии, парадоксальные эпитеты и метафоры). Первоначально цикл был опубликован под названием «Стихи о Пушкине», т. е. автор в данном случае не только не скрывает адресата своих стихов, а, наоборот, открыто декларирует его. Однако данное название не совсем соответствует содержанию, поскольку цикл Пастернака — это именно тема с вариациями. Пушкинская тематика присутствует в цикле как бы условно, упоминание поэта есть в самом начале стихотворения «Тема» и затем исчезает, уступая место пастернаковской эстетике. Но заданная тема, как в музыкальном произведении, построенном на варьировании одного значительного образа в различных тональностях, гармонии и других особенностях формы, не исчезает, а подспудно обуславливает дальнейшее развитие произведения. Вместе с тем очень важным элементом, выявляющим концептуальную идею цикла, становится эпиграф из стихотворения Ап. Григорьева «Героям нашего времени» (1845).

Цикл «Тема с вариациями» представляет собой интереснейший метатекст, свидетельствующий о глубинных переключениях эпох: от античности — к русской поэзии XIX века, а затем к поискам новых форм и смыслов поэзии Серебряного века. У Пастернака эту живую связь эпох воплощает в себе Пушкин, в образ которого соединились древний Восток и европейский Запад, традиции классической культуры и новаторство современного поэтического языка, строгий академизм и фривольность шалуна-мальчишки. Образ Пушкина, возникающий в стихотворении Пастернака под впечатлением картины И. Репина и И. Айвазовского «Пушкин у моря. Прощай, свободная стихия» и навеянный элегией Пушкина «К морю», затем уходит в подтекст, создавая обширное пространство для различных толкований и интерпретаций. Объединяет стихотворения цикла

морская тематика, однако это только первый план, то, что лежит на поверхности стиха. Описание морского пейзажа с обыгрыванием атрибутики романтической морской стихии дано в стиле раннего Пастернака. Нагнетание эпитетов, усиливающих впечатление, импрессионистичность зарисовок, смена картин, создающих лишь ощущение предстоящей бури, но не позволяющих углубляться в суть предмета, — это художественные приемы, подводящие читателя к основополагающим для всего творчества Пастернака проблемам искусства и его связи с жизнью, к смыслу существования, вобравшего в себя два мира, две стихии: реальную жизнь и ценности культуры, вторая реальность, которая подчас становится первой и важнейшей. Пушкинский феномен дает толчок к глубинному проникновению в суть проблемы и к изящному и тонкому ее воплощению, предвосхитившему «неслыханную простоту» поэтики зрелого Пастернака:

Что было наследием кафров?
Что дал царскосельский лицей?
Два бога простились до завтра,
Два моря менялись в лице:
Стихия свободной стихии
С свободной стихией стиха.
Два дня в двух мирах, два ландшафта,
Две древние драмы с двух сцен [7, с. 163].

Вариация, названная Пастернаком «Макрокосмическая», действительно придает циклу космический характер, объединяя в себе морскую тематику, тему древних сфинксов и провидческий дар Пушкина. Его стихотворение «Пророк» включается в макрокосмическую систему ценностей пастернаковского мира. Образы, возникшие в первом стихотворении «Тема», в концентрированном виде появляются вновь в завершающем цикл стихотворении, но точка отсчета здесь уже другая — звездная, космическая, дающая новый ракурс и создающая новую образную систему:

Мчались звезды. В море мылись мысы.
Слепла соль. И слезы высохали.
Были темны спальни. Мчались мысли,
И прислушивался сфинкс к Сахаре.
Плыли свечи. И, казалось, стынет
Кровь колосса. Заплывали губы
Голубой улыбкою пустыни.
В час отлива ночь пошла на убыль.
Море тронул ветерок с Марокко.
Шел самум. Храпел в снегах Архангельск.
Плыли свечи. Черновик «Пророка»
Просыхал, и брезжил день на Ганге [7, с. 165].

Проведенный анализ стихотворений раннего Пастернака позволяет охарактеризовать его поэтическую философию как составную часть самобытной картины мира, основывающуюся на концепциях «философии жизни», а также «философии всеединства». Прочтение произведений Пастернака с учетом данных концепций позволяет выявить новые аспекты его поэтической образности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альфонсов В. Н. Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Сов. писатель, 1990.
2. Брюханова Ю. М. Творчество Бориса Пастернака как художественная версия философии жизни: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2009.
3. Гадамер Г.-Г. О круге понимания / пер. с нем. А. В. Михайлова // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 72–82.
4. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М.: Сов. писатель, 1990.
5. Мандельштам О. Э. Заметки о поэзии // Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 207–210.
6. Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе / пер. с англ. Л. Б. Сумм. М.: Прогресс-Традиция, 1999.
7. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Сов. писатель, 1965.
8. Пастернак Б. Л. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М.: Искусство, 1990.
9. Флейшман Л. С. Накануне поэзии: Марбург в жизни и в «Охранной грамоте» Пастернака // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 380–399.

REFERENCES

1. Alfonsov, V. N. (1990) *The Poetry of Boris Pasternak*. Leningrad, Sovetsky Pisatel. (In Russian).
2. Bryukhanova, Yu. M. (2009) *Creativity Boris Pasternak as an Art Version of the Philosophy of Life*: Abstract of Ph. D. thesis. Tomsk. (In Russian).
3. Gadamer, H.-G. (1991) *Über den Kreis des Verstehens* [On the Circle of Understanding]. Transl. from German by A. V. Mikhailov. Gadamer, H.-G. *Aktualnost prekrasnogo*. Moscow, Iskustvo, pp. 72–82. (In Russian).
4. Losev, A. F. (1990) *Passion for Dialectics*. Moscow, Sovetsky Pisatel. (In Russian).
5. Mandelstam, O. E. (1990) Notes on Poetry. Mandelstam, O. E. *Sochineniya*: in 2 vols., vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, pp. 207–210. (In Russian).
6. Onians, R. B. (1999) *The Origins of European Thought. About the Body, the Mind, the Soul, the World, Time and Fate*. Transl. from English by L. B. Summ. Moscow, Progress-Traditsiya. (In Russian).
7. Pasternak, B. L. (1965) *Poetry and Poems*. Moscow, Leningrad, Sovetsky Pisatel. (In Russian).
8. Pasternak, B. L. (1990) *On Art. 'Safe Conduct' and Notes on Artistic Creativity*. Moscow, Iskustvo. (In Russian).
9. Fleishman, L. S. (2006) On the Eve of Poetry: Marburg in Life and in Pasternak's 'Safe Conduct'. Fleishman, L. S. *От Пушкина к Пастернаку: избранные работы по поэтике и истории русской литературы*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, pp. 380–399. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.02.2025
Принята к публикации 15.06.2025
Received 15.02.2025
Accepted 15.06.2025

*Н. А. Червяков**

**«CELUI, DONT L'ÂME SUBLIME...»:
ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ П. Я. ЧААДАЕВА**

Статья посвящена анализу стихотворения «*Celui, dont l'âme sublime...*», написанного русским философом П. Я. Чаадаевым на французском языке. Рассматривается влияние П. Я. Чаадаева на творчество основных представителей поэтического процесса 1830–1840 гг., в частности А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Е. П. Ростопчину. Представлен новый перевод стихотворения, а также предпринята попытка поместить данное стихотворение в общий контекст философии мыслителя. Для интерпретации стихотворения используется главным образом герменевтический метод, заключающийся в целостном рассмотрении поэтического опыта и философских текстов Чаадаева как выражение единого творческого духа. Этот подход позволяет сделать заключение, что стихотворение Чаадаева является метафизическим посланием в поэтической форме, а описываемые в нем события представляют собой диалог человека с Богом.

Ключевые слова: П. Я. Чаадаев, поэзия, А. С. Пушкин, христианство, человечество, Бог.

N. A. Chervyakov
'CELUI, DONT L'ÂME SUBLIME...':
ABOUT ONE POEM OF P. Ya. CHAADAYEV

The paper analyses the poem *Celui, dont l'âme sublime...*, written by the Russian philosopher P. Ya. Chaadaev in French. It also examines the influence of P. Ya. Chaadaev on the work of the main representatives of the poetic process of 1830–1840, in particular A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, E. P. Rostopchina. The author presents a new translation of the poem, and makes an attempt to interpret the poem considering the general context of the thinker's philosophy. The interpretation of the poem is mainly based on the hermeneutic approach, which consists in a holistic examination of Chaadaev's poetic experience and

* Червяков Николай Александрович — аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник, Научная библиотека и мемориальный музей «Дом А. Ф. Лосева»; ChervyakovNA@my.msu.ru

Nikolai A. Chervyakov — postgraduate student, Lomonosov Moscow State University; senior research fellow, Scientific library and memorial museum 'Losev House'; ChervyakovNA@my.msu.ru

philosophical texts as an expression of a conjoint creative spirit. The paper concludes that Chaadaev's poem is a metaphysical message in poetic form, and the events described in it represent a dialogue between man and God.

Keywords: P. Ya. Chaadaev, poetry, A. S. Pushkin, Christianity, mankind, God.

Личность русского философа Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856) до сих пор вызывает множество споров в интеллектуальной среде и у широкой общественности. В этой связи особый интерес вызывает недавняя монография М. Велижева, написанная в жанре интеллектуальной истории [2]. Неискоренимым остается представление о Чаадаеве как о западнике и — более того — ненавистнике русской культуры. Между тем изучение непрочитанных в свое время «философических писем» и «Апологии сумасшедшего» дает повод говорить о Чаадаеве, скорее, как о славянофиле (или критическом славянофиле), что подчеркнул британский поэт У. Х. Оден в своем эссе о русском мыслителе [10; 11]. Как бы то ни было, парадоксальность Чаадаева остается его главной визитной карточкой. О феномене парадоксальности Чаадаева, мысль которого блуждает между западничеством и славянофильским полюсами, немало строк было написано польским историком русской философии Анджеем Валицким (1930–2020) [1]. Ситуация усугубляется еще и тем, что «современный Чаадаев» и «Чаадаев при жизни» — это совершенно разные персонажи, поэтому приписывать историческому Чаадаеву влияние на всех и вся, как делала советская история философии, категорически нельзя.

Парадоксальность и двусмысленность не теряются и тогда, когда речь заходит о разных ипостасях (масках) Чаадаева. Чаадаев остался в истории как философ, политический мыслитель, эстет-денди, «басманный философ», эгоист (именно такую формулировку дает М. И. Жихарев в своей «Докладной записке потомству о П. Я. Чаадаеве» [3, с. 55]), «человек с голым черепом», «сумасшедший» и т. д. Удивительным курьезом чаадаевской парадоксальной ипостасности служила до недавнего времени висевшая табличка в городе Нижний Новгород (в советское время — Горький), говорящая о мыслителе как о «друге Пушкина и поэте». Если философские или политические идеи Чаадаева вспомнит почти любой студент философского факультета, то вряд ли кто-нибудь из студентов-филологов восстановит в памяти хотя бы одно стихотворение Чаадаева. Скорее придет на память «К Чаадаеву» того же Пушкина — стихотворение, написанное в 1818 году, когда дружба между Чаадаевым и Пушкиным была в самом расцвете. В нем отражены юношеские стремления друзей, еще уповавших на революцию как возможный рычаг социальных изменений:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упования

Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена! [7, с. 338]

Однако в «Полном собрании сочинений» философа есть два поэтических опуса — поэма (или стихотворная повесть, как определяет ее В. В. Сапов [9, т. 1, с. 784]) «Рыбаки», несамостоятельная и испытывавшая, по всей видимости, влияние пушкинского «Евгения Онегина», а также стихотворение «Celui, dont l'âme sublime...» — образец туманного и загадочного стихосложения. Прояснить смысл этого стихотворения и вписать его в контекст остального творчества философа — задача данной статьи.

Тот факт, что личность и идеи Чаадаева оказывали влияние на поэзию первой половины XIX в., отрицать не имеет смысла. Тот же Пушкин посвятил Чаадаеву и другие стихотворения, например «К портрету Чаадаева»:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарской [7, с. 407].

Особняком стоят фигуры Е. П. Ростопчиной (1811–1858) и М. Ю. Лермонтова (1814–1841). С Евдокией Петровной Ростопчиной Чаадаев близко общался и советовал ее стихотворение «Вид Москвы» (1840) С. П. Шевыреву, о чем свидетельствует сохранившееся письмо философа к литературному критику и историку (речь идет о письме Чаадаева к Шевыреву от 22 сентября 1841 г. [9, т. 2, с. 139]). В данном произведении Ростопчина изображает Москву как мертвый город (или город мертвых), что, безусловно, продолжает чаадаевскую метафору Москвы как Некрополиса («Мертвый город»), откуда якобы написано первое, самое критическое, «Философическое письмо». Наиболее отчетливо это выражается в следующих строках стихотворения:

О! как пуста, о! как мертва
Первопрестольная Москва!
Ее напрасно украшают,
Ее напрасно наряжают.
Огромных зданий стройный вид,
Фонтаны, выдумка востока,
Везде чугун, везде гранит,
Сады, мосты, объем широкий

Несметных улиц, — все блеснит
Изящной роскошью, все ново,
Все жизни ждет, для ней готово,
Но жизни нет! Она мертва,
Первопрестольная Москва! [8, с. 126]

С другой важной фигурой литературного процесса Золотого века — Михаилом Юрьевичем Лермонтовым — Чаадаев сближает ряд биографических и тематических моментов. Лермонтов и Чаадаев встречались в салонах, но, как показал советский литературовед Э. Э. Найдич, влияние Чаадаева на Лермонтова выражается в первую очередь через образ «басманного философа» как непонятого пророка, как борца за общественный (христианский) идеал, пришедшего слишком рано на философско-политическую сцену. По всей видимости, одно из стихотворений Лермонтова было посвящено Чаадаеву [6]:

Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И услышав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!» [5, с. 153]

Очевидно, что лермонтовские строчки коррелируют с тем разделением двух типов любви, которое Чаадаев предлагает в «Апологии сумасшедшего» (хотя, конечно, данный текст не был опубликован в 1830-е гг., однако логика мысли у Чаадаева непременно остается той же самой):

Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть нечто еще более прекрасное — это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, воспитывает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не чрез родину, а чрез истину ведет путь на небо [9, т. 1, с. 523–524].

Любовь к родине, сопровождаемая любовью к истине, стоит выше, чем слепая любовь к своему народу, нации, стране. Такой высшей любовью к родине и обладал Чаадаев в интерпретации поэта.

Вероятно, и в лермонтовской «Думе» отражены идеи первого «философического» письма. Особенно это заметно в следующих строках стихотворения:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда [5, с. 169].

Таким образом, влияние Чаадаева на упомянутых выше поэтов в 1830–1840 гг. вряд ли можно отрицать. Поэты писали либо о самом Чаадаеве (как о видном мыслителе или как о своего рода «бунтаре»), либо отражали и продолжали в поэзии некоторые критические замечания в адрес николаевской действительности.

Возвратимся к Чаадаеву как поэту. В «Полном собрании сочинений» мыслителя 1991 года представлено два образца поэтического наследия философа. Если поэма «Рыбаки» прокомментирована в достаточной степени В. В. Саповым, то стихотворение «Celui, dont l'âme sublime...» осталось без каких-либо комментариев (приведен только перевод стихотворения, осуществленный Л. З. Каменской). Однако имеет смысл вписать это произведение в общий контекст философских идей Чаадаева и предложить его более точный перевод с учетом чаадаевской философии. Стихотворение, написанное 26 июля 1833 года, выглядит следующим образом:

Celui, dont l'âme sublime,
Du ciel, comme un beau hasard,
Fut jeteé en notre abîme,
Ah! je l'ai connu trop tard.

Celui, de qui la pensée
Perçant un épais brouillard
Vers si haut s'est élancée,
Ah! je l'ai connu trop tard.

Mais j'ai rêvé ses paroles,
Mais j'ai rêvé son regard,
Je l'ai vu dans mes idoles.
Ah! je l'ai connu trop tard.

C'est lui que mon âme ardente
Cherchait partout au hasard.
Comme une étoile éclatante,
Il brille, mais trop tard [9, т. 1, с. 783–784].

Биография Чаадаева, по всей видимости, мало что может дать для понимания данного стихотворения. В это время Чаадаев пытается устроиться заново на государственную службу, ведет переписку с шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом о такой возможности, но не получает удовлетворительного предложения и отказывается от этого намерения. Поэтому более закономерным представляется обратиться к философскому наследию мыслителя и посмотреть на стихотворение как на часть целостного корпуса чаадаевских работ.

В «Полном собрании сочинений» мыслителя параллельно с французским текстом приведен перевод Л. З. Каменской:

Ты в горних высях долго жил,
Но вот, на наше счастье, вдруг
Низвергнут в пропасть нашу был.
Тебя узнал я поздно, друг.

Но в горни выси возвратилась,
Преодолев порочный круг,
Твоя душа, что нам явилась.
Тебя узнал я поздно, друг.

Но облик твой, твои слова
В других я часто узнавал.
Кумиров много создал я,
Но поздно, друг, тебя узнал.

Подобно вспышке озаренья
Ты освещаешь все вокруг.
Ты мог рассеять заблужденья.
Узнал я это поздно, друг [9, т. 1, с. 783–784].

В данном переводе трудно определить, о каком друге идет речь — то ли это метафизический спутник, то ли реальный друг Чаадаева. Поскольку биографические данные мало что позволяют сказать, то, по всей видимости, будет наиболее правильным интерпретировать стихотворение как метафизическое послание *sui generis*.

Предлагаемый ниже перевод учитывает более обширный (философский) контекст стихотворения:

Я узнал его слишком поздно!
Его, чья душа с небес
Была брошена в нашу пропасть,
Как чудо из чудес.

Я узнал его слишком поздно!
Его, чья упорная мысль,
Рассеяв туманы порока,
Вернулась в родимую высь.

Я узнал его слишком поздно!
Но я грезил об этих словах,
Но я грезил о взгляде робком,
Их предвидя в своих богах.

Лишь его мое пылкое сердце
Искало в долинах грозных.
Он блестит, как звезда, он сияет сейчас,
Он сияет — но слишком поздно.

Данный перевод позволяет взглянуть на стихотворение с метафизической и — шире — богословской точек зрения — как на диалог человека с Богом. «Я» в стихотворении — это все человечество, говорящее о Боге, но через индивида, отдельную личность. Эта метафизическая метонимия отнюдь не чужда чаадаевской мысли. Как справедливо замечает А. П. Козырев,

превращение индивидуального «Я» в «Я» логическое и философское представляет собой необходимый момент универсального мирового процесса, религиозно понятого Чаадаевым прогресса, в котором принимает участие божественный Промысел и в котором, по словам Паскаля, все человечество есть не что иное, как один человек [4, с. 42].

Приводимые Чаадаевым в стихотворении ламентации описывают духовное состояние человека и общества середины XIX в. с точки зрения мыслителя-христианина, который в позитивизме, социализме и демократизме видит угрозу нормальному состоянию монархии, церкви и установленной иерархии. Политические процессы и изменения напрямую связаны с религиозным развитием человечества — в этом одна из особенностей мысли Чаадаева.

Таким образом, переброшен мостик между непонятым стихотворением и одной из основных тем «Философических писем» — учением о невидимой силе, управляющей мировым процессом. Учение об этой силе Чаадаев развивает во втором и третьем письмах, не увидевших свет в 1830-е годы. В третьем «Философическом письме» Чаадаев утверждает, что вся история человечества — это история подчинения (сознательного или бессознательного) человеческой воли данной силе:

Вся наша активность есть лишь проявление силы, заставляющей нас стать в порядок общий, в порядок зависимости. Соглашаемся ли мы с этой силой или противимся ей — все равно мы вечно под ее властью. Поэтому нам остается только стараться дать себе возможно верный отчет в ее действии на нас и, раз мы что-либо об этом узнали, отдаться ей со спокойной верой: эта сила, без нашего ведома действующая на нас, никогда не ошибается, она-то и ведет Вселенную к ее предназначению [9, т. 1, с. 357].

Одним из важных чаадаевских чаяний была идея о том, что суть всей мировой истории — вернуться к моменту изначальной божественной заданности (в терминах неокантианства), воссоединиться с этой невидимой силой. Разворачивающиеся на протяжении веков отношения между Богом и человеком имеют свои законы, которые предполагают степень наказания и степень одобрения со стороны Божественного. Если переводить на язык этики, это значит, что идея единого Бога, которую выдвинули греческие философы и еврейские мудрецы, стала играть роль маркера между добром и злом. Признание и следование этой идее равнозначно добру, в то время как отрицание ее равнозначно злу.

Между тем вся история, по Чаадаеву, движется к идеалу Царства Божьего на земле, к осуществлению воли Абсолюта. Наиболее отчетливо идеал Царства Божьего Чаадаев выразил в заключительном, восьмом, письме:

Удивительное понимание жизни, принесенное на землю создателем христианства; дух самоотвержения; отвращение от разделения; страстное влечение к единству: вот что сохраняет христиан чистыми при любых обстоятельствах. Так сохраняется раскрытая свыше идея, а через нее совершается великое действие слияния душ и различных нравственных сил мира в одну душу, в единую силу. Это слияние — все предназначение христианства. Истина едина: царство Божье, небо на земле, все евангельские обетования — все это не иное что, как прозрение и осуществление соединения всех мыслей человечества в единой мысли; и эта единая мысль есть мысль самого Бога, иначе говоря, — осуществленный нравственный закон. Вся работа сознательных поколений предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предел и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великий апокалипсический синтез [9, т. 1, с. 440].

Однако в интерпретируемом стихотворении есть очевидное указание на то, что при нынешнем состоянии развития человечества достигнуть этого идеала вряд ли возможно — такое достижение возможно только в далеком будущем, в конце исторического процесса, куда и обращен взор Чаадаева, парадоксальным образом утверждающего появление Царства Божьего на земле. Об этом — его маленькое стихотворение, послужившее поводом для приведенных размышлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валицкий А.* Петр Чаадаев — Прологомена к философии «России как периферийной империи» // *Logos i Ethos*. 2016. № 2. С. 9–26.
2. *Велижев М. Б.* Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
3. *Жихарев М. И.* Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 48–119.
4. *Козырев А. П.* «Шаткость индивидуального»: персоналистическая лексика П. Я. Чаадаева // *Вопросы философии*. 2012. № 2. С. 40–49.
5. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1988.
6. *Найдич Э. Э.* И все-таки Чаадаев! // *Найдич Э. Э.* Этюды о Лермонтове. СПб.: Худож. лит., 1994. С. 80–95.
7. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
8. *Ростопчина Е. П.* Стихотворения, проза, письма. М.: Сов. Россия, 1986.
9. *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М.: Наука, 1991.
10. *Червяков Н. А.* Два русских эстета глазами одного британского фарисея. Рецензии У. Х. Одена о Леонтьеве и Чаадаеве // *Вопросы философии*. 2020. № 6. С. 126–138.
11. *Auden W. H.* A Russian Aesthete // *Auden W. H.* Forewords and Afterwords. New York: Random House, 1973. P. 274–282.

REFERENCES

1. Walicki, A. (2016) Pyotr Chaadayev — Prolegomena to the Philosophy of ‘Russia as a Periphery Empire.’ *Logos i Ethos*, no. 2, pp. 9–26. (In Russian).
2. Velizhev, M. B. (2023) *The Chaadayev Case: Ideology, Rhetoric and Governmental Power in Russia of Nikolay I*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
3. Zhikharev, M. I. (1989) The Report to Posterity about Pyotr Yakovlevich Chaadayev. *Russkoe obshchestvo 30-kh godov XIX v. Lyudi i idei. Memuary sovremennikov*. Moscow, MSU Publ., pp. 48–119. (In Russian).
4. Kozyrev, A. P. (2012) The Fragility of the Individual: The Personalistic Vocabulary of P. Ya. Chaadayev. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 40–49. (In Russian).
5. Lermontov, M. Yu. (1988) *The Collected Works*: in 2 vols., vol. 1. Moscow, Pravda Publ. (In Russian).
6. Naidich, E. E. (1994) And, After All, Chaadayev! Naidich E. E. *Etiudy o Lermontove*. St. Petersburg, Khudozhestvennaya literatura, pp. 80–95. (In Russian).
7. Pushkin, A. S. (1950) *The Complete Works*: in 10 vols., vol. 1. Moscow, Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian).
8. Rostopchina, E. P. (1986) *Poems, Prose, and Letters*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russian).
9. Chaadayev, P. Ya. (1991) *The Complete Works and Selected Letters*: in 2 vols. Moscow, Nauka. (In Russian).
10. Chervyakov, N. A. (2020) Two Russian Aesthetes in the Eyes of One British Pharisee. W. H. Auden’s Reviews on Leontiev and Chaadayev. *Voprosy filosofii*, no. 6. pp. 126–138. (In Russian).
11. Auden, W. H. (1973) A Russian Aesthete. Auden, W. H. *Forewords and Afterwords*. New York, Random House, pp. 274–282.

Поступила в редакцию 10.02.2025

Принята к публикации 15.06.2025

Received 10.02.2025

Accepted 15.06.2025

УДК 81–36.24

*Ч. Пило Боил ди Путифигари, С. Б. Воловик**

ИТАЛЬЯНСКИЙ АРТИКЛЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

Статья посвящена выявлению и изучению закономерностей и особенностей использования артикля в итальянском языке с точки зрения референциальных свойств имени существительного. Авторы статьи пересматривают основные случаи употребления артикля и показывают, что использование артикля или же его опущение напрямую зависит от коммуникативной стратегии и конкретных намерений говорящего, а также от наличия или отсутствия референта (экстралингвального объекта). Артикул рассматривается с учетом последних достижений лингвистики и теории коммуникации с точки зрения его внутренней связи со свойствами имени существительного и его прямого назначения — соотноситься с предметами и явлениями реального мира. Вместо механического следования многочисленным правилам и исключениям предлагается обратиться к функциональному принципу языка и проанализировать специфику употребления артикля в диахроническом и синхроническом ракурсах на примерах его употребления в живой речи.

Ключевые слова: итальянский артикль, референт, референциальность, коммуникативная стратегия, речевая интенция.

C. Pilo Boil di Putifigari, S. B. Volovik
ITALIAN ARTICLE AND THE REGULARITIES OF ITS USE

The paper focuses on identifying and analysing patterns and features of article usage in Italian, considering the referential properties of nouns. The authors review the main cases

* Пило Боил ди Путифигари Чечилия — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; cecilia173@yahoo.com

Cecilia Pilo Boil di Putifigari — PhD in Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky; cecilia173@yahoo.com

Воловик Светлана Борисовна — переводчик, исследователь (итальянист), Москва; volovik.svetlana@gmail.com

Svetlana B. Volovik — translator, researcher (Italian studies), Moscow; volovik.svetlana@gmail.com

of article usage and show that the presence or omission of an article directly depends on the communicative strategy and specific intentions of the speaker, as well as on the presence or absence of a referent (extralinguistic object). The paper discusses article usage in light of the latest achievements in linguistics and communication theory, from the point of view of its internal connection with the properties of noun and its primary function — to correlate with objects and phenomena of the real world. Instead of mechanically following numerous rules and exceptions, it is proposed to refer to the functional principle of language and to analyse the specifics of article usage, with both diachronic and synchronic approaches using examples from colloquial speech.

Keywords: Italian article, referent, referentiality, communicative intention, communicative strategy.

Артикль как отдельная часть речи присутствовал в древнегреческом языке и присутствует сегодня во многих европейских языках, в первую очередь в романских. Происхождение артикля в итальянском языке, подобно всем языкам романской группы, связано с поздней устной латинской речью. В итальянском языке артикль представлен максимальным по сравнению с другими языками количеством форм и функций. Именно поэтому его употребление является одной из самых больших трудностей, особенно для студентов, которые являются носителями языка, не имеющего системы артиклей, а ошибки, связанные с некорректным использованием артиклей, — самые распространенные.

В настоящей статье мы бы хотели рассмотреть артикль и его употребление не как набор правил и исключений, а как неотъемлемую часть дискурса, чутко реагирующую на семантические модификации и коммуникативные задачи (намерения и ожидания участников диалога), а также отражающую понимание контекста (ситуации) в целом. Особое внимание будет уделено разработке системного подхода и типологизации употребления артикля.

Начнем с толкования артикля в итальянской лингвистике. Лука Серианни дает следующее определение артикля:

Артикль — это часть речи, которая согласуется с именем существительным в роде и числе, и, находясь в препозиции по отношению к имени существительному, определяет его разными способами (определенный и неопределенный артикль) [7, p. 161]^{*}.

Что касается форм артикля, то итальянский язык отличается удивительным разнообразием: определенный артикль мужского рода единственного числа — *il*, *lo* (*l'*), множественного числа — *i*, *gli*; женского рода единственного числа — *la* (*l'*), множественного числа — *le*. Таким образом, один определенный артикль в итальянском языке представлен восемью разными формами, в то время как в английском языке это единый для всех артикль *the*. Подобным образом неопределенный артикль представлен следующими формами: для мужского рода единственного числа — *un*, *uno* и для женского рода единственного числа — *una* (*un'*), между тем как в качестве артикля множественного числа используются формы сочлененных предлогов: две для мужского рода — *dei*, *degli*, одна для

^{*} Здесь и далее перевод итальянских источников на русский язык принадлежит авторам статьи. — Ч. П., С. В.

женского рода — *delle*. Кроме того, возможен вариант так называемого «нулевого» артикля, то есть его отсутствие.

В итальянском языке артикль, как и прилагательные, выполняющие определительную функцию (в русском языке так называемые местоименные прилагательные) и подразделяющиеся на указательные (*dimostrativi* — *questo cane*), неопределенные (*indefiniti* — *alcuni cani*), притяжательные (*possessivi* — *mio figlio*), вопросительные (*interrogativi* — *che cosa*) прилагательные, выполняют важную функцию детерминанта (или определителя) именной группы («*determinante del gruppo nominale*») [3, p. 149].

Артикль и существительное тесно связаны между собой. И если в определенных случаях существительное может обойтись без артикля (скажем, большинство имен собственных, например *Maria* или *Parigi*), то артикль всегда сопровождается существительным. Он является своего рода индикатором имени существительного. Более того, артикль обладает свойством субстантивировать любые части речи, не являющиеся по своей природе существительными, или даже фразы. Дардано и Трифоне приводят следующие примеры:

unire l'utile al dilettevole;
con i «ma» e con i «se» non si fa la storia;
lassai basta e il troppo guasta;
calcolare il dare e l'avere;
si avvicinò con un fare sospetto [3, p. 149].

Лука Серианни также отмечает, что артикль может использоваться с любой частью речи, которая в таком случае субстантивируется [7, p. 162].

Обратимся к этимологии слова «*sostantivo*» или «существительное». Оно происходит от латинского *substantia* (итал. — *sostanza*), субстанция, сущность, то, что неизменно в отличие от меняющихся свойств и состояний; то, что существует в самом себе и благодаря самому себе. Это может быть одушевленный или неодушевленный предмет, явление, постигаемое в чувственном опыте, либо абстрактное понятие, концепт, представление о чем-либо, т. е. то, что невозможно воспринять органами чувств. Важен факт существования субстанции во внеязыковой реальности, либо ее оформленности в качестве концепта/идеи в нашем сознании. Именно артикль в итальянском языке используется в качестве «маркера», указывающего на существование (от *лат.* — *exsistentia*; *итал.* — *esistenza*) данной субстанции и придающего слову или выражению реальные очертания. Таким образом, он отсылает к некоему (определенному или неопределенному) индивидууму, предмету или явлению — референту, то есть экстралингвальному объекту, существующему во внеязыковой реальности.

В своей статье об артикле, написанной для энциклопедии «Треккани», Никола Гранди предлагает следующее определение артикля и его функций:

Выражаясь современной терминологией, артикль относится к классу слов, которые используются в качестве модификатора/определителя имени существительного, так называемых «детерминантов» или «спецификаторов»... [5]

Отметим также, что выбор того или иного детерминанта зависит от говорящего, от его восприятия дискурсивной ситуации и его представлений о степени осведомленности собеседника.

Уточним понятия и термины, на которые мы в дальнейшем будем опираться и которые являются ключевыми для понимания артикля:

- *референт* — предмет/явление внеязыковой действительности, существующий в реальном или воображаемом мире, подразумеваемый автором конкретного речевого отрезка, и с которым мы соотносим высказывание;

- *референциальность* — соотнесенность в процессе коммуникации знака/слова с объектами (предметами/явлениями) внеязыковой (экстралингвальной) действительности или нашими представлениями о них;

- *референциальный* — соотнесенный, связанный с конкретным объектом, который называет лексема в конкретной ситуации; другими словами — имеющий референта (определенного или неопределенного, присутствующего или отсутствующего в момент речи), соответственно, *нереференциальный* — вовсе не имеющий референта.

Итак, почему же референт и референциальность имеют такое важное значение для выбора и правильного употребления артикля? Остановимся на этом подробнее, используя для ясности ряд примеров.

Лука Серианни отмечает, что иногда в устойчивых выражениях, в рекламе или в журналистике наблюдается кажущаяся несогласованность («un'apparente sconcordanza») в роде и числе между существительным и артиклем: «un due pezzi» (*un costume a due pezzi*); «la due ruote viaggia sulla destra, mentre...» (*la motocicletta*)» [7, p. 161]. Однако на самом деле кажущаяся несогласованность легко объясняется, если мы обратимся к упомянутым выше понятиям.

Как уже было сказано присутствие артикля указывает на существование определенного или неопределенного референта и сообщает слову или выражению его (референта) род и число. Поэтому в нашем случае «la due ruote» и «un due pezzi» имеют реальных референтов, которыми являются в первом случае «la motocicletta» (ж. р., ед. ч.), а во втором — «un costume (м. р., ед. ч.) a due pezzi». То есть: *la* (ж. р., ед. ч.) *due ruote* = *la* (ж. р., ед. ч.) *motocicletta* = референт (ж. р., ед. ч.) и *un* (м. р., ед. ч.) *due pezzi* = *un* (м. р., ед. ч.) *costume a due pezzi* = референт (м. р., ед. ч.). Или еще пример: «un diesel (un *autoveicolo* con motore a diesel) allo stesso prezzo *del* benzina (l'*autoveicolo* con motore a benzina)».

В приведенных примерах референциальное слово сопровождается артиклем, определенным или неопределенным. Попробуем разобраться, чем обусловлен выбор и в чем состоит разница между определенным артиклем *il* (*lo, la*) и неопределенным *un* (*uno, una*).

Итальянские лингвисты (Лука Серианни, Маурицио Дардано, Пьетро Трифоне) отмечают, что использование того или иного ряда артиклей связано с двумя фундаментальными закономерностями:

1) l'opposizione «classe»/«membro» и 2) l'opposizione «noto»/«nuovo».

Рассмотрим подробнее обе категории.

(1) В случае оппозиции «classe»/«membro» *il* указывает на целую категорию, а *un* на отдельного индивида. То есть «класс» vs «отдельный индивидуум».

Например:

Il leone è il re degli animali (il leone = i leoni, tutti i leoni), то есть имеется ввиду целая категория. Однако:

Но visto *un leone* per le scale (неопределенный представитель категории) [7, р. 162].

Надо заметить, что в некоторых случаях можно использовать как определенный (*il*), так и неопределенный артикль (*un*), и это не отразится существенным образом на смысле высказывания:

1. *Il cane* (как категория, то есть все собаки) è un fedele amico dell'uomo;
2. *Un cane* (отдельный индивидуум, всякая, любая собака) è un fedele amico dell'uomo;
3. Voglio comprarmi *un cane* (любую/какую-нибудь);
4. Voglio comprarmi *il cane* (как обязательный атрибут в определенном социуме).

В последней фразе (4) «*il cane*» представляется, как уточняет Серианни, почти что одним из предметов быта, которыми мы пользуемся ежедневно (точно так же мы говорим: «Хочу купить себе телевизор, утюг, фен» и т. д.) [7, р.162].

(2) В случае «*noto*»/«*nuovo*» («известного»/«нового») *il* подразумевает, что речь идет о чем-то известном нашему собеседнику, «*un*» вводит «новую», неизвестную собеседнику информацию.

Поясним на примерах:

Bisogna portare fuori *il cane* (нужно погулять с собакой; *il* указывает на то, что собеседник знает о наличии у говорящего собаки).

Ieri ho incontrato *lo scultore* (я встретил того самого скульптора; собеседник знает, о ком идет речь: например, о нем говорили накануне).

È arrivato *il* racco (посылка прибыла; собеседник знает, о какой посылке говорится, например: та самая посылка, которую мы так долго ждали).

Иногда в таких случаях после референциального слова с определенным артиклем следует словосочетание или придаточное предложение, конкретизирующее, уточняющее сказанное или указывающее на совершенно определенного референта. Например:

il cane di tua sorella (собака твоей сестры, то есть именно та собака, которая принадлежит твоей сестре);

i cani di tua sorella (все собаки, которые есть у твоей сестры);

la casa di campagna di Marco (именно тот дом, который находится за городом);

il cane che ho visto ieri (именно та собака, которую я видел вчера);

il quadro che sta a sinistra della finestra (именно та картина, которая находится слева от окна);

è *la casa* dove sono cresciuto (именно тот дом, в котором я вырос — очевидно, второго такого дома нет).

Последние три примера объединяет то, что придаточные предложения в них не просто поясняют сказанное, а прямо указывают на присутствие определенного и единственного референта.

Сравним семантику фраз:

è *una casa che rappresenta la sua epoca* (это дом, какой-то/неопределенный, один из многих, который представляет свою эпоху);

но

è *la casa che meglio rappresenta la sua epoca* (это дом, тот самый единственный, который наилучшим образом представляет свою эпоху), в том случае, если бы дом был в чем-то уникален, например, лучше других сохранился.

Во всех этих примерах, даже при отсутствии придаточного предложения, определенный артикль является «сигналом» для реципиента, что референт лексемы, которая сопровождается определенным артиклем, ему известен, поскольку о его существовании уже говорили, либо он уникален в своем роде. То есть референт является определенным для обоих собеседников. И это совпадение представлений/знаний о референте у говорящего и реципиента, отражается в дискурсе появлением определенного артикля.

Таким образом становится понятным, почему мы используем определенный артикль с такими словами, как, например, «солнце» или «луна» — *il sole, la luna*: референты этих слов известны всем, они — уникальны, наши представления о них одинаковые и вполне определенные, поэтому и артикль мы используем определенный.

Отметим, что кажущееся противоречие в выражениях:

un sole così accecante (такое ослепительное солнце),

una pioggia violenta (такой сильный дождь),

un amore così grande (такая большая любовь)

также легко объясняется с помощью понятия «референциальность». Добавляя оценочную характеристику (в примерах это — прилагательное), мы выражаем личное мнение, наше видение солнца в какой-то момент, наше отношение, то есть референт, к которому обращаемся мы в момент речевого акта «*un sole accecante*», не совпадает с тем общепринятым референтом «*il sole*», который существует в коллективном представлении о нем, и это обуславливает появление неопределенного артикля. В статье мы еще вернемся к этому вопросу и рассмотрим подробнее использование артикля с существительными, выражающими оценочную характеристику.

Что касается семантики определенного артикля, итальянские лингвисты отмечают тот факт, что формы определенного артикля *il, lo, la* происходят от форм латинского указательного местоимения — *ille, illa, illud*. Общий этимон с указательным местоимением подчеркивает связь определенного артикля с конкретным обособленным индивидуумом, предметом или концептом (референтом, или экстралингвальным объектом), который оба, говорящий и слушатель, могут визуализировать, представить, выделяя его на фоне других индивидуумов, предметов или концептов. Мы как будто показываем на него пальцем, чтобы не спутать с другими объектами того же класса, подчеркнуть идентичность представлений о нем (именно тот; тот самый), его уникальность.

В примерах с неопределенным артиклем ситуация совершенно иная:

1. Ieri ho conosciuto *uno* scultore (вчера я познакомился с одним скульптором);
2. È arrivato *un* pacco (прибыла (какая-то) посылка);
3. Voglio comprarmi un cane (я хочу купить собаку, какую-нибудь, неопределенную).

Именно неопределенный артикль здесь является «сигналом» для реципиента, что сейчас последует новая информация. Важно отметить, что с неопределенным артиклем возможны следующие трактовки:

- референт известен говорящему, но не известен слушателю (примеры № 1 и 2);
- референт является неизвестным, неопределенным и для одного, и для другого (пример № 3).

Обратимся к другим примерам:

No trovato *il* portafoglio (кошелек я нашел).

Здесь наличие определенного артикля указывает на то, что не только говорящий, но и собеседник знают о каком кошельке идет речь, а также знают, что, по-видимому, определенный кошелек был потерян, его искали, а теперь нашли. То есть определенный артикль как бы сообщает дополнительную информацию (тот самый, который искали). Еще один пример:

No trovato *un* portafoglio (я нашел кошелек).

В данном случае информация воспринимается совсем иначе. Говорящий просто сообщает собеседнику о своей находке (какой-то кошелек). Для собеседника информация является новой (референт сообщения ему не известен).

Рассмотрим подробнее несколько примеров, из грамматики Феррари и Дзампези, где говорящий использует неопределенный артикль:

Sto aspettando *un* medico (я жду врача).

Эта фраза может быть истолкована двояко. Вполне возможно, что говорящий ожидает определенного врача, к которому он периодически обращается либо хочет обратиться по чьему-то совету. В этом случае говорящий сообщает о вполне конкретном враче, но реципиенту этот врач неизвестен. Воспользовавшись терминологией, предложенной Анджелой Феррари и Лучано Дзампези, можно говорить о неопределенном конкретном артикле «*indeterminato specifico*» [4, p. 97; 6, p. 378]. То есть здесь референт (врач) известен только говорящему, реципиенту — нет. Возможна и другая трактовка: говорящий ожидает (например, в приемном покое скорой помощи), что его примет хоть какой-нибудь врач, и сообщает об этом своему собеседнику. В этом случае предполагается, что референт (хоть какой-нибудь врач) — есть, но он не известен ни говорящему, ни собеседнику. В данном случае речь идет об артикле неопределенном неконкретном, «*indeterminato non specifico*» [4, p. 97; 5, p. 378]. То есть, форма высказывания одинакова, но семантика неопределенного артикля *un* меняется, в зависимости от ситуации. Это, в свою очередь, отражается на грамматическом уровне в случае, если после слова-референта следует

придаточное предложение: различие в семантике неопределенного артикля ведет к чередованию глагольных форм, что нужно учитывать при переводе и правильно интерпретировать информацию.

Рассмотрим в качестве иллюстрации примеры:

Cerco un libro che mi appassiona / Я ищу некую книгу, которая мне очень нравится — глагол в настоящем времени изъявительного наклонения.

Эта фраза может быть ответом на вопрос: «Что ты ищешь?». Говорящий ищет среди множества книг какую-то одну, вполне определенную, но неизвестную собеседнику книгу, чтение которой его захватило, однако не может ее найти. Фразу можно продолжить: «*ma non ricordo dove l'ho messo*» (но я не могу вспомнить, куда я ее положил). Важно отметить, что говорящий не считает нужным определить более точно, о какой книге идет речь, либо потому что он считает, что собеседник не знает эту книгу, либо потому что он считает эту информацию нерелевантной (ср. открытия последователей семиотико-прагматического подхода: максимы Грайса и теорию релевантности Спербера и Уилсона).

Cerco un libro che mi appassioni / Я ищу какую-нибудь книгу, которая мне бы понравилась — глагол в настоящем времени сослагательного наклонения.

В этой фразе говорящий ищет какую-нибудь пока неизвестную ему, неконкретную книгу, которая могла бы ему понравиться (фразу можно было бы продолжить: «Не мог бы ты мне что-нибудь посоветовать?»). Здесь референт (какая-то книга) пока еще не известен ни говорящему, ни собеседнику, то есть он является неопределенным и для одного, и для другого. Обратим внимание, что именно использование глагола форме индикатива (изъявительного наклонения) или конъюнктива (сослагательного наклонения) в придаточном предложении дает возможность (даже без знания контекста) передать различие в семантике артикля *un* и высказывания в целом. Очень похожие на первый взгляд фразы несут в себе разную информацию.

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что наличие или отсутствие артикля как такового обусловлено наличием или отсутствием референта (не в момент речи, а вообще), но будет ли артикль определенным или неопределенным, зависит от речевой интенции говорящего, от его восприятия общего ситуативного контекста и представлений об осведомленности собеседника.

Приведенные выше примеры демонстрируют, что язык является гибкой, но сложной системой, и что невозможно свести богатство языковых средств выражения к простому набору правил: важна речевая интенция говорящего, контекст в целом и конкретная ситуация. Как отмечают современные итальянские лингвисты, «использование артикля зависит и от свойств референта, и от коммуникативной стратегии говорящего» [4, р. 99]. Иными словами, выбор вида артикля зависит от речевой интенции говорящего, от его восприятия общего ситуативного контекста и его представлений об осведомленности собеседника.

В приведенных выше примерах мы рассмотрели употребление артикля (определенного, неопределенного) единственного числа. Рассмотрим случаи, когда мы имеем дело с артиклем множественного числа.

Как известно, в итальянском языке формы множественного числа неопределенного артикля отсутствуют, вместо них используются формы партитивного артикля: *dei, degli, delle*, или же артикль не употребляется вовсе, опускается (так называемый «нулевой» артикль).

Обратимся снова к примерам, которые приводят А. Феррари и Л. Дзампези:

Cercano *delle* (=alcune) segretarie trilingui.

Cercano (артикль опущен) segretarie trilingui.

Обе фразы обозначают «Требуются секретари, которые владеют тремя языками». При переводе нужно обязательно учитывать, что отсутствие артикля с существительными множественного числа — очень близко по семантике к неопределенному артиклю: в речь вводится новая информация. Отличие лишь в том, что использование говорящим неопределенного артикля подчеркивает «небольшое количество» (=alcune).

В обоих примерах не только реципиент не знаком с соискателями (референтами), но и говорящий; тот, кто размещает объявление, указывает лишь какими характеристиками должны обладать претенденты на предлагаемую вакансию. Эти предложения можно перефразировать:

Cercano (нет артикля) segretarie che siano trilingui.

Cercano *delle* (=alcune) segretarie che siano trilingui.

Обратим внимание, что в ситуации, когда референт не известен обоим собеседникам («неопределенный неконкретный» — *indeterminato non specifico*), в придаточном предложении появляется глагол в конъюнктиве (сослагательном наклонении).

При этом неопределенный артикль множественного числа не всегда можно опустить.

Но *rivisto delle* (alcune) persone che avevo conosciuto a Parigi (я снова встретил (нескольких) людей, с которыми познакомился в Париже).

В этом случае опустить артикль нельзя. Фраза «*Ho rivisto persone che avevo conosciuto a Parigi*» являлась бы с точки зрения грамматики некорректной, так как говорящий знает людей, о которых говорит (он сообщает об этом в придаточном предложении), у слова «люди» имеются вполне конкретные референты. Для собеседника же информация является новой, и в такой ситуации неопределенный артикль множественного числа не может быть опущен. Это случай «неопределенного конкретного артикля» (*indeterminato specifico*).

Случаи отсутствия артикля

Особая грамматическая ситуация складывается, когда сообщается об отсутствии известного или неизвестного говорящему и реципиенту предмета/явления. Как уже было отмечено выше, наличие артикля обусловлено наличием референта у имени существительного, к которому артикль относится. В случае отсутствия референта возникает ситуация отсутствия артикля. Например:

Non c'è speranza (нет надежды).
Non c'è problema (нет проблемы).

Сама фраза говорит нам о том, что проблемы (референта) нет, а значит, нет и артикля.

Non c'è uomo più dolce di lui (нет нежнее мужчины, чем он).

Сама фраза содержит в себе утверждение, что референта у слова «uomo» нет. Поэтому артикль отсутствует.

Однако грамматическая ситуация меняется в следующем случае:

Non c'è *un* uomo più dolce di lui (нет ни одного такого (второго такого) нежного мужчины, как он). Референт («un uomo»), которого выбрали для сравнения, есть, но он один, второго такого нет.

Обратим внимание на различие в семантике вышеприведенных примеров: неопределенный артикль как бы усиливает сказанное, добавляет эмоций.

Кроме того, не следует путать полное отрицание (то есть сообщение об отсутствии референта) с фразами типа:

(Questo) Non è *un* problema (это не проблема).

Здесь референт (questo) — по-видимому, какая-то сложная ситуация присутствует, но говорящий выражает личную оценку, как бы сравнивая ее с тем, что он для себя определяет как проблему, и принимает за основу сравнения некую единицу («un problema»), о чем и сообщает собеседнику. Фразу можно было бы продолжить: Non è *un* problema, è solo un contrattempo (это не проблема, а просто временные трудности).

Non ho mai visto un tessuto così bello (я никогда не видела такой красивой ткани).

Здесь референт (некая вполне определенная ткань) есть, говорящий просто делится своим впечатлением с собеседником, для которого данная информация является новой. И есть воображаемая единица, которая принимается на основу сравнения.

Если в предложениях с отрицательной семантикой используется определенный артикль, то тогда, зная его свойства, мы интерпретируем информацию следующим образом: референт не просто есть, но и представления о нем у говорящего и у слушателя идентичны, поскольку он является либо уникальным в своем роде, либо уже известен собеседникам:

(Questo) non è *il* problema più grande (это не самая большая проблема);

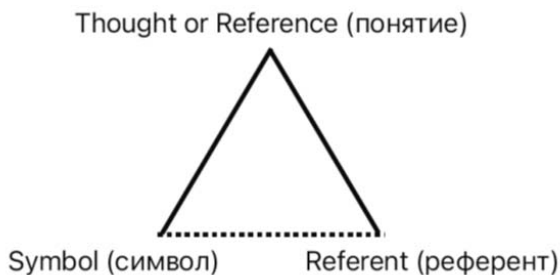
(Questo) non è *il* problema di cui ti avevo parlato (это не та проблема, о которой я тебе говорил).

В первом случае об уникальности референта говорит употребление прилагательного в превосходной степени «il problema più grande» (superlativo relativo), — очевидно, что еще одной самой большой проблемы быть не может.

Во втором случае — использование придаточного предложения «*di cui ti avevo parlato*» в качестве уточнения (именно та, о которой я тебе говорил — указательная функция определенного артикля).

Обратим внимание на тот факт, что в приведенных выше примерах, вне зависимости знают или нет говорящий и реципиент референта, он существует, даже если в момент сообщения он отсутствует. Поэтому в этих случаях артикль есть.

Но что же происходит, когда присутствие референта не отрицается? Когда он не отсутствует в момент речевого акта, а его вообще нет? Данная грамматическая ситуация представляется наиболее сложной для понимания. И чтобы разобраться в ней, обратимся к семантическому, или семиотическому треугольнику Огдена-Ричардса (Ogden-Richards), который графически показывает, как взаимодействуют между собой знак (графическое изображение слова), значение (то, что мы вкладываем в понятие, его содержание, суть явления) и сам объект (или референт, то есть то, что существует в экстралингвальной реальности). Существуют различные терминологические варианты для обозначения вершин треугольника. Например: означающее — означаемое — референт (Ф. де Соссюр) или символ — понятие — референт (Огден и Ричардс). Наиболее часто используется семиотический треугольник Огдена-Ричардса:

Для удобства и наглядности мы будем использовать термины *знак* — *значение* — *референт*.

В основании данного треугольника слева находится знак (графическое изображение или символ), справа — референт (предмет или явление), а на вершине треугольника — значение (понятие — то, что референт представляет собой не по внешней форме, а по внутреннему содержанию, присущие ему характеристики, свойства, функционал). Знак связан с референтом не напрямую, а посредством значения/понятия/концепта. Например: слово «лист», его графическое изображение находится в левом углу треугольника, его значение (лист, на котором пишут) — в вершине треугольника, что и отсылает нас к референту — листу бумаги.

Элементом, связанным с реальностью (известным собеседнику или нет), в треугольнике является только референт (объект), а следовательно, только он может сопровождаться артиклем, позволяющим идентифицировать или классифицировать референта среди подобных объектов; знак — это всего лишь графическое изображение, которое мы соотносим с референтом через

значение (то есть через нашу мысль, представления и понятия), сам по себе знак с референтом не связан. Поэтому в словарных статьях нет артиклей: есть только знак (слово) и то, что он означает (значений может быть много, что невозможно в случае с референтом, имеющим одно единственное значение).

На вершине семантического треугольника находится значение, то есть то, что мы вкладываем в понятие. Например: врач — человек в белом халате, обладающий определенным набором качеств, позволяющих ему лечить людей; оптимист — человек оптимистического склада характера, обладающий личностными качествами, позволяющими ему позитивно смотреть на мир. Другими словами, значение — это атрибутивно-предикативная характеристика, определяющая предмет суждения через указание (утверждение или отрицание) на его существенный, неотъемлемый признак, через то, что составляет сущность предмета суждения, его фундаментальное свойство; значение — это качественная или квалифицирующая характеристика. Она служит не для идентификации предмета суждения среди подобных, а для описания его отличительных признаков, свойств, характеристик, типологии, назначения. Например, Т. Б. Алисова, объясняя наличие или отсутствие артикля в староиспанском языке, цитирует комментарий испанского лингвиста Амадо Алонсо: «Имя с артиклем предполагает существование (*existencia*) обозначаемого, имя же без артикля имеет в виду содержание понятия, суть явления (*esencia*)» [1, с. 306]. То есть присутствие артикля у знака обусловлено существованием референта, оно указывает на «*existencia*», связь с реальностью предмета высказывания, его «материальность», в то время как отсутствие артикля указывает на его «*esencia*», сущность, на качественные, функциональные или профессиональные признаки, свойства и характеристики, которыми наделен данный референт. Как известно, такой функцией обладает прилагательное, которое указывает на качественный признак, например: *è bello*; *è alto*; *è cosciente* (он красивый; он высокий; он сознательный). То есть в ситуации, когда артикль отсутствует, мы описываем объект с точки зрения его качественных, функциональных характеристик, а не его формы или принадлежности к категории. Проанализируем фразы:

он — технарь;

он — гуманитарий.

Здесь мы не говорим о принадлежности к классу, не выделяем референта из класса, что соответствовало бы в итальянском языке грамматической ситуации имени с артиклем, а даем качественную характеристику субъекта высказывания, что соответствовало бы ситуации имени без артикля. Произнося фразу подобного рода, мы имеем в виду некое свойство, тот самый существенный и неотъемлемый признак: у него технический склад ума, он мыслит как гуманитарий. Здесь у существительных «технарь» и «гуманитарий» референтов (ни определенных, ни неопределенных) нет, они являются собирательной характеристикой склада ума, способностей и указывают на качества индивидуума, обуславливающие его подход, например, в решении поставленных задач или выборе жизненного пути. То есть мы описываем, квалифицируем тип личности, а не классифицируем индивидуума. Еще примеры:

Lui è artista. Он — натура творческая.

Lui è filosofo/scienziato. Он (мыслит как) — философ/ученый.

Вспользуемся моделью семантического треугольника для анализа следующих фраз:

1. *Quell'uomo è medico*. В данной фразе артикль перед существительным «*medico*» отсутствует, и мы можем предположить, что референта у данного слова нет, следовательно, функция слова «*medico*» здесь атрибутивно-предикативная, квалифицирующая; речь не идет о форме (человек в белом халате), мы описываем человека с точки зрения владения им профессиональными врачебными навыками (сообщаем о его существенном признаке). Скорее всего, данная фраза может являться ответом на вопрос: «кто он (по образованию, складу ума, профессии) тот мужчина?» либо «чем он занимается?». У слова «*medico*» нет какого бы то ни было референта в реальности, оно отсылает лишь к определенному набору компетенций, характеристик, качеств, которые присущи людям данной профессии и которыми обладает субъект высказывания (то есть только знак и значение, референта нет, следовательно, нет и артикля).

2. *Quell'uomo è un medico*. В данной фразе перед словом «*medico*» находится неопределенный артикль «*un*», следовательно, референт есть; и, согласно функции, которую выполняет неопределенный артикль, сказанное может быть интерпретировано как указание на принадлежность референта к определенной категории (т. е. классификация), а также что информация является новой для собеседника. Скорее всего, данная фраза может являться ответом на вопрос: «ты не знаешь, кто это (показывая в сторону незнакомого мужчины)?»

3. *Quell'uomo è il medico*. В данной фразе перед словом «*medico*» находится определенный артикль «*il*»; наличие артикля как такового указывает на существование референта, а согласно функции, которую выполняет определенный артикль, информация интерпретируется как известная не только говорящему, но и реципиенту (тот самый врач; тот, о котором шла речь). Вероятное продолжение фразы: «*quell'uomo è il medico di cui ti avevo parlato*» (этот человек — врач, о котором я тебе говорил). В отличие от предыдущей фразы у «*il medico*» имеется совершенно определенный референт, который известен и говорящему, и собеседнику.

В приведенных примерах существительное (с артиклем или без) входит в состав составного именного сказуемого. Т. Б. Алисова по этому поводу отмечает, что «в синтаксической позиции именной части сказуемого сохраняется противопоставление нулевого знака (отсутствие артикля) неопределенному артиклю, отмечающее отличие между “квалификацией” и “классификацией»» [1, с. 317]. То же самое, по мнению А. Р. Горячкина, мы наблюдаем в современном итальянском языке. Однако причины данного явления в учебнике остаются неясными. Автор говорит лишь о «нестабильности артикля» или о его «факкультативном характере» [2, с. 19].

Мы считаем важным остановиться на этом подробно и понять, почему так происходит. Ведь язык — это необычайно стройная система, имеющая свои законы и логику (как было показано выше на примере появления глагола в форме конъюнктива при изменении семантики артикля). Поэтому мы

примем за исходный тезис, что наличие или отсутствие артикля в составном именном сказуемом предполагает два разных «семантических сценария», два разных контекста, две разные речевые интенции. Другими словами, наличие или отсутствие артикля в именной части сказуемого является отражением изменений на уровне семантики; и в этом, на наш взгляд, нет противоречия (скорее, дихотомия), нестабильности или факультативности — есть цель высказывания, которой мы подчиняем языковые средства.

Подтверждение этому мы находим в «Итальянской грамматике» Дардано и Трифоне, где авторы отмечают, что

наличие или отсутствие артикля перед существительным находятся в тесной связи с различиями в семантике высказывания, и кажущиеся на первый взгляд похожими фразы, такие как «è l'avvocato» (с определенным артиклем), «è un avvocato» (с неопределенным артиклем) и «è avvocato» (без артикля), отнюдь не являются взаимозаменяемыми» [3, p. 155].

В качестве иллюстрации данного утверждения авторы предлагают использовать данные фразы в конкретной коммуникативной ситуации. Ваш собеседник, указывая на человека, который ему не знаком, спрашивает: «Chi è?» (Кто это?). Возможны следующие варианты ответа:

1. «È un avvocato» (это (один) адвокат). Если речь идет о человеке, с которым ваш собеседник не знаком (или во всяком случае, вам неизвестно о факте знакомства).

2. «È l'avvocato». Если речь идет об адвокате, которого вы уже обсуждали. Но совершенно невозможно ответить на этот вопрос: «È avvocato».

Если же вашего собеседника интересует, чем занимается («Che cosa fa?») человек, с которым его познакомили, или же «Кто он?» («Che cosa fa?»), в значении «Что делает?», возможны следующие варианты ответов:

1. «È un avvocato» (он — адвокат; он работает адвокатом). В этом случае неопределенный артикль, как уже отмечалось, подчеркивает принадлежность данного индивидуума к категории/классу адвокатов (один из). Здесь можно говорить о «категоризации», «классификации» индивидуума.

2. «È avvocato» (он — адвокат). В этом случае отсутствие артикля указывает, как уже было отмечено, на отсутствие референта (и не в данный момент, так как это не отрицание, а вообще), здесь «avvocato» — это набор профессиональных качеств, характеристик, свойственных данной категории; мы не рассматриваем «avvocato» как одного из представителей категории адвокатов, нас интересуют его компетенции [3, p. 156]. Здесь можно говорить о «квалификации» индивидуума.

В любом случае, если на вопрос «Cosa fa?» можно также ответить «Fa l'avvocato» (он работает адвокатом), то на вопрос «Chi è?» ответ «È avvocato» является неправильным. Как видно из примеров, не всегда при переводе на русский язык удастся передать эту разницу, особенно вне контекста, но важно понимать, что семантика высказываний и речевая интенция отличаются: классификация vs квалификация (или форма vs функция).

Чтобы лучше понять различия в семантике высказываний, представляется целесообразным вспомнить, что представляет собой и что выражает составное

именное сказуемое (СИС) в русском языке, и сопоставить его (СИС) функции в двух языках.

Как известно, глагольное сказуемое выражает действие, а именное — признак. Соответственно, глагольное сказуемое характеризует подлежащее как деятеля, а именное сказуемое — как носителя признака. Составное именное сказуемое состоит из двух компонентов: глагола-связки и присвязочного члена (именной части), составляющих синтаксическое единство. Глагол-связка выражает грамматическое значение наклонения, времени, лица, числа и рода и служит для грамматической связи именной части сказуемого с подлежащим. Присвязочный член (именная часть) передает лексико-синтаксическое значение сказуемого, то есть тот самый признак, носителем которого является подлежащее.

По характеру логического отношения к подлежащему существует два типа присвязочного члена: первый служит для подлежащего родовым понятием, то есть классифицирует: «Это — известный писатель» (*È uno scrittore famoso*); второй дает подлежащему атрибутивно-предикативную характеристику, или квалифицирует. «Она — врач» (*Lei è medico*). Именная часть составного именного сказуемого (СИС) первого типа в русском языке обычно выражается существительным или другими субстантивными словами в именительном или творительном падеже без предлога:

Это — наш преподаватель / *È un/il nostro insegnante*;
Он казался человеком сентиментальным / *Sembrava un uomo sentimentale*;
Он был отличным руководителем / *È stato un dirigente ineccepibile*.

Именная часть СИС второй разновидности в русском языке выражается полными формами прилагательных, причастий, местоименных прилагательных в именительном и творительном падеже, краткими прилагательными и причастиями, падежными и предложно-падежными формами существительных:

Его назначили директором / *È stato nominato direttore*;
Он был избран президентом / *È stato eletto presidente*.

Таким образом, в русском языке, как и в итальянском именная часть СИС может выражать два типа признака: классифицирующий и квалифицирующий. Оба эти признака являются отражением речевой интенции говорящего и ситуативного контекста. И если мы научимся различать эти два типа семантической структуры в родном языке, то не только разрешим все трудности, связанные с использованием артикля, но и получим дополнительный инструмент для передачи смысловых модификаций. Приведем еще примеры:

Il poeta è *una* categoria morale / Поэт — категория нравственная — классифицирующие отношения;
La tempesta era padrona della (di quella notte) notte / Гроза была хозяйкой ночи — квалифицирующие отношения.

Во втором примере мы не говорим о принадлежности грозы к классу/категории «хозяев ночи», а, скорее, в каком «качестве» она выступала. Если бы

мы хотели классифицировать «грозу», мы бы построили фразу следующим образом: *La tempesta è un fenomeno atmosferico*. И в таком случае в именной части сказуемого появляется артикль.

Подытоживая вышеизложенное: для правильного выбора артикля перед именем существительным в СИС необходимо различать, хотим ли мы подчеркнуть принадлежность индивидуума к категории (и тогда артикль нужен) или же сообщить о каких-то качествами, компетенциями, функциональными признаками данный индивидуум обладает (в таком случае существительное употребляется вообще без артикля). Но если речь идет о качестве, приписываемом на основе субъективной, эмоциональной оценки и выраженном через «скрытое» сравнение или метафору (пример: «*Sei una frana*»), то существительное употребляется с (неопределенным) артиклем [ср. 2, с. 77, 80].

Что происходит, когда мы даем характеристику явлению, человеку или действию через оценочное суждение, то есть выражаем субъективное, эмоциональное мнение, отношение, при восприятии качеств объекта, используя метафору? На основе сложившихся представлений, мы приписываем объекту (оценки) качества, свойственные тому или иному классу явлений, предметов. При этом за референциальную единицу, используемую для сравнения, мы принимаем одного из представителей класса (что соответствует функции неопределенного артикля), который мы выбрали для сравнения. Например:

Sei un poeta! / Ты — настоящий поэт!

Сравним:

Chi è quell'uomo? / Кто это, вон тот мужчина?

È un poeta. / Он — поэт.

Или же:

Sei una frana! / Ну и неумеха же ты!

Сравним:

È stata una frana a bloccare la strada. / Оползень перекрыл дорогу.

Come medico è bravo, però come padre è un disastro (è pessimo). / Как врач (в этом своем качестве) он молодец (прекрасный специалист), но как отец (в качестве отца) — просто катастрофа.

В последнем случае мы даем оценку двух качеств, двух «ипостасей» одного и того же человека, двух функциональных признаков, двух «ролей» — «*medico*» и «*padre*» (поэтому артикля нет), используя в первой части прилагательное «*bravo*», а во второй субстантивную (а значит требующую артикля) метафору «*un disastro*», и таким образом приписываем субъекту путем сравнения отрицательные качества: как «катастрофа». Сравним:

Marco parla come fosse un medico. / Марко говорит так, как будто он врач.

Здесь «*un medico*» — это уже не формальный признак, классифицирующий субъекта (он не имеет отношения к медицине), а референциальная

(субстантивная) единица, взятая за сравнение автором высказывания, то есть какой-нибудь (произвольно взятый, один из) врач.

Еще одна грамматическая ситуация, которая вызывает затруднения при использовании артикля и требует разъяснения, это аппозиция, или приложение (определение, выраженное существительным, согласованным с определяемым словом в падеже, дающее иное название, характеризующее предмет, его компетенции; приложение может обозначать качество или свойство предмета, возраст, национальность, семейное положение, профессию, род занятий, звание, эмоциональные характеристики, географические названия). Например:

L'astronauta Leonov è uscito nello spazio. / Космонавт Леонов вышел в космос.
Leonov, astronauta, è uscito nello spazio. / Леонов, космонавт, вышел в космос.
Volodia, alunno modello, ha alzato la mano. / Володя, отличник, поднял руку.
L'alunno modello Volodia ha alzato la mano./ Отличник Володя поднял руку.

У Луки Серриани мы находим следующее определение: «Аппозиция (приложение) — это имя, которое ставится рядом с другим именем существительным, чтобы лучше и точнее его описать (в переводе с латыни *appositio* означает «то, что ставится рядом»). Оно может предшествовать имени, к которому относится, либо следовать за ним: «президент Республики Франческо Коссига», «Франческо Коссига, президент Республики». Когда приложение, указывающее на звание или должность, находится после имени, артикль обычно опускается» [7, p. 97]. Еще примеры:

L'ingegnere Mario Bianchi (но: Mario Bianchi, *ingegnere*);
Il poeta Virgilio (но: Virgilio, *poeta*).

Итальянский лингвист отмечает, что по своим функциям приложение сходно с определением и синтаксически может зависеть как от подлежащего, так и от любого дополнения. Почему так происходит? Обратимся к модели семантического треугольника. Когда приложение находится в препозиции («l'ingegnere Mario Bianchi»), у слова «l'ingegnere» есть конкретный и единственный референт — Mario Bianchi, поэтому артикль в данном случае есть, и он определенный. Если же приложение оказывается в постпозиции (Mario Bianchi, *ingegnere*), то семантика выражения может быть двоякой:

- мы либо описываем субъекта, его качества (профессиональные или личностные), и тогда приложение — существительное «инженер» — выполняет функцию определения; референта у слова *ingegnere* нет, а есть лишь указание на владение профессиональными навыками, свойственными людям данной профессии (можно было бы продолжить и добавить еще какие-нибудь характеристики: «инженер, отец семейства, просто хороший человек»); поэтому и артикль в этом случае не нужен;

- либо мы классифицируем субъекта, выделяем из категории, и тогда артикль (неопределенный/определенный) нужен, и он используется в соответствии с вышеизложенными критериями (один из / единственный: «Una porta sbattuta ad Enrico Cucci, il misterioso e potentissimo patrono di tutti gli affari d'alta finanza» («Quotidiano di Lecce»).

Хочется отметить, что с помощью той же модели семантического треугольника и понятия референциальности, легко объясняется и отсутствие артикля в так называемых устойчивых выражениях. Сравним:

- *colpo di fulmine* — любовь с первого взгляда, можно перефразировать буквально: молниеносный удар; здесь у слова «*fulmine*» нет референта, нас не интересует реальное явление, «*di fulmine*» используется как качественное прилагательное, как характеристика слова «*colpo*». Например: «*per Marco è stato un colpo di fulmine*»;

- *colpo del fulmine* — удар молнии; здесь у слова «*il fulmine*» есть референт, реальное атмосферное явление. Например: «*ieri un colpo del fulmine ha distrutto una costruzione*»;

- *mettere a fuoco* — навести на резкость, сфокусировать; например: «*No dovuto mettere a fuoco alcuni aspetti importanti della ricerca*»; референт — огонь, как явление, отсутствует, но есть отсылка к свойствам, которые имеет огонь (дает дополнительный свет);

- *mettere sul fuoco* — поставить на огонь; здесь у слова «*il fuoco*» есть реальный осязаемый референт. Например: «*Mara ha messo la pentola sul fuoco*»;

- *un temperamento di fuoco* — страстный темперамент; референт отсутствует, функция «*di fuoco*» — качественное прилагательное;

- *cuocere a fuoco lento/vivo* — варить на слабом/сильном огне; здесь имеется ввиду характеристика способа приготовления, т. е. важно, как именно готовить блюдо, а не на чем;

- *mettere a ferro e fuoco* — предать огню и мечу, уничтожить; идиоматическое выражение, где слова «*ferro e fuoco*» также не имеют референта, а используются в качестве некой характеристики жестокости и беспощадности;

- *prendere fuoco* — загореться, синоним слова «*infiamarsi*»; нет референта, если бы референт был, то появился бы артикль (*prendere il fuoco*), и смысл словосочетания изменился бы на «взять огонь» (вполне конкретный).

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что употребление артикля в итальянском языке не складывается из совокупности правил и исключений, не может осуществляться автоматически. Чтобы правильно употреблять артикль, нужно понимать, что он, как выражение категории детерминации, реагирует как на контекст в целом, так и на конкретную речевую ситуацию, различные интенциональные модификации высказывания и другие факторы. И, в свою очередь, отсутствие артикля также является отражением дискурсивной интенции и является не менее важным инструментом для ее выражения. Выбор артикля — определенного, неопределенного или «нулевого» — напрямую зависит от цели высказывания. И как было показано на примерах выше, наличие или отсутствие артикля существенным образом меняет семантику фразы, а неправильное его использование может привести к грубому искажению смысла и непониманию со стороны реципиента. К тому же корректное использование артикля помогает сделать речь лаконичной, избежать повторов и лишних пояснений. Именно поэтому нам показалось важным попытаться выработать системный подход к изучению и пониманию артикля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисова Т. Б., Репина Е. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. 3-е изд. М.: Высшая школа, 2007.
2. Горячкин А. Р. Итальянский артикль. Правила и тенденции употребления. М.: Филоматик, 2017.
3. Dardano M., Trifone P. L'articolo // Grammatica italiana. Con nozioni di linguistica. Bologna: Zanichelli Editore, 2013. P. 149–164.
4. Ferrari A., Zampesi L. Grammatica, parole, frasi testi dell'italiano. Roma: Carocci Editore, 2018. P. 95–102.
5. Grandi N. Definizione e funzioni // Treccani. L'enciclopedia italiana. 2010. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/articolo_\(Enciclopedia-dell'Italiano\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/articolo_(Enciclopedia-dell'Italiano)/) (дата обращения: 30.01.2025).
6. Renzi L., Salvi G., Cardinaletti A. Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. I. La frase. I sintagmi nominale e preposizionale. Bologna: Società editrice il Mulino, 2022.
7. Serianni L. L'articolo // Serianni L. Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. Torino: Utet, 2022. P. 161–189.

REFERENCES

1. Alisova, T. B., Repina, E. A., Tariverdieva, M. A. (2007) *Introduction to Romance Philology*. 3rd ed. Moscow, Vysshaya shkola.
2. Goryachkin, A. R. (2017) *Italian Articles: Rules and Trends in Usage*. Moscow, Filomatik.
3. Dardano, M., Trifone, P. (2013) *L'articolo. Grammatica italiana. Con nozioni di linguistica*. Bologna, Zanichelli Editore, pp. 149–164.
4. Ferrari, A., Zampesi, L. (2018) *Grammatica, parole, frasi testi dell'italiano*. Roma, Carocci Editore, pp. 95–102.
5. Grandi, N. (2010) Definizione e funzioni. *Treccani. L'enciclopedia italiana*. Available at: [https://www.treccani.it/enciclopedia/articolo_\(Enciclopedia-dell'Italiano\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/articolo_(Enciclopedia-dell'Italiano)/) (accessed: 30.01.2025).
6. Renzi, L., Salvi, G., Cardinaletti, A. (2022) *Grande grammatica italiana di consultazione*. Vol. I. La frase. I sintagmi nominale e preposizionale. Bologna, Società editrice il Mulino.
7. Serianni L. (2022) L'articolo. Serianni L. *Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria*. Torino, Utet, pp. 161–189.

Поступила в редакцию 10.03.2025

Принята к публикации 10.07.2025

Received 10.03.2025

Accepted 10.07.2025

*А. Ю. Сидоров**

ГИДРОНИМЫ АМУР, СУНГАРИ И УССУРИ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ДОСТИЖЕНИЙ ПАЛЕОЛИНГВИСТИКИ

Данная работа представляет новое видение этимологии трех основных рек северной Маньчжурии. Впервые в историографии было восстановлено исходное название реки Амур — Тамури. Также впервые было обосновано происхождение названия реки Сунгари. Палеолингвистический анализ обоих гидронимов показал тесные связи их словесных обозначений с верованиями древнего населения края и то, что местные обитатели воспринимали русла Амура и Сунгари как отрезки единого водного пути от горного плато Чанбайшань/Пэктусан к морю. Кроме того, в статье собраны и проанализированы их различные названия, в частности выявлено, что цинское название Амура — Сахалян — является полукалькой с китайского языка. Этимология Уссури раскрывает глубинные пласты этнической истории севера региона и помогает упорядочить ранее разрозненные элементы лингвострановедческой мозаики Маньчжурии: мохэ-олочи-орочи, показав их единую семантическую основу.

Ключевые слова: Амур, божественная сущность, илун, люди у, Маньчжурия, мохэ, олочи, орочи, палеолингвистика, Сахалян, Сунгари, Таму, Тамури, топонимика, Уссури, Цинская империя, этимология.

A. Yu. Sidorov

HYDRONYMS AMUR, SUNGARI, AND USSURI IN THE LIGHT OF RECENT ADVANCES IN PALEOLINGUISTICS

The paper presents a new perspective on the etymology of the three main rivers in the northern part of Manchuria. For the first time in historiography, the original name of the Amur River — Tamuri — has been restored. Also, for the first time, the origin of the name of the Sungari River has been substantiated. The paleolinguistic analysis of both hydronyms revealed close connections between their verbal designations and the beliefs of the ancient

* Сидоров Андрей Юрьевич — филолог, переводчик, действительный член Русского географического общества (Общества изучения Амурского края); sidorov_andrei07@mail.ru

Andrei Yu. Sidorov — philologist, translator, fellow of the Russian Geographical Society (Society for the Study of the Amur Region); sidorov_andrei07@mail.ru

population of the region, as well as that the local people perceived the channels of the Amur and Sungari as segments of a single water route from the Changbai/Paektu mountain plateau to the sea. Furthermore, the article collects and analyzes their various names; in particular, it has been revealed that the Qing name for the Amur — Sahalien — is a semi-calque from Chinese. The etymology of the Ussuri River uncovers deep layers of the ethnic history of northern Manchuria and helps to systematize previously scattered elements of the linguistic and cultural mosaic of Manchuria: Mohe-Olochi-Orochi, showing their common semantic basis.

Keywords: Amur, divine essence, etymology, Manchuria, Mohe, Olochi, Orochi, paleolinguistics, people Wu, Qing Empire, Sahalien, Sungari, Tamu, Tamuri, toponymy, Ussuri, yilong fish.

Изложенный ниже материал представляет собой заключительную часть серии лингвистических исследований, целью которых является выявление исторического наследия, таящегося в топонимах Маньчжурии. В первых двух статьях [3; 5] была обоснована критическая важность палеолингвистики в деле изучения этой исторической области, расположенной на северо-востоке азиатского материка. В ходе работы по дешифровке географических названий региона были вскрыты новые пласты знаний об этнической принадлежности, местах расселения, общественном устройстве, культурных и религиозных предпочтениях древних жителей Маньчжурии. Настоящий этап показывает практическое применение ряда последних наработок и призван дать ответ на загадку происхождения названий рек Амур, Сунгари и Уссури.

АМУР

До последнего времени этимология реки была неясна, что оставляло пространство для различных околонучных толкований. Русский язык заимствовал название «Амур» от тунгусов (эвенков) и монголоязычных дауров, когда в XVII веке отряды казаков и промысловых людей стали проникать на земли к востоку от Байкала. Несмотря на то, что издревле на всем протяжении русла реки наблюдается смешение языков, ее название остается почти неизменным: в верховьях — Амар у эвенков, в низовьях — Дамур у нивхов. Подобное единообразие не может сводиться к случайному совпадению звуков, поскольку известно, что гидронимы отличаются поразительной фонетической устойчивостью. Несомненно, что мы имеем дело с некогда единым наименованием, которое со временем претерпело ряд изменений, приведших в конечном итоге к потере знаний о его исконном смысле.

Судя по всему, главная причина отсутствия внятного объяснения происхождения названия реки Амур — это чисто схоластический подход к вопросу без опоры на знания духовной и материальной жизни коренного населения края, прежде всего — в дописьменную эпоху. Помимо всего прочего, исследователи упускают из виду лингвистические закономерности, в частности тот факт, что заимствованные слова всегда закрепляются в речи новых носителей в неизменном виде, почти не приспособиваясь к внутренним произносительным нормам чужого для себя языка.

Если следовать указанным выше постулатам, то в поисках разгадки этимологии Амура наибольший интерес представляет нивхский вариант названия реки. Язык нивхов традиционно причисляется к палеоазиатской группе и тем

самым он резко выделяется из остальных говоров и наречий, бытующих в бассейне Амура, где говорят преимущественно на тунгусо-маньчжурских языках. Обособленно проживая на краю ойкумены, нивхи, безусловно, заимствовали название реки от своих соседей, после чего гидроним «Дамур», словно попав в вечную мерзлоту, застыл в развитии и полностью сохранил свою первоизданную звуковую оболочку.

Наряду с этим из последних достижений палеолингвистики [3] известно, что тысячу с лишним лет назад автохтонное население крайнего северо-востока Азии поклонялось повелителю водной стихии Таму́, обитавшему в священном озере на вершине горы Чанбайшань/Пэктусан¹. Он мог воплощаться в образе различных морских животных: свирепой косатки или огромной хищной рыбы. Время от времени эта божественная сущность покидала свой подводный чертог и спускалась по рекам Сунгари и Амур в открытое море, где вызывала приливы и отливы, а рассерчив, поднимала высокие волны.

Таким образом, соединив воедино знания из этнографии, истории и лингвистики можно уверенно восстановить изначальное наименование Амура как Таму́ри, при этом последний слог «ри» является суффиксом, с помощью которого оформлялись древние гидронимы маньчжуроязычного мира. Иными словами, река названа в честь верховного божества рек, озер, морей и океанов Таму, которому поклонялись далекие предки коренных жителей Маньчжурии.

Вопреки ожиданиям, в Цинской империи² ее государственный язык — маньчжурский — не сохранил смысловую преемственность с исходным названием реки: на картах и в официальных документах Амур указывался как Сахальянь-ула. Обычно этот гидроним переводят как «черные воды», что верно лишь отчасти. На поверку, разобрав «сахальянь» по составу, выясняется, что это не что иное как полукалька с китайского языка, где наряду с маньчжурским «саха»³, т. е. «иссинья-черный [как смоль]», содержится ханьский элемент «лянь», т. е. «дракон». В качестве уточнения по поводу «лянь/лян», а не «лун», что напрашивается согласно нормам пекинского произношения, уместно пояснить, что подобная форма указывает на заимствование слова из южно-миньских говоров китайского языка (ныне провинция Фуцзянь), где «дракон» произносится как «лян»⁴. Следовательно, если придерживаться лингвистической точности, то правильный перевод «сахальянь»⁵ — это «черный дракон».

Современное китайское наименование реки — Хэйлун-цзян (*кит.* 黑龍江, т. е. «река черного дракона») утвердилось сравнительно недавно, при этом его цветовая составляющая не зависит от оптических свойств воды, а соответствует учению о пяти первоэлементах, где черный цвет ассоциируется с севером и водой. Еще в XIX веке название этой реки могло встречаться как Хэйшуй (*кит.* 黑水), т. е. «черные воды», или Хайцзинюй-цзян (*кит.* 海鯨魚江, т. е. «река, [где живет] рыба-кит»). Кроме того, нельзя исключать вероятность того, что ранее китайская версия гидронима имела иное звучание, правда, с сохранением смыслового содержания, — Илун-цзян (*кит.* 黟龍江, т. е. «река черного дракона»). По причине своей архаичности первый слог «и» (*кит.* 黟, т. е. «черный и блестящий как смоль») плохо воспринимался носителями языка уже в цинские времена и был заменен на более понятный синонимичный «хэй» (*кит.* 黑). Подобное предположение возникает из письма [4] католиче-

ского миссионера Лабрюньера⁶ об итогах его пребывания на Сунгари и Уссури в 1845–1846 годах. В послании в Париж молодой священник сообщил, что река Уссури славится похвоей на акулу рыбой «илун» (*кит.* черный дракон), белое мясо которой отличается нежным вкусом, а хрящи ежедневно поставляются в Пекин к столу императора. Судя по всему, в своем отчете он зафиксировал местное название рыбы из семейства осетровых — калуга (*лат.* *Huso dauricus*), записав её название латиницей как «iluam-iù»⁷ (*кит.* 黟龍魚).

Как представляется, в образе этой рыбы отразилась переходная ступень в доктрине мироустройства населения Маньчжурии, проходившего через этап смены верований после падения в X веке царства Бохай⁸. Божественная составляющая гидронима осталась неизменной, но ее ипостась подверглась подмене на уровне смыслов, чему благоприятствовало покрытое черной костяной чешуей — словно у дракона — тело калуги. Оно плавно и щадяще способствовало переходу местных жителей на новые представления о земном и потустороннем мирах: древнее злобное божество Таму заменилось передовым верованием в доброго дракона. Условно говоря, Ветхий Завет уступил дорогу Новому Завету.

С течением времени дракон стал символом власти в Цинской империи (1644–1912): в 1862–1912 годах его изображение размещалось на государственном флаге (пятипалый лазоревый дракон на желтом поле с красной жемужиной в верхнем левом углу), но на низовом уровне в бассейне реки Амур понятие о водяном ящере все же осталось чужеродным, застряв на полпути к новому мировоззрению. В сказаниях автохтонного населения представление о драконе остается размытым — он воплощается в некоем непонятном, бескрылом, покрытом чешуей существе «пуймур», которое живет в озерах с исключительно черной водой.

Рис. 1 Флаг империи Цин

СУНГАРИ

Два самых значимых притока Амура — это реки Сунгари и Уссури.

Вытекая из озера Тяньчи, лежащего в кратере вулкана Чанбайшань/Пэктусан, река спускается с гор и петляет по Маньчжурской равнине, пока не впадает в Амур со стороны КНР. Дословный перевод Сунгари — «река [бо-

жественной] сущности», где «сунга» — это маньчжурское «дух/сущность» [8], а «ри» — суффикс гидронимов. Очевидно, что Сунгари — это иноязычное имя верховного божества водной стихии Таму, при этом исстари русло реки рассматривалось как отрезок единого водного пути сообщения, по которому эта сущность перемещалась между горным озером и открытым морем.

На протяжении веков иероглифическое написание, а вслед за ним и звуковое оформление названия реки, претерпевали изменения в полном соответствии с подходом, который применялся ханьскими писцами в тот или иной период истории: подбор созвучных иероглифов или буквальный перевод.

Сохранение смысловой нагрузки характерно для первичных языковых контактов, когда носители ханьской культуры еще не до конца освоились с новым материалом, явлением или местностью. Относительно Сунгари — это было либо Тяньхэ (*кит.* 天河, т. е. «небесная / божественная река»), либо Хуньдунь (*кит.* 魂沌, т. е. «дух / божественная сущность темных вод»). В последнем случае очевидно стремление притянуть маньчжурское божество к древним ханьским космогоническим мифам, объединив того с одноименной сущностью Хуньдунь — неким воплощением первобытного хаоса.

По прошествии времени, когда предметы, виды животных или географические объекты перестают отдавать новизной, китайский язык подвергает их препарированию, приспособляя под свой структурный ряд, поскольку по причине врожденных особенностей он не может заимствовать иноязычные слова в их естественном виде. По обыкновению это сводится к сокращению и упрощению звуков, в результате чего сходство с оригиналом остается лишь на уровне начального слога. В случае с Сунгари первая подобная попытка — подобрать созвучные иероглифы — была Сунва (*кит.* 宋瓦, т. е. «[империя] Сун»⁹ и «черепица»), что, вероятно, было признано неудачным, поскольку в настоящее время эта река известна миру как Сунхуа (*кит.* 松花, т. е. «сосновая пыльца»).

УССУРИ

Если исходить напрямую из словарного запаса маньчжурского языка, то интерпретация этимологии Уссури весьма затруднительна. За давностью лет носители автохтонных наречий утратили представление о смысле, некогда заложенном в название реки. Достоверно известно лишь то, что двойное «с» в гидрониме Уссури является сравнительно поздним наложением местных говоров (сравните: река Иман — она же Имма у нанайцев), а суффикс «ри» свидетельствует о древнейших пластах маньчжурской лексики.

Неожиданным образом содействие в расшифровке гидронима может оказать китайский язык. Вернее, китайский дублёр Уссури — Уцзы-цзян (*кит.* 烏子江, т. е. «река людей у»¹⁰), через подсказку которого можно узнать подоплеку названия реки. Образно говоря, это сродни проникновению в здание через дверь черного хода, когда парадный подъезд наглухо заколочен. Используя подобный окольный путь, нетрудно установить, что слово Уссури состоит из основы с двумя корнями (этнонима «у», а также «су» в значении «община»¹¹) и словообразующего суффикса «ри», что в целом даёт «река, [по берегам которой живет] племенная общность у».

Первое упоминание о людях у (*кит.* 勿吉/烏子) относится к 475 году и встречается в летописи династии Вэй (386–550), а последнее — в 572 году в летописи династии Северная Ци (550–577) [2]. В частности, в хрониках Вэй о местах проживания и культуре быта людей у говорится следующее:

其地下濕，築城穴居，屋形似6塚，開口於上，以梯出入。
其國無牛，有車馬，佃則偶耕，車則步推，有粟及麥稜 [цит. по: 2, с. 45].

В переводе это значит: «Те земли низинные и сырые. В качестве жилья устраивают землянки, похожие на могильные насыпи, а поскольку проём находится над [поверхностью земли], то для входа и выхода не обойтись без ступеней. В этой стране не держат коров, но имеются повозки и лошади. При вспашке поля используют парную упряжку, при этом идут сами, таща за собой [плуг]. Есть просо, а также пшеница и ячмень».

Чьими предками были эти люди, и кто сегодня может называть себя их потомком? Для ответа на этот вопрос потребуется краткая пояснительная записка относительно местных этнонимов, а также особенностей китайского языка.

Что касается этнонимов, то в старинных ханьских источниках население междуречья Сунгари и Уссури скопом именовалось как «мохэ» (*кит.* 靺鞨). Подробный перевод иероглифов дает «высокую обувь из шкуры животного, набитую травой»¹²: ее образчики сохранились до наших дней и встречаются у коренных народностей Уссурийского края под названием «олочи». Это сапоги с низом из толстой замшевой кожи и высоким голенищем, где в качестве стельки и утеплителя используется мягкая трава. К слову сказать, китайское «мохэ» является калькой маньчжурского «олочи», состоящего из корня «оло», т. е. «трава», и суффикса для предметов одежды/обуви «чи».

Одновременно из дневника плавания французской гидрографической экспедиции под командованием капитана I ранга Лаперуза¹³ известно, что 28.07.1787 жители бухты Декастри¹⁴ «при помощи жестов дали нам понять, что они прозываются орочи»¹⁵ [6, с. 139]. Поскольку общение французов с населением западного побережья Японского моря проходило при посредничестве китайской корабельной прислуги, то, без сомнения, в данном случае они столкнулись с явлением фонетической интерференции. Иначе говоря, замещением двух фонем при разговоре на иностранном языке, в результате чего из-за артикуляционных привычек носителей китайского языка «олочи» превратились в «орочи»: в лингвистике подобное явление (замена звука «л» на «р») называется «параламдацизмом».

Из особенностей китайского языка следует упомянуть еще две черты, критически важные для решения любых этимологических задач на северо-востоке Азии. О первой из них уже было упомянуто в разделе «Сунгари» — она состоит в том, что ханьцы нередко практикуют сокращение топонимов или этнонимов, оставляя от слова всего один слог, но он несет в себе всю смысловую и фонетическую нагрузку. Например, «Россия» или «русский» пишется как 俄罗斯 и произносится как «элосы»¹⁶, но в словосочетании «русский язык» употребляется лишь начальный слог, и в итоге получается «э-юй» (*кит.* 俄語). Вторая — это наличие в китайском языке феномена вариации фонем, т. е.

колебания гласных между близкими по артикуляции лабиализованными [у] и нелабиализованными [о] звуками, которые могут смешиваться в потоке речи.

Из перечисленного выше можно сделать обоснованный вывод, что «люди у» из древних ханьских летописей — это сокращенное собирательное название всех жителей междуречья Сунгари и Уссури, которые проходили под полным маньчжурским наименованием как «олочи», и которые с легкой руки графа Лаперуза и по причине китайской огласовки вошли в европейскую этнографию под именем «орочи». В условиях родоплеменного строя Маньчжурии это был своего рода политоним, обозначающий общее население края без учета его этнической и языковой принадлежности.

Дореволюционные и советские этнографы с энтузиазмом принялись придавать национальный статус различным племенным союзам и родам, жившим вдоль течения Амура. Играя звуками и активно применяя синкопу¹⁷, они включились в процесс словообразования, в результате чего на основе «олочи/орочи» была создана целая россыпь названий для коренных народностей Приамурья: ороки, ольчи/ульчи и даже ульта/уильта.

В качестве ремарки, вероятно, необходимо отметить и то, что феномен вариации фонем присущ также и тунгусо-маньчжурской языковой семье. По всей вероятности, в обоих — ханьском и маньчжурском — названиях реки закрепились исходная форма, начинающаяся на звук «у», о чем говорят сохранившаяся огласовка в маньчжурском слове «улэ» (лебедя), а также иероглифическое написание «олочи»: 靺鞨 (wùlā), 靺鞨 (wùla), 烏拉 (wùla) или 兀刺 (wùla).

В завершении хотелось бы еще раз подчеркнуть, что изучение географических названий с позиции палеолингвистики открывает новые горизонты понимания исторической и культурной идентичности северо-востока Азии. В частности, восстановление утраченных смыслов гидронимов Амур, Сунгари и Уссури обеспечивает прочный задел для дальнейших междисциплинарных исследований маньчжурского наследия и, что самое главное, для разработки отечественного нарратива дальневосточной истории в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чанбайшань/Пэктусан — *кит.* 長白山, т. е. «протяженная белая гора» и *кор.* 백두산, т. е. «белоголовая гора»; действующий вулкан в составе Маньчжуро-Корейских гор на стыке границ Китая и Кореи в двухстах километрах от Приморского края России; высочайшая горная вершина (2.744 м) Корейского полуострова.

² Цинская империя (*кит.* 清國, т. е. «непогрешимая империя») — обиходное название национального государства маньчжуров Дайцин гурунь, т. е. Великая Цин (1636–1912).

³ Саха — также смотрите: *маньчж.* «сахалча», т. е. «чисто черный соболь» или «сахахури», т. е. «черный с лоском».

⁴ Лян (*пиньинь* liàng) — вост.-миньские версии «lǜng», «lèng» и «liòng» закрепились в японском языке как «рю», а в корейском — «рён».

⁵ Сахалинь — в русский язык слово вошло как «Сахалин», поскольку было взято с французской карты, где в латинской транскрипции оно указывалось как «Sahalien».

⁶ Лабрюньер — *франц.* Paul-Maxime Brulley de la Brunière (18.06.1816 — июль 1846), с 1841 г. миссионер в Цинской империи, с 29.05.1846 г. — епископ Тремитский (без епархии).

⁷ Пуам-иü — в середине XIX века европейцы транслитерировали кит. слова исходя из южных произносительных норм, отличающихся от северного пекинского произношения.

⁸ Бохай — национальное государство маньчжуров на севере Корейского полуострова и соседних с ним землях Маньчжурии в период с 698 по 926 годы.

⁹ Сун — ханьская империя на территории Китая в 960–1279 годах.

¹⁰ Люди у — в дореволюционных работах по истории и этнографии Маньчжурии можно встретить написание «во» или «воцзи».

¹¹ Община — сравните: *маньчж.* «сусу», т. е. «деревня», «отчизна».

¹² Трава — согласно «Полному маньчжуро-русскому словарю» И. И. Захарова (1814–1885) — это белая трава в виде осоки, из которой также делают трут, *лат.* *Cyperus iria*.

¹³ Лаперуз — *франц.* Jean-François de Galaup, comte de La Pérouse (1741 — ок. 1788), граф, контр-адмирал, руководитель французской кругосветной экспедиции (1785–1788).

¹⁴ Декастри — ныне залив Чихачёва (Хабаровский край).

¹⁵ Орочи — *франц.* «Ils firent comprendre, par signes, qu'ils étaient de la nation des Orotchys».

¹⁶ Элосы — *искаж. маньчж.* «орос», т. е. «Россия» или «русский».

¹⁷ Синкопа (*греч.* συγκοπή) — явление в лингвистике, заключающееся в выпадении, как правило, безударного звука, или группы звуков, или целого слога в середине слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1875.

2. Пак Кюджин. Археологические и письменные источники о носителях культуры раннего железного века фэнлинь на крайнем северо-востоке Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 10: Востоковедение. С. 40–53.

3. Сидоров А. Ю. Гора Амба и озеро Тамунь сквозь призму палеолингвистики // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2023. Т. 4, вып. 1–2. С. 24–34.

4. Сидоров А. Ю. Первопроходцы Приамурского края: отец Лабрюньер (1845–1846 гг.) // Записки Общества изучения Амурского края. 2024. Т. 49. С. 109–121.

5. Сидоров А. Ю. Происхождение названия царства Бохай // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2025. Т. 6, вып. 1. С. 38–54.

6. Французские страницы летописи Уссурийского края / сост. А. Ю. Сидоров. Владивосток: Рубеж, 2023.

7. Amyot J.-M. Dictionnaire tartare-mantchou françois, composé d'après un dictionnaire mantchou-chinois, rédigé et publ. avec des additions par L. Langlés. Paris, 1790.

REFERENCES

1. Zakharov, I. I. (1875) *Complete Manchurian-Russian Dictionary*. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press. (In Russian).
2. Park, K. (2015) Archaeological and Written Records of the Fenglin Culture Bearers in the North-East China During the Early Iron Age. *Vestnik Novosibirsk State University*. History and Philology series, vol. 14, iss. 10: Oriental Studies, pp. 40–53. (In Russian).
3. Sidorov, A. Yu. (2023) Mount Amba and Lake Tamun Through the Prism of Paleolinguistics. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities. Philological Sciences*, vol. 4, iss. 1–2, pp. 24–34. (In Russian).
4. Sidorov, A. Yu. (2024) Pioneers of the Amur River Basin: Father La Brunière (1845–1846). *Proceedings of the Society for the Study of the Amur Region*, vol. 49, pp. 109–121. (In Russian).
5. Sidorov, A. Yu. (2025) Etymology of the Bohai Kingdom. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities. Philological Sciences*, vol. 6, iss. 1, pp. 38–54. (In Russian).
6. *French Pages of the Ussuri Region Chronicles. 1709–1855* (2023). Comp. by A. Yu. Sidorov. Vladivostok, Rubezh. (In Russian).
7. Amyot, J.-M. (1790) *Dictionnaire tartare-mantchou françois, composé d'après un dictionnaire mantchou-chinois, rédigé et publ. avec des additions par L. Langlés*. Paris.

Поступила в редакцию 15.03.2025

Принята к публикации 20.07.2025

Received 15.03.2025

Accepted 20.07.2025

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА. ПЕРЕВОДЫ

УДК 159.9:7(043)

А. О. Зарубин*

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ И ЕГО СТАТЬЯ «СМЕРТЬ В ИСКУССТВЕ»

В статье представляется впервые переведенное на русский язык эссе Г. Зиммеля «Смерть в искусстве» («Vom Tode in der Kunst», 1915). Данное произведение рассматривается в контексте других произведений философа, главным образом — написанных в поздний период. В центре внимания статьи — специфика философского мышления Зиммеля и интерпретация темы смерти с учетом культурно-исторического контекста. Отдельно оговариваются композиционно-стилистические особенности «Смерти в искусстве». Автор приходит к выводу, что тема смерти в представляемом эссе получает новое измерение, в том числе и по сравнению с более ранними размышлениями Зиммеля о «метафизике смерти». В данном случае Зиммель сочетает философскую рефлексию о смерти с анализом тех художественных форм, которые значимы для осмысления конечности человеческого бытия, и на основе опыта живописи и поэзии раскрывает смерть как необходимую смыслообразующую часть жизни.

Ключевые слова: философия жизни, философия культуры, «Логос», Первая мировая война, жизнь, смерть, искусство, композиционно-стилистические особенности.

A. O. Zarubin

GEORG ZIMMEL AND HIS ESSAY 'DEATH IN ART'

The paper presents the first Russian translation of Georg Simmel's essay *Death in Art* (*Vom Tode in der Kunst*, 1915). The work is examined in the context of philosopher's other works, mainly written in his late period. The focus of the paper is on the specifics of Simmel's philosophical thinking and the interpretation of the theme of death, considering the cultural and historical context. Also, the compositional and stylistic features of *Death in Art* are

* Зарубин Александр Олегович — выпускник аспирантуры Санкт-Петербургского государственного университета (Институт философии), независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия; alexzarubinm@gmail.com

Alexander O. Zarubin — PhD graduate of Saint Petersburg State University (Institute of Philosophy), independent researcher, Saint Petersburg, Russia; alexzarubinm@gmail.com

discussed. The author arrives at the conclusion that the theme of death in Simmel's essay takes on a new dimension, in comparison with Simmel's earlier reflections on the 'metaphysics of death'. In this essay, Simmel combines philosophical reflection on death with an analysis of those artistic forms that are significant for understanding the finitude of human existence, and, relying on the experience of painting and poetry, reveals death as a necessary meaning-forming part of life.

Keywords: philosophy of life, philosophy of culture, 'Logos', World War I, life, death, art, compositional and stylistic features.

Георг Зиммель (1858–1918) занимает особое место в философской культуре конца XIX — начала XX веков. Он известен прежде всего как яркий представитель философии жизни, один из основателей философии культуры и социологии, автор таких крупных работ, как «Проблемы философии истории» (1892–1893), «Философия денег» (1900), «Фундаментальные вопросы социологии» (1917), а также многочисленных эссе о религии, этике, культуре и искусстве. В русских переводах труды Зиммеля появляются в основном в начале XX века. За довольно объемными его трудами («Проблемы философии истории», «Религия», «Социальная дифференциация») следует ряд статей в журналах «Логос» и «Русская мысль». Именно «Логос» стал тем изданием, где было опубликовано большинство работ Зиммеля, связанных с философскими вопросами культуры и искусства.

Журнал «Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur» был основан в 1910 г. как международное издание. Немецкая серия выходила в Тюбингене в издательстве J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), русская — в Москве, сначала в издательстве «Мусарет», затем в Товариществе Н. О. Вольфа. Редакционная группа включала С. И. Гессена, Ф. А. Степуна, Н. Бубнова и других. В рамках русской серии регулярно печатались переводы европейских философов, среди которых работы Зиммеля выделялись тематическим разнообразием. В русской редакции журнала в 1910-е годы были опубликованы: «К вопросу о метафизике смерти», «Микель-Анжело», «Понятие и трагедия культуры», «Истина и личность», «Индивидуальный закон (К истолкованию принципа этики)». Имена переводчиков в этих публикациях, согласно сохранившимся сканам и каталогам, не указывались, вероятно, потому что переводы рассматривались редакцией как коллективная работа по введению зарубежной философии в русскоязычный культурный оборот и выполнялись несколькими лицами — от подготовки черновика до окончательной редакции.

Затем последовал довольно длительный перерыв, и только в 1990-е годы начали выходить новые переводы трудов Георга Зиммеля на русский язык. Принимая во внимание значимость его работ по социологии, перечислим лишь те тексты, которые имеют непосредственное отношение к философии культуры и искусства. Среди них — как переводы, выполненные в последние десятилетия, так и более ранние, включенные в современные издания: «Кант. Шестнадцать лекций, прочитанных в Берлинском университете», «Гёте», «Микеланджело», «Кризис культуры», «Проблемы философии истории», «К вопросу о философии истории» (пер. М. И. Левиной), «Кант и Гёте. К истории современного мировоззрения» (пер. С. Л. Франка, впервые опубликованный в журнале «Русская мысль» в 1908), «Фридрих Ницше. Этико-философский

силуэт» (пер. Н. Южина), «Проблема судьбы», «Индивид и свобода», «О сущности культуры», «Изменение форм культуры» (пер. А. М. Руткевича), «Актер и действительность» (пер. Э. М. Телятниковой), «Понятие и трагедия культуры» (пер. И. И. Маханькова), «Конфликт современной культуры» (пер. Г. А. Шевченко) и другие.

* * *

Жизнь Георга Зиммеля протекала в условиях постоянного напряжения. Он родился в 1858 г. в еврейской семье (позднее крещенной в христианство) и с ранних лет проявлял интерес к философии, истории и литературе, позднее изучал философию, историю и психологию в Берлинском университете. В университетской жизни, по выражению Л. Ионина, «на нем клейма ставить было негде»: интерес к социологии и психологии — дисциплинам, которые ассоциировались тогда с плодами позитивизма и вызывали отторжение у профессуры Берлина [7, с. 370]. Эта «неблагонадежная» связь, а также еврейское происхождение не позволили Зиммелю сделать стремительную карьеру. Тем не менее в 1881 г. он получает докторскую степень за диссертацию о монадологии И. Канта («Das Wesen der Materie nach Kants Physischer Monadologie»), а с 1885 г. в том же университете становится приват-доцентом. В течение двух десятилетий Зиммель читает лекции, впечатлявшие студентов образностью и интеллектуальной насыщенностью. И лишь в 1914 г., за четыре года до смерти, он получает должность профессора в Страсбургском университете.

Зиммель формировался как мыслитель в эпоху, когда в центре внимания философии находились формальная теория познания и вопросы, связанные с предельными основаниями, тогда как крупные метафизические системы и религиозная проблематика в целом оставались в тени. Этот философский контекст значительно повлиял на его интеллектуальное становление. Зиммеля нередко относят к Баденской школе неокантианства; ее основатели — В. Виндельбанд и Г. Риккерт — сосредоточили внимание на проблеме ценностей и методологических основаниях наук о культуре. Зиммель разделял эту установку лишь частично: его интерес к жизненным проявлениям культуры выходил за пределы аналитической ориентации неокантианства. При этом он сохранял дистанцию по отношению к любым академическим течениям и не примыкал к ним окончательно, избегая, таким образом, возможного догматизма. Такое особое положение — находиться между философскими школами и одновременно быть вне их — сказалось как на его академической судьбе, так и на его творческой манере.

Стиль Зиммеля не укладывается в рамки строгой философской мысли и, скорее, тяготеет к художественному. Чтобы понять специфику его философствования, необходимо учитывать специфику его литературного стиля, особенно в поздний период. Здесь мы имеем дело с нарочитой импрессионистичностью. Несмотря на то, что Зиммель отдавал предпочтение экспрессионизму, в его текстах преобладают круговые движения мысли, некая эксцентрика: порой сложно понять, о чем он пишет, если не удерживать в памяти образ его рассуждений в целом, подобно тому, как понимание картины импрессиониста и ее частных элементов обеспечивается общим впечатлением. Короткими

мазками Зиммель движется вокруг одной центральной мысли. Как верно отмечает Ю. Хабермас, «работы Зиммеля занимают промежуточное положение между эссе и научным исследованием: они кружат вокруг кристаллизующей мысли» [9, с. 359–360].

Отсутствие строгой системы философствования — одна из характерных черт творчества Зиммеля. Он так и не выработал устойчивого понятийного аппарата, который мог бы способствовать дальнейшему формированию отдельной школы или направления. Можно согласиться с А. Юдиным, что сочинения Зиммеля представляют собой серию эссе, где стиль нередко компенсирует недостаточную структурированность концепции. Размышляя о жизни и творчестве Гёте, Микеланджело, Ван Гога, Зиммель, с точки зрения А. Юдина, ограничивается соотношением конкретных фактов с общими категориями своей философии, редко переходит от общего к частному и практически не строит целостной теории предмета [10, с. 9]. Однако эссеистическая манера письма Зиммеля в результате оказывается не столько отступлением от системности, сколько особым способом организации философского мышления — посредством интуиции и образов.

В текстах Зиммеля мы не находим частых упоминаний Г. Гегеля, и на то есть, по-видимому, свои основания. Если философия Гегеля представляла собой завершенную, замкнутую систему, то Зиммель, напротив, стремился к открытости и афористичности. Для его стиля характерна сосредоточенность на динамической природе культурных форм: он главным образом фиксирует внутренние противоречия и не стремится к их окончательному снятию. У него нет синтеза в классическом гегелевском понимании: противоположности находятся в постоянном напряжении, что выступает условием философского познания и источником новых интерпретаций культуры. Возможно, сосредоточение мысли на крайних противоположных полюсах было его сознательной установкой, независимо от того, о чем именно он высказывается. Например, относительно закона и индивидуальности: «Индивид всегда еще может сказать: закон не подходит мне, это не *мой* закон» [2, с. 55]; относительно личной и творческой жизни Микеланджело: «Трансцендентная тоска привела к разрушению его жизнь, предопределенную к художественно наглядному и земному прекрасному. Однако тоска эта была не меньшей необходимостью, ибо была заложена в самых глубинах его природы...» [5, с. 191]; относительно полярности индивида и культуры: «Наше существо образует, так сказать, точку пересечения нас самих с кругом чуждых нам требований. Факт культуры <...> обуславливает развитие одной <...> слиянием с другой стороной, предполагая параллелизм или взаимное приспособление обеих» [6, с. 96]; относительно дуализма смерти и жизни: «Смерть является свойством органического существования, точно так же как свойством семени является изначально заложенная в нем способность однажды приносить плоды» [см. ниже, в статье «Смерть в искусстве»]. В определенном смысле Зиммель предвосхищает то, что позднее иронично выразит Ж. Бодрийяр в «Фатальных стратегиях», утверждая, что «вещи нашли способ избежать диалектики смысла, которая им докучала» [1, с. 7].

Мировоззрение Зиммеля не замедлило отразиться и на его научной биографии, изначально связанной с такими противоречиями, которые не под-

давались ни снятию, ни примирению. По этому поводу рассуждает М. Ландман, отмечая, что синтез, который Гегель или даже Трёльх искали в сфере объективного, у Зиммеля осуществляется «в движении между антитезисами, рефлексивно — в понимающем субъекте»: философствовать для него означает «сохранять противоположности, уметь обращаться с ними, искать «третье царство», которое не есть их «снятие» [8, с. 414].

Поздние статьи Зиммеля публиковались в ежедневных газетах и, как правило, оставались вне академического оборота. Лишь меньшая часть его работ увидела свет в научных журналах, тогда как большинство — в обычной и литературной прессе. Однако газетные публикации не уступали академическим ни по философской насыщенности, ни по глубине анализа.

Тематика искусства стала одной из ключевых в философии культуры Зиммеля. Его очерк о Микеланджело, опубликованный в «Логосе», и другие работы о художественном творчестве свидетельствуют о явном эстетическом измерении его философии. Среди этих работ «Смерть в искусстве» («Vom Tode in der Kunst») занимает особое место, поскольку данный текст тесно связан с современным Зиммелю культурно-историческим контекстом, событиями Первой мировой войны, и является своеобразной реакцией философа на происходящее, и конкретнее — на массовую гибель молодых людей, вовлеченных в горнило военных действий.

Эта статья Зиммеля впервые появилась в газете «Frankfurter Zeitung» (ее полное название — «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» / «Франкфуртская газета и Торговый (или Коммерческий) вестник») в апреле 1915 года и стала частью позднего творчества философа [11]. В доступном для нас источнике она имеет подзаголовок «Nach einem Vortrag», то есть «После лекции», что никак не оговаривается, и не вполне понятно, какая именно лекция имеется в виду. Тем не менее данный текст является целостным, с явной кольцевой композицией и по жанру вполне соответствует философскому эссе. Здесь тема смерти получает новый ракурс, в том числе и по сравнению с более ранними размышлениями Зиммеля о «метафизике смерти». В данном случае автор сочетает философскую рефлексию о смерти с анализом тех художественных форм, которые значимы для осмысления конечности человеческого бытия: на основе опыта живописи и поэзии Зиммель раскрывает смерть как необходимую смыслообразующую часть жизни, и в свете этой идеи реальная смерть, по крайней мере как об этом пишет Зиммель, утрачивает свой ужасающий вид.

Хотя в 1915 г. Зиммель чаще издается в «Der Tag» («День») и в «Berliner Tageblatt» («Берлинская ежедневная газета»), именно «Франкфуртская газета» стала площадкой для статьи «Смерть в искусстве». В том же году философ опубликовал и ряд других текстов: «Die Idee Europas» («Идея Европы»), «Europa und Amerika» («Европа и Америка»), «Geld und Nahrung» («Деньги и питание»), «Werde was Du bist» («Стань тем, кто ты есть») и др. «Смерть в искусстве», наряду со статьей 1910 года «К метафизике смерти», послужила основой, своего рода подготовительным этапом для третьей метафизической главы «Смерть и бессмертие» — одной из последних объемных работ Зиммеля «Созерцание жизни» (1918). По содержанию статья «Смерть в искусстве» с данной главой не совпадает, но перекликается в ряде положений и в образном плане.

«Смерть в искусстве» целиком принадлежит к так называемой третьей стадии творчества Зиммеля. Первая стадия, согласно исследованию М. Ландмана, была позитивистской, вторая — неокантианской юго-западного толка, третья, не без влияния А. Бергсона, — собственно философией жизни [8, с. 413–415]. В данной статье философия жизни Зиммеля переплетается с патриотической риторикой. Подобное впечатление производит и лекция «Deutschlands innere Wandlung» («Внутреннее преобразование Германии», 1914), и сборник «Der Krieg und die geistigen Entscheidungen. Reden und Aufsätze» («Война и духовные решения. Речи и статьи», 1917).

«Франкфуртская газета», как и вышеупомянутые издания, придерживалась умеренно антимилитаристской ориентации и одновременно служила культурным органом интеллигенции и посредником для культурного диалога Германии с другими странами. Редакция выпускала не только новостные материалы, но и научно-просветительские, адресованные демократически настроенной публике. В действительности между антимилитаристской линией этого издания и Зиммелем, ставшим к тому времени приверженцем консерватизма, явных противоречий не существовало: газета сохраняла независимость и не выполняла функций партийного органа, тогда как общественное мнение Германии первых лет войны оставалось преимущественно патриотическим. Необходимость войны поддерживали многие интеллектуалы не из-за «кровожадности», а из-за ощущения неотвратимости исторической судьбы.

Эти настроения довольно точно описывает Л. Ионин:

В это время Зиммель, как бы позабыв о своей леволиберальной молодости, занимает все более консервативные позиции, защищает необходимость войны, пишет <...> откровенно милитаристские и шовинистические статьи. Впрочем, все зависит не столько от сути дела, сколько от ярлыка. Можно сказать просто, что Зиммель писал патриотические статьи. Ведь то же самое делали замечательные философы по восточную сторону фронта, такие как Эрн, Розанов и другие. И нельзя становиться в позу высокомерного судьи, отказывая бывшему скептику и аутсайдеру, пострадавшему от государства, в праве в драматический для государства момент стать лояльным его гражданином. Это можно всем, философам в том числе [7, с. 375–376].

Стиль позднего Зиммеля отличался героизацией и образностью, порой граничащих с мистицизмом. Зиммель, с точки зрения Ю. Хабермаса, оказал большое влияние на философию периода Первой мировой войны, но при этом «был скорее инициатором, чем систематиком, скорее философствующим диагностом времени с социологическим уклоном, чем прочно укорененным в научных изысканиях философом и социологом» [9, с. 358]. Ближе к концу Первой мировой войны, когда накопилась усталость от длительных конфликтов и насилия, патриотическая тематика, включавшая концепты *национального духа, долга, войны*, стала менее привлекательной для интеллектуальных кругов. В 1920-е годы интерес к наследию Зиммеля упал, а после Второй мировой войны Зиммеля и вовсе воспринимали как фигуру аутсайдерскую. Возможно, именно это и имеет в виду Ю. Хабермас, когда говорит, что Зиммель нам одновременно далек и близок [9, с. 365].

Статья Зиммеля «Смерть в искусстве» органично вписывается в круг его поздних работ: «Микеланджело», «Рембрандт. Опыт философии искусства», «Индивидуальный закон», «Конфликт современной культуры», «Понятие и трагедия культуры», в которых переплетаются темы искусства, этики и культуры, и тем самым утверждается теснейшая взаимосвязь между эстетическими ценностями и духовными аспектами человеческой жизни, между художественным творчеством и формированием человеческой самости, где смерть играет концептуальную роль.

В этой статье Зиммеля мы встречаем характерные для него элементы мысли и ряд тезисов, в том или ином варианте присутствующих в его произведениях о культуре, этике и метафизике. Индивид, по Зиммелю, — «целый человек, а не разница, остающаяся после того, как от него отнято все то, что он разделяет с другими» [2, с. 53]. Жизнь, стремясь к самораскрытию, «желает того, что совершенно недостижимо для нее, — проявить себя в своей нагой непосредственности вне всяких форм» [4, с. 79], и «одна только жизнь в состоянии понять жизнь» [4, с. 73]. Смерть же мыслится Зиммелем как часть непрерывного процесса: «так же мало, как мы рождаемся в минуту нашего рождения, <...> так же мало и умираем мы в последнюю минуту»; смерть, являясь формальным моментом всей нашей жизни, «окрашивает и все ее содержание» [3, с. 160]. Индивидуальность при этом предстает как «нечто третье, высшее», соединяющее физическое и психическое начала и служащее общим знаменателем их дуализма [3, с. 167].

Обратимся к некоторым композиционно-стилистическим особенностям данной статьи.

В первом абзаце Зиммель употребляет для обозначения молодежи множественное число (*Jugendliche*), а уже спустя абзац мы встречаем *dieser Mensch* (в значении *юноша*). Эту радикальную конкретизацию он использует, скорее всего, намеренно: движение мысли идет от безличного множества к конкретной судьбе, едва различимой в массе воюющих и гибнущих, тем не менее в этой массе не растворяющейся. В финале текста «ужас солдатской смерти» возвращает нас к появившимся в начале юношам, как бы замыкая круг размышлений. Таким образом подчеркивается цикличность текста и его последовательная тематическая структурированность: зачин — война и смерть, затем философская рефлексия о жизни и ее полноте через призму античного искусства, картин Рембрандта и Рубенса, поэзии Рильке и, наконец, возвращение к войне и солдатам (юношам), идущим с песней навстречу врагу. Именно искусство оказывается в центре внимания Зиммеля. Даже создается впечатление, что война и массовая гибель молодых людей — всего лишь повод поразмышлять о главном: о той области художественной культуры, где смерть наиболее явно раскрывает себя в теснейшем взаимодействии с жизнью. С одной стороны, жизнь в ее конкретизации является началом, где взращивается особая форма смерти, тогда как с другой стороны, наша жизнь, и жизнь конкретная, осуществляется тем или иным образом в зависимости от реакции человека на живущую в нем сущность и его умения с этой сущностью совладать.

Отдельного замечания требует употребленное в финале слово (глагол) *aufheben*, довольно-таки многозначное в немецкой философской традиции.

Здесь оно все так же противится гегелевскому «снятию» противоположностей: для Зиммеля чужд синтез и диалектика в строгом смысле этого слова. Его размышление удерживается на предельных полюсах жизни и смерти — без примиряющего «третьего». Потому в переводе на русский язык мы остановили свой выбор не на словах *упразднить* или *устранять* как его возможных русскоязычных вариантов, а на слове *преодолевать* (противостояние), что оставляет «полюса» нетронутыми и в то же время преодоленными (с акцентом на «долю») «великим смыслом жизни».

«Смерть в искусстве», сохраняя свойственные Зиммелю афористичность и глубину, оставляет читателя наедине с главным посылом — *memeto mori*, однако не о будущей смерти, а о смерти, укорененной в жизни и жизнь наполняющей: «Смерть не является чем-то, что когда-нибудь станет действительностью, но наша жизнь становится такой, какой мы ее знаем только потому, что <...> мы всегда лишь те, кому суждено умереть».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж. Экстаз и инерция / пер. с фр. А. Качалова // Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 5–30.*
2. *Зиммель Г. Индивидуальный закон (К истолкованию принципа этики) // Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 11–60.*
3. *Зиммель Г. К вопросу о метафизике смерти // Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 158–171.*
4. *Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 61–79.*
5. *Зиммель Г. Микеланджело (К метафизике культуры) // Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 172–193.*
6. *Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 80–104.*
7. *Ионин Л. Зиммель: жизнь и философия // Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. С. 367–383.*
8. *Ландман М. Георг Зиммель: Контуры его мышления / пер. с нем. М. И. Левиной // Зиммель Г. Избранное. Философия культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 413–421.*
9. *Хабермас Ю. Зиммель как диагност времени / пер. с нем. М. И. Левиной // Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. С. 357–366.*
10. *Юдин А. Георг Зиммель: почему он не стал философским классиком? // Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 3–11.*
11. *Simmel G. Vom Tode in der Kunst // Frankfurter Zeitung, Jg. 59. Nr. 92, 2. April 1915, Erstes Morgenblatt. S. 1–3. URL: <https://socio.ch/sim/verschiedenes/1915/tod.htm> (дата обращения: 11.03.2025).*

REFERENCES

1. Baudrillard, J. (2017) *Лектасе и инертность* [Ecstasy and Inertia]. Transl. from French by A. Kachalov. Baudrillard, J. *Les stratégies fatales* [Fatal Strategies]. Moscow, RIPOL klassik, pp. 5–30. (In Russian).
2. Simmel, G. (2006) *Das individuelle Gesetz. Ein Versuch über das Prinzip der Ethik* [The Individual Law. An Essay on the Principle of Ethics]. Simmel, G. *Selected Works*. Kiev, Nika-Tsentr, pp. 11–60. (In Russian).
3. Simmel, G. (2006) *Zur Metaphysik des Todes* [On the Metaphysics of Death]. Simmel, G. *Selected Works*. Kiev, Nika-Tsentr, pp. 158–171. (In Russian).
4. Simmel, G. (2006) *Der Konflikt der modernen Kultur. Ein Vortrag* [The Conflict of Modern Culture]. Simmel, G. *Selected Works*. Kiev, Nika-Tsentr, pp. 61–79. (In Russian).
5. Simmel, G. (2006) *Michelangelo (Ein Kapitel zur Metaphysik der Kultur)* [Michelangelo (A Chapter on the Metaphysics of Culture)]. Simmel, G. *Selected Works*. Kiev, Nika-Tsentr, pp. 172–193. (In Russian).
6. Simmel, G. (2006) *Der Begriff und die Tragödie der Kultur* [The Concept and Tragedy of Culture]. Simmel, G. *Selected Works*. Kiev, Nika-Tsentr, pp. 80–104. (In Russian).
7. Ionin, L. (2014) *Simmel: Life and Philosophy*. Simmel, G. *Selected Works. Contemplation of Life*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, pp. 367–383. (In Russian).
8. Landmann, M. (2013) *Georg Simmel: Konturen seines Denkens* [Georg Simmel: Contours of His Thought]. Transl. from German by M. I. Levina. Simmel, G. *Selected Works. Contemplation of Life*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, pp. 413–421. (In Russian).
9. Habermas, J. (2014) *Simmel als Zeitdiagnostiker* [Simmel as a Diagnostician of the Time]. Transl. from German by M. I. Levina. Simmel, G. *Selected Works. Contemplation of Life*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, pp. 357–366. (In Russian).
10. Yudin, A. (2014) *Georg Simmel: Why He Did Not Become a Philosophical Classic?* Simmel, G. *Selected Works*. Kiev, Nika-Tsentr, pp. 3–11. (In Russian).
11. Simmel, G. (1915) *Vom Tode in der Kunst*. *Frankfurter Zeitung*, Jg. 59, Nr. 92, 2. April, Erstes Morgenblatt, S. 1–3. Available at: <https://socio.ch/sim/verschiedenes/1915/tod.htm> (accessed: 11. 03.2025). (In German).

Поступила в редакцию 15.04.2025

Принята к публикации 15.08.2025

Received 15.04.2025

Accepted 15.08.2025

Г. Зиммель

СМЕРТЬ В ИСКУССТВЕ*

Перевод *Е. Китовой, А. Зарубина***

Когда в эти месяцы с нами прощались юноши, в чьих глазах блеск жизни казался неиссякаемым, ее богатство — неистошимым, а затем приходила весть «Пал в бою», наше душевное потрясение было связано не только с потерей столь многих жизней, настоящих и будущих. К этому потрясению добавлялось что-то сродни метафизическому ужасу: когда логически противоречивое, не могущее стать действительным, внезапно предстает перед нами как нечто реальное. То, что мы должны думать о человеке, который был столь полным жизнью, как о мертвом, казалось невыполнимым требованием, словно свет мог быть одновременно и тьмой. Однако мы же знали: и он тоже когда-то умрет. Почему же нас ужасает то, что это произошло на несколько лет раньше? Ведь до сих пор широко распространено представление о смерти как о страшном роке, который подстерегает человека, будто затаившийся

* Simmel Georg. Vom Tode in der Kunst // Frankfurter Zeitung, Jg. 59. Nr. 92, 2. April 1915, Erstes Morgenblatt. S. 1–3. URL: <https://socio.ch/sim/verschiedenes/1915/tod.htm> (accessed: 11.05.2025). В данном интернет-источнике статья Г. Зиммеля разбита на многочисленные абзацы, что не характерно для его работ и к тому же затрудняет целостное восприятие текста. Поиски данной статьи в другой версии не увенчались успехом. Поэтому переводчик и редактор (*Е. Китова*) взял на себя ответственность по упорядочиванию текста в соответствии с логикой смысла.

** Китова Елена — кандидат филологических наук, доцент, издательство Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского; kitova-semenova@yandex.ru

Elena Kitova — PhD in Philology, Associate Professor, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky Publishing House; kitova-semenova@yandex.ru

Зарубин Александр — выпускник аспирантуры Санкт-Петербургского государственного университета (Институт философии), независимый исследователь, Санкт-Петербург; alexzarubinm@gmail.com

Alexander Zarubin — PhD graduate of Saint Petersburg State University (Institute of Philosophy), independent researcher, Saint Petersburg; alexzarubinm@gmail.com

враг, и в любой момент готов настичь его. Сейчас, когда «обрезание нити паркой» (Parzenschnitt) становится очевидным во всей своей неприкрытой жестокости, — сквозь противоречие, раздирающее нас изнутри, сквозь этот ужас, который мы еще испытываем наряду с горечью и болью по утраченному — нам раскрывается нечто более существенное: кажется, произошедшее событие, хотя и соответствует поверхностному повседневному представлению о смерти, но в таком понимании все же противоречит нашему более глубокому знанию о ней.

Пожалуй, мы каким-то образом знаем, что жизнь внутренне и неизменно связана со смертью, и когда внешне насильственная, юная смерть хочет доказать непримиримое абсолютное противостояние жизни и смерти, мы сталкиваемся с ужасом непостижимого, ведь это противоречит, что называется, органическому знанию об их взаимосвязи, даже если эта взаимосвязь не столь часто обнаруживается. Я хочу совершенно безоговорочно заявить: для понимания смысла смерти нужно полностью отказаться от представления о парках (Parzen-Vorstellung), согласно которому в определенный момент времени нить жизни, до этого продолжавшаяся как жизнь и исключительно как жизнь, «обрезается»; как будто жизни предначертано в какой-то точке своего пути встретить смерть, чтобы лишь в данном мгновении с нею и соприкоснуться. В противовес этому представлению, мне кажется совершенно очевидным, что смерть изначально заложена в жизни. Правда, только в этот единственный момент она достигает макроскопической видимости, так сказать, единоличного господства. Но жизнь с самого рождения, в каждом ее мгновении и в каждой ее отрезке была бы иной, если бы мы не умирали. Смерть не является чем-то, что когда-нибудь станет действительностью, но наша жизнь становится такой, какой мы ее знаем только потому, что, растущие или увядающие, на солнечном пике жизни или в тени ее низин, — мы всегда лишь те, кому суждено умереть. Разумеется, мы умрем только в будущем, но то, что мы умрем, не является всего лишь «судьбой»: смерть не сводится к простому предвидению, к некоему предчувствию нашего последнего часа, — хотя, конечно, вербально мы выражаем смерть в будущем времени, то есть как нечто нереальное, словно она станет важной для нас только в момент ее прихода, — смерть, тем не менее, есть внутренняя вечная действительность каждого настоящего момента, цвет и форма жизни, без которой жизнь, какой мы ее знаем, была бы совершенно иной. Смерть является свойством органического существования, точно так же как свойством семени является изначально заложенная в нем способность однажды приносить плоды.

Это понимание смерти как неотъемлемой части всего живого наиболее ярко и убедительно по сравнению с другими художниками ощущается в образе человека, созданного Рембрантом. Причем не в элегическом или подчеркнуто патетическом смысле. Ведь подобный смысл проявляется тогда, когда смерть предстает как насильственное посягательство на жизнь, как рок, поджидающий нас на каком-то этапе жизненного пути, фактически неотвратимый, однако не исходящий из самой идеи жизни, а даже противоречащий ей. Если смерть представляется как сила, не связанная с жизнью, но господствующая над ней, то она принимает мрачный, трагический характер (Beklagensmässige). Ей мож-

но героически сопротивляться, с ней можно душевно примириться, а можно и остаться к ней внутренне безразличным — как это повсеместно изображается в «плясках смерти»; в психологическом аспекте такое представление о смерти удачно символизируется тем, что смерть здесь также изображается существом, находящимся вне своей жертвы.

Иначе обстоит дело, если смерть воспринимается непосредственно с жизнью и в жизни как ее составная часть. Отныне смерть больше не «угрожает» нам, как враг или друг, приближающийся издали, а является с самого начала неотъемлемой частью жизни (*character indelebilis*)*. Поэтому здесь ничего не поделаешь: она просто присутствует в нас с первых дней жизни, причем не как абстрактная возможность, которая однажды осуществится, а как простое реальное так-бытие (*Sosein*) нашей жизни, хотя ее форма и размеры постоянно изменяются, и только лишь в то последнее мгновение она предстает в подлинном виде. Мы не «обречены на смерть»: подобное может иметь место только тогда, когда функциональный и имманентный момент смерти гипостазирован в нечто особое (*Substantiellem*), самостоятельное. Однако с самого начала наша жизнь и все ее проявления были бы совершенно другими, если бы они не были пронизаны тем, что мы называем смертью в ее окончательном смысле — о чем, похоже, и свидетельствуют самые глубокие портреты Рембрандта.

Чтобы понять особенность и уникальность, присущую картинам этого художника, необходимо рассмотреть его отношение к классике. Исходя даже из довольно общего представления о классическом искусстве и искусстве Рембрандта, можно утверждать, что первое в определенной степени ориентировано на отвлеченные формы, которые создает жизнь и которые застывают на поверхности, а второе — на жизнь в ее непосредственности, сиюминутности. Греческое искусство не стремится уйти от жизни или избавиться от нее; это скорее присуще египетскому иератическому и древнеазиатскому искусству. Но все-таки не разнообразие (*Einreihigkeit*) и индивидуальность, в которых жизнь обретает временное течение, являются его целью, а скорее структура, по крайней мере кажущаяся удаленной от этого потока, в котором жизнь, застывая, выражает себя вовне. Поэтому оно ищет закономерность, связывающую элементы жизни, закономерность как таковую, удаленную от всякого временного и индивидуального, но не так, как у Рембрандта, где она питается внутренней, незримой и, если угодно, неоформленной житейностью (*Lebendigkeit*), непрерывно иссякающей и возрождающейся. В классическом искусстве отдельное произведение (*Gebilde*) наделяется смыслом, исходя из общей закономерности формы, и отсюда берет свое начало репрезентативность, в известной степени театральность, присущая греческому искусству и, вероятно, греческой жизни: индивидуум здесь не является самим собой, а представляет всеобщее, так же

* Употребляемый в оригинале термин — *character indelebilis* — имеет латинское происхождение и в переводе означает «неизгладимый характер» (или синонимичный ему *indelebile signum* — неизгладимая печать). Это термин католического богословия, обозначающий вечный, нестираемый след, который три таинства (Крещение, Миропомазание и Священство) оставляют в душе человека. Данный след невозможно уничтожить — он является неотъемлемой частью духовной жизни верующего. (*Примеч. ред.*)

как роль служит чем-то идеальным, всеобщим, наделяющим бытие отдельного актера смыслом и содержанием. Представлять нечто сверхиндивидуальное и тем самым раскрывать ценность индивидуальности — именно это придает явлению греческой культуры достоинство и гордость, но в то же время приводит к зависимости — необходимости быть увиденным и признанным. Исходя из этого, принцип всеобщности связывается с той направленностью на внешне оформленное, на тот художественный феномен жизни, который кристаллизует ее движение в устойчивую форму (Gebilde).

Платон выразил это более абстрактно, то есть вещи, согласно его учению, суть не что иное, как отражения (Repräsentanten) идеи, значимые не сами по себе, а лишь в той мере, в какой они воплощают всеобщее в форме видимой реальности. Для Платона отдельная вещь является воплощением идеи, она играет роль, которая идеально предписана ей и бесчисленным другим индивидуальностям, и, подобно актеру, она представляет собой нечто лишь в силу всеобщей заданности. Здесь, повторяю, заключается глубокая связь между классическим уходом от чистой индивидуальности и обращением к самостоятельной, подчиняющейся собственным законам внешней форме жизни, скрывающей свое невидимое внутреннее течение, не уловимое для устойчивых структур. Между тем Рембрандт в своих самых совершенных портретах воплотил бурный поток жизни, наполняющий каждую форму изнутри.

И теперь, возвращаясь к интерпретации смерти, эта мысль обретает полноту смысла. Его портреты вмещают в себя жизнь в ее самом глубоком понимании — жизнь, которая в самой себе одновременно содержит и смерть. Все, что является только жизнью, то есть отчуждающим от себя смерть, — это жизнь в более узком смысле, в некотором роде абстракция. Многие итальянские портреты производят впечатление, будто смерть настигает этих людей в виде удара ножом в спину. У Рембрандта же смерть — непрерывное развитие продолжающейся целостности жизни, подобно тому, как впадающая в море река не подвергается воздействию нового элемента, а лишь следует своему естественному, извечному течению. На картинах Рубенса люди ведут гораздо более полную, раскрепощенную, стихийно мощную жизнь по сравнению с людьми на картинах Рембрандта. Но эта мощь достигается ценой изображения той самой абстракции от жизни, когда из нее исключается смерть. В людях Рембрандта есть нечто сумеречное, заглушенное, в темноту устремленное, что в своем наиболее явном и окончательном проявлении как раз и называется смертью. И на первый взгляд кажется, что в этих людях гораздо меньше жизни, однако на самом деле именно в этом и заключается вся ее полнота. Сказанное в основном относится к его поздним портретам, но не только к ним.

Если внимательно присмотреться к дрезденскому автопортрету с Саскией, кажется, что царящая здесь безмятежная радость жизни несколько искусственна, будто она только на время всплыла на поверхность, но в глубине срослась с тяжелой, доносящейся издалека неотвратимостью. Это ощущение становится явно ужасающим, когда рассматриваешь смеющийся автопортрет из собрания Карстаньена (написанный более чем тридцать лет спустя). Смех здесь однозначно является чем-то чисто сиюминутным, возникающим, так

сказать, как случайная комбинация элементов жизни, каждый из которых настроен исключительно на свой лад, а в совокупности же они пронизаны смертью и на нее ориентированы. И тут между двумя портретами обнаруживается самое жуткое подобие: улыбка старика кажется лишь продолжением той юношеской веселости, как будто стихия смерти, затаившаяся в самых глубоких, незримых слоях жизни, теперь пробралась наружу.

В целом, идея смерти удивительным образом связана с изображением человека в искусстве. Не только потому, что портрет может пережить века или тысячелетия, но и потому, что он придает своему художественному содержанию вневременность, в нем ощущается напряжение: ведь он — такое же преходящее творение, как и изображенное на нем существо. В бурной жизни, захватывающей в свой поток и зрителя, смерть может полностью ускользнуть от нас, хотя бы по той причине, что она почти всегда (правомерно это или нет, пока оставим в стороне) считается чем-то неизбежным и всеобщим; между тем обыденное сознание исключает эту мысль и сосредоточивается на значимом для него жизненном разнообразии. Однако там, где произведение утрачивает непосредственное движение жизни, обманывающее нас относительно смерти, и даже, кажется, ее опровергает, смерть, тем не менее, становится видимой при более пристальном всматривании. По крайней мере, мне представляется, что это — одно из самых существенных различий в восприятии реального человека и его художественного образа: поскольку в последнем случае человек находится за пределами протекающей жизни, смерть становится в какой-то мере ощутимой именно через контраст. Именно в портретной форме (разумеется, с разной долей ясности) смертность, скоротечность и бренность нашей жизни настолько глубоко переплетены, что их невозможно отделить, не разрушив всего целого.

Но в рамках этой общей картины можно обнаружить существенные различия. Классическое искусство не ставило перед собой задачу выявить всю полноту противоположности между быстротечностью смертного человека и вневременностью его художественного воплощения. Напротив, оно стремилось преодолеть существующие различия, сгладить их, включая свой объект в его сущности и значимости во вневременную сферу. И оно достигло этого через типологизацию. Умирает только индивид, но не тип. Отдаляясь от первого и изображая второе, классическое искусство уменьшало напряжение между художественной формой как таковой и ее содержанием, ставя идею вневременности выше обоих. Оно свело предметы и вещи (*Gegenstände*) к художественному материалу, к тому слою или значению, в котором они легко, как бы сами собой, вписывались в общий стиль, к тому, что изначально и само по себе можно считать вневременным: то есть к их типу, их абстрактной — хотя и невыразимой в понятиях — общей сущности. Сам предмет должен был (судя по тому, что в нем можно было увидеть и что из него было включено в художественное произведение) оставаться близким к определяющему его стилю. Художественная вневременность привязывалась к объекту, который изначально мог быть ею ассимилирован, к бессмертному в человеческом облике (*Erscheinung*); к тому, что является родом, типом каждого человека, к тому, что в нем чуждо смерти.

Ничто не может лучше доказать эту взаимосвязь, чем то, что она в равной степени сохраняется и в обратном отношении. Осозаемость смерти в величайших портретах Рембрандта согласуется с тем, в какой степени в них выражена абсолютная индивидуальность человека. И это становится понятно при взгляде изнутри. Тип, как я уже говорил, не умирает. Умирает индивид. Чем более уникален человек, тем более он «смертен», ведь единичность невозможно заменить, и чем более она исключительна, тем более окончательным является ее исчезновение. Те организмы, у которых отдельное существо размножается путем деления на два существа и тем самым полностью исчезает, несомненно, находятся на самой низшей ступени индивидуализации; именно по отношению к ним понятие смерти неприменимо, поскольку их исчезновение не оставляет после себя даже мертвого тела. Абсолютная поглощенность продолжением рода, которое не дает даже тела отдельному существу, отрицает смерть. Тот, кто ограничил бы свою сущность или, если угодно, расширил бы ее до такой формы, в которой он един со своим типом, с общим понятием своего рода, тот в более глубоком смысле был бы во всех временах и над временем вообще. Только тот, кто неповторим, чья форма исчезает вместе с ним, — только тот и умирает окончательно: в глубине индивидуальности как таковой заложено зерно смерти. Но как только индивидуальность становится предметом искусства, которое наделяет ее бессмертием и вневременностью, возникает новая проблема.

Классическое искусство избежало такого противоречия, поскольку тип изображаемого им предмета сам по себе обладал этими свойствами, то есть художественный замысел и предмет совпадали друг с другом. Поэтому все художественные произведения, направленные на индивидуальность, являются в некотором смысле сомнительными и противоречивыми (даже если эти противоречия имеют глубокий смысл). Так, все индивидуальные портреты имеют более или менее явную трагическую составляющую; все трагические герои Шекспира являются яркими индивидуальностями, в то время как все его комедийные персонажи являются воплощением того или иного типа; итальянскому искусству, в силу его типологичности, присуща жизнерадостность, а немецкому, с его пристрастием к индивидуализации, часто свойственно нечто надломленное (*Zerrissenes*). Эта своеобразная незавершенность в противовес завершенности классического искусства, эта устремленность немецкого искусства к бесконечному, словно оно все дальше и дальше уводит от всякого окончательного и обнадеживающего решения к тому, что еще только необходимо достичь или же к тому, что никогда не будет достигнуто, — все это, вероятно, объясняется несовместимостью индивидуальности с заложенной в ней смертью, с искусством, которое как «чистое» искусство, над смертью возвышается. Но жизнь существует только в формах индивидуумов, и поэтому противостояние жизни и смерти наиболее ярко проявляется именно в них: наиболее самобытное существо умирает наиболее полно, потому как и живет оно наиболее полной жизнью.

Предельное выражение идеи индивидуальности, известное мне по лирическому искусству, связано с интерпретацией смерти как неотъемлемым

и определяющим моментом всех известных нам форм жизни. Рильке говорит об этом следующим образом^{*}:

Господи, дай каждому человеку именно его собственную смерть,
которую он выносил в ходе своей единственной жизни:
ту смерть, которая взращивалась им, когда он любил, мыслил и страдал.

Здесь, пусть и в самом идеальном варианте, отрицается универсальный характер смерти. И именно таким образом смерть непосредственно погружается в саму жизнь. До тех пор, пока смерть остается вне жизни, пока она — в наиболее характерном для нее символическом воплощении — представляет собой «костлявую смерть» (Knochenmann), которая внезапно оказывается рядом с нами, она, естественно, для всех существ одна и та же. Вместе с жизнью, своей противоположностью, смерть утрачивает свою одинаковость и универсальность, в той мере, в какой она все более индивидуализируется, в которой «каждый умирает своей собственной смертью», она связывается с жизнью как таковой и, тем самым, с ее конкретной формой и присущей ей индивидуальностью. Здесь проявляется глубочайшая типологическая особенность нашего мировоззрения.

Многие фундаментальные понятия, предопределяющие осмысление бытия (Daseinsbestimmungen), образуют пары противоположностей, где одно понятие обретает смысл только в соотношении с другим: добро и зло, мужское и женское, заслуга и вина, развитие и застой и бесчисленное множество других. Будучи относительными, они ограничиваются и оформляются только в отношении друг к другу. Но теперь эти две относительности охватываются абсолютным смыслом, который обретает одна из них. Разумеется, добро и зло в их относительном смысле взаимноисключают друг друга; но, возможно, Бытие в абсолютно божественном смысле является абсолютно добрым, и это Добро вмещает в себя как относительное добро, так и относительное зло. Безусловно, духовный прогресс и духовный застой непримиримо противостоят друг другу; но, возможно, развитие мирового Духа (der Weltprozess des Geistes) представляет собой абсолютное движение вперед, в котором то, что мы эмпирически определяем как застой, является лишь чем-то относительным и, в конце концов, оказывается одним из модусов движения вперед.

И таким образом, быть может, жизнь и смерть, хотя они и кажутся логически и физически взаимоисключающими, являются лишь относительными противоположностями, охваченными Жизнью в ее абсолютном смысле, которая служит основой и перекрывает взаимное ограничение и обусловленность (пребывающих в ней) жизни и смерти. И, вероятно, с этой высшей

* R.-M. Rilke:

О Herr, gib jedem seinen eignen Tod,
Das Sterben, das aus jenem Leben geht,
Darin er Liebe hatte, Sinn und Not.

В переводе В. Микушевича:

Господь! Всем смерть свою предуготовь,
чтобы в неё впадало естество,
чтоб смысл в ней был, чтоб в ней была любовь. (Примеч. ред.)

точки зрения на ужас солдатской смерти ниспадает более примирительный свет. В войне, который жертвует собой добровольно, то есть из глубины своей индивидуальной воли, живет еще один индивид: великая индивидуальность народа, всеобщность, которая не противостоит индивидуальности, а является с ней единым целым. Сегодня мы уверены больше, чем когда-либо в том, что каждая из частей непосредственно содержит в себе другую, так что смерть одной из них ради другой все же является смертью по собственной воле. На примере юношей, которые с песнями идут навстречу врагу, поскольку для них жизнь и смерть превращаются в упоение жизнью, мы видим, как малый смысл жизни и малый смысл смерти преодолевают свое противостояние и свой ужас — в великом смысле жизни.

Поступила в редакцию 15.03.2025

Принята к публикации 15.08.2025

Received 15.03.2025

Accepted 15.08.2025

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 165.62:821.112.2

*Д. А. Вишняков**

ФАНТАЗМАТИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПАМЯТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА (историко-эпистемологический анализ)

В статье предлагается интерпретация метода гуманитарной работы В. Беньямина в русле идеи «фантазматической науки» Р. Барта. В качестве основы используется проблематика памяти в постгуссерлианской феноменологии, и главным образом ее реализация в работах П. Рикера. Отправной точкой исследования являются «ностальгические» тексты В. Беньямина, посвященные городскому пространству, которые, в отличие от урбанистических текстов, представлены как интроспективный анализ собственных духовных поисков. Книга В. Беньямина «Улица с односторонним движением», написанная коллажным методом, по структуре напоминает книгу французского философа Р. Барта «Как жить вместе», в которой автор разрабатывает свою идею черты/фигуры (traits), что принимается в качестве возможного основания для сравнения подходов двух интеллектуалов. Аналогичным образом построено и произведение В. Беньямина «Берлинское детство на рубеже веков», представляющее собой попытку феноменологической реконструкции воспоминаний через фантазмы.

Ключевые слова: В. Беньямин, Р. Барт, феноменология, «фантазматическая наука», память, коллаж, фигура.

D. A. Vishnyakov
THE PHANTASMATIC PHENOMENOLOGY OF MEMORY
IN WALTER BENJAMIN'S WORKS:
A HISTORICAL AND EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS

The paper offers an interpretation of W. Benjamin's method of humanitarian work in line with R. Barthes's concept of 'phantasmatic science.' It is based on the problematics of memory

* Вишняков Даниил Алексеевич — младший научный сотрудник отдела науковедения Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук; аспирант Школы философии и культурологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики; kustoprav@yandex.ru

Daniil A. Vishniakov — junior researcher for Department of science studies of S. I. Vavilov's Institute for the History of Science and Technology RAS; PhD-student for School of Philosophy and Cultural studies of HSE University; kustoprav@yandex.ru

in post-Husserlian phenomenology, mainly as realised in the works of P. Ricoeur. The starting point for the study is Benjamin's 'nostalgic' texts on urban space, which, unlike urbanistic texts, are presented as an introspective analysis of his own spiritual quest. W. Benjamin's book *One-Way Street*, written as a collage, resembles in structure the book by the French philosopher R. Barthes *How to Live Together*, in which the author develops his idea of traits/figures, which is taken as a possible basis for comparing the approaches of the two intellectuals. W. Benjamin's work *Berlin Childhood around 1900* is constructed in a similar way, representing an attempt at a phenomenological reconstruction of memories through phantasms.

Keywords: W. Benjamin, R. Barthes, phenomenology, 'phantasmatic science', memory, collage, figure.

Счастье состоит в осознании,
что всё это великая странная грёза.
Джек Керуак

Введение. «Бартезианский» Беньямин

Исследование философского, публицистического и литературного наследия В. Беньямина (1892–1940) представляет собой весьма трудную с герменевтической точки зрения задачу. К какому лагерю гуманитарной экспертизы следует отнести одного из самых известных и влиятельных интеллектуалов XX века? Можно ли считать его философом, историком, культурологом? Или же его работы скорее относятся к критическому или сравнительному литературоведению? Поиск ответов на данные вопросы, очевидно, не может быть целью данной статьи; более того, в более широком контексте сам поиск точного определения произведений Беньямина и, соответственно, их автора не имеет смысла, поскольку он был и философом, и культурологом, и литературным критиком. Не имея какого-либо академического веса (его диссертационное исследование, посвященное роману Гёте «Избирательное сродство», долгое время не принималось ни одним из ведущих университетов) и средств к существованию (Беньямин брался за любую редакторскую и критическую работу, благодаря которой оказался в Москве), Беньямин смешивал в своей теоретической работе инструментарий всех доступных для него гуманитарных дисциплин — от библеистики до философии культуры, от теории кино до истории и филологии. Но не только жизненные обстоятельства толкали его к тому, чтобы стать философским «человеком-оркестром». Присущая ему тонкость ума, поразительная наблюдательность, врожденные способности к кропотливой текстологической работе способствовали формированию его метода работы с идеями, в некотором смысле «библиотечного», что, к примеру, будет похоже уже на поэтическую методологию московской концептуальной поэзии.

Такой подход коллекционера-собирателя отразится не только на литературном творчестве Беньямина, но и на его теоретической работе. В данной связи достаточно вспомнить идею черты/фигуры Р. Барта, к разработке которой философ прибегает при создании ряда своих курсов в Коллеж де Франс в конце 1970-х годов. Самым известным (для русскоязычного читателя) курсом-картотекой станет курс «Как жить вместе». В нем Барт предлагает свой метод (позже он будет обозначать его как «культуру») гуманитарной рефлексии о проблеме социально-исторического бытия, а именно — «метод

фантазма», или «фантазматическая наука». Сам Барт описывает такой способ работы следующим образом:

Фантазм (по крайней мере — то, что я так называю): возвращение желаний и образов, которые залегают внутри вас, блуждают в течение всей жизни и нередко кристаллизуются в одном единственном слове. Слово, будучи высшим означающим, ведет от фантазма к его разведке. Его разработка через различные крупницы знания = исследование. Фантазм разрабатывается открытым способом, словно полезные ископаемые [2, с. 49].

Основной замысел данного исследования — продемонстрировать взаимосвязь между методологическими подходами В. Беньямина (в книгах «Улица с односторонним движением» и «Берлинское детство на рубеже веков») и Р. Барта (в лекционном курсе «Как жить вместе»). Аргументом в пользу такого решения можно считать, с одной стороны, изоморфизм методов Беньямина и Барта, а с другой стороны, предельную не-академичность текстов немецкого интеллектуала и отсутствие стандартного эпистемологического и герменевтического аппарата для анализа его работ. На такой структурно-теоретический изоморфизм обращает внимание и С. Ромашко:

Метод Беньямина заключался в том, чтобы поймать ту точку, в которой, «как в интеграле», сходятся все основные черты реальности, и понять всю действительность (или какой-либо из ее массивов) через эту точку, реальную и в то же время в познавательном аспекте, как и точка математическая, не имеющую измерения (эпоху через отдельное событие или биографию, жизнь через отдельный поступок, творчество через отдельное произведение) [10].

Таким образом, на первый взгляд искусственная «бартовизация» творчества Беньямина имеет все возможности для органичного встраивания в коллажный метод, использованный им в «Берлинском детстве» и «Улице с односторонним движением». Чтобы убедиться в этом, обратимся к самим текстам.

Инженерия фантазматического пространства и способы феноменализации памяти в «Улице с односторонним движением»

В книге «Улица с односторонним движением» Беньямин использует коллажный метод работы. Текст содержит синтагмы, которые обычно встречаются в городском пространстве. Это могут быть указатели организаций («Заправочная станция», «Закусочная», «Пивная»), рекламные плакаты («Защита прав неимущих», «Немцы, пейте немецкое пиво!»), таблички на стенах подъездов («Мадам Ариана, второй подъезд слева», «Врач. В ночное время пользуйтесь звонком») и все остальное, что можно встретить в веймарской столице межвоенного периода. И, тем не менее, «Улица с односторонним движением» — это не путеводитель, не урбанистическое исследование, и даже не репортаж с подробным описанием места событий. При всех талантах Беньямина, нейтральные журналистские статьи давались ему с трудом, что, в частности, подтверждается историей одного заказа: М. Бубер, заказавший В. Беньямину очерк о Москве (поскольку тот туда направлялся), в ответ получил эссе, позже переросшее в «Московский дневник».

В «Улице с односторонним движением» задача Беньямина и не состояла в том, чтобы разработать картографию Берлина. В первую очередь важно было создать ментальную карту, некоторый способ ориентации в пространстве рефлексии. Но и здесь не стоит делать поспешных выводов и сравнивать исследование с гештальтпсихологией (идея поля) или арт-терапией (рисование ментальных карт). Работа Беньямина, по сути дела, феноменологическая. Здесь в первую очередь осуществляется анализ структур сознания, воспроизводящих на фундаментальном уровне условия самого мышления. На эти чистые формы накладываются культурологическая и социологическая рефлексии, за счет чего и происходит градостроительство внутренней реальности, в котором задействован и эпиграф. В качестве эпиграфа Беньямин использует следующие строки: «Эта улица зовется Асей Лацис в честь той, что, как инженер, прорубила ее в авторе» [5, с. 11]. Намечая топографию мысли, Беньямин рефлексиирует над мелочами и таким образом пробивается к более фундаментальным формам вопрошания, граничащим с экзистенциальной философией феноменологией. Это можно увидеть на ряде примеров из самой работы. Под заголовком «Немцы, пейте немецкое пиво!» встречаем следующее социологическое рассуждение:

Чернь одержима бешеной ненавистью к духовной жизни, гарантию уничтожения которой она обрела в подсчете тел. Стоит им только чуть позволить, они встают плечом к плечу и маршируют навстречу ураганному огню, в универсальный магазин. Никто из них не видит дальше спины идущего, и каждый горд, что тем самым являет собой пример для следующего. Мужчины на фронте поднаторели в этом за прошедшие столетия, но парад нищеты, сам порядок очереди изобрели женщины [5, с. 36].

Подобные рассуждения можно обнаружить у старшего современника Беньямина, видного немецкого социолога З. Кракауэра. Более того, традиция Франкфуртской школы в лице Т. Адорно и Г. Маркузе в критике современной культуры и формировании концепта «одномерного человека» будет опираться на сходные интеллектуальные интуиции. Но это срез лишь одной из сторон многогранного текста Беньямина. В разделе «Расклеивать объявления запрещено!» можно обнаружить руководство по «писательской технике», свод правил различных литературных практик (письма, чтения, критики). В одном из тезисов Беньямин пишет:

Говори о сделанном, если хочешь, но не зачитывай оттуда ничего в процессе работы. Удовольствие, которое ты таким образом приносишь себе, всякий раз снижает твой темп. В конце концов при соблюдении такого режима нарастающее желание рассказать станет стимулом к заключению [5, с. 37].

Наконец во фрагменте «Закрывать на реконструкцию!» прослеживается явная медитация на стыке психоанализа и экзистенциальной мысли: «Во сне я лишил себя жизни выстрелом из винтовки. Когда он прозвучал, я еще некоторое время смотрел на свой лежачий труп. И только потом проснулся» [5, с. 72].

Разбирать фигуры мысли, собранные в «Улице с односторонним движением» можно бесконечно долго, преодолевая семантические барьеры, составленные самим автором (текст зачастую остается как бы незавершенным,

намеренно обрывается). Однако такие коллажные композиции все же укладываются в логику памяти, как она представлена в феноменологических исследованиях. И здесь важно обратиться к более поздней феноменологической традиции, возникшей под влиянием П. Рикёра. В работе «Память, история, забвение» автор выдвигает следующий тезис:

Я ставлю во главу нашего феноменологического исследования пару «привычка/память», поскольку она представляет собой первый случай применения к проблеме памяти того, что я во введении назвал обретением временной дистанции, обретением, рассмотренным с точки зрения критерия, который можно было бы назвать градиентом дистанцирования. Дескриптивная операция тогда состоит в том, чтобы классифицировать опыты по их временной глубине, начиная с тех, где прошлое, так сказать, примыкает к настоящему, и кончая теми, где прошлое узнается в его безвозвратной прошлости [8, с. 49].

Именно погружение во временную глубину и практикует Беньямин, работая над проблемой памяти и реконструируя состояние детства в сфере актуального сознания. Точка примыкания, область пограничности обнаруживается в пространстве внутреннего атласа, в топонимии объектов рефлексивного опыта, фантазматической науки. Как замечает С. Ромашко в отношении способа работы Беньямина, «прошлое открыто для переживаемого сейчас момента (Jetztzeit)» [10]. Для подтверждения данной мысли следует обратиться к исследованиям памяти, предпринятым Беньямином.

Техники памяти в «Берлинском детстве»: фантазматическая реконструкция

Тема детства для Беньямина играет особую роль. Х. Айленд и М. У. Дженнингс в фундаментальной интеллектуальной биографии «Беньямин: критическая жизнь» отмечают следующее: «Беньямин родился почти одновременно с развитием германского городского модерна, поэтому в каком-то смысле неудивительно, что Беньямин был автором самой влиятельной в XX в. теории модерна» [1, с. 22]. Стремительный рост городов, формирование урбанистического ландшафта современной европейской культуры повлияли на то, каким образом Беньямин видит вещи и строит на основе этого видения свою философию памяти. Тема детства здесь отнюдь не случайна: оказавшись в водовороте индустриальных и градостроительных свершений, детское сознание вынуждено создавать хрупкие мостки между реальностью и миром собственных переживаний. Более того, тема детства стала лейтмотивом творчества Беньямина ввиду тонкости его психики. Так, в «Московском дневнике» мы встречаем следующие строки: «Но она (Ася Лацис. — Д. В.) села на кресло с ногами и накинула на себя мое шелковое парижское кашне. К сожалению, я уже поужинал дома, так что не смог съесть много сладостей, стоявших на столе» [3, с. 166]. Детское, наивное разочарование соответствует общему пафосу текстов Беньямина.

Важнейшая роль образа детства и связанных с ним мотивов в творчестве Беньямина уже замечена исследователями, хотя раньше на это не обращали внимания. Свидетельства тому, как полагает С. Ромашко,

начинаются с самых скромных форм текущей литературной работы Беньямина — с рецензий и маленьких зарисовок, среди которых можно найти рецензии на детские книги или миниатюру «Русские игрушки». В конце 20-х — начале 30-х годов Беньямин создал целую серию детских передач на радио. Впрочем, эти публикации можно было бы считать маргинальными, и если бы все ограничилось только ими, дело бы скорее всего не стоило бы особого рассмотрения. Но те же мотивы присутствуют и в работах, которые маргинальными назвать никак нельзя [9].

Таким образом, рефлексия о способах работы с детством, и в частности с детскими воспоминаниями, имеет огромное значение для понимания отдельных произведений Беньямина и его наследия в целом.

Еще одна деталь, сближающая метод немецкого интеллектуала с поздней французской традицией, выражена в наличии общего для них источника вдохновения, а именно — произведений М. Пруста. Вспомним здесь известный пассаж о печенье «Мадлен»:

И как только я вновь ощутил вкус размоченного в липовом чае бисквита, которым меня угощала тетя... в то же мгновение старый серый дом фасадом на улицу, куда выходили окна тетиной комнаты, пристроился, как декорация, к флигельку окнами в сад, выстроенному за домом для моих родителей... А стоило появиться дому — и я уже видел городок, каким он был утром, днем, вечером, в любую погоду, площадь, куда меня водили перед завтраком, улицы, по которым я ходил, далекие прогулки в ясную погоду. <...> весь Комбре и его окрестности — всё, что имеет форму и обладает плотностью — выплыло из чашки чаю [7, с. 91].

Беньямин работал над переводами Пруста, часто ссылаясь на него (в том числе и в «Улице с односторонним движением»), принимая на вооружение такую вариативную возможность практик памяти. Однако между Прустом и Беньямином в этом отношении существует принципиальное расхождение. Те образы, от которых отталкивается Пруст, материальны, и потому они вписываются в логику «стимул — реакция». Логика Беньямина, однако, иная: он опирается на фантазматическое воспоминание, на создание образа на основе чистых сил памяти и богатого воображения (fiction). И в этом смысле Пруст через практики привычки ближе к логике Рикёра, концепт Беньямина вбирает в себя и феноменологию, и фантазму (в бартовском смысле). Нарратив воспоминания — это не то, *что именно* я вспомнил, а то, что *я вспоминаю* и какие образы для этого использую. Современные исследователи выделяют следующие особенности структуры памяти в «Берлинском детстве»:

Образ как раз и запечатлевает эту загадочную метаморфозу, это отклонение времени, оттеняющее глубину и дискретность каждого мига. Работа воспоминания — не планомерное разматывание в обратном направлении ленты собственной жизни, но неожиданное озарение, вспышка понимания, контрастной склейкой монтирующая давнее событие с сегодняшним днем [6].

Итак, планомерному разворачиванию сюжета-воспоминания Беньямин предпочитает «фантазм-воспоминание». Обратимся к ряду черт (traits), используемых им в «Берлинском детстве». В этом отношении показателен уже эпиграф: «Колонна Победы поджаристо-румяна под снежной сахарной глазурью

детских дней» [4, с. 95]. С одной стороны, перед читателем предстает образ конкретного географического объекта, элемента городской среды. А с другой стороны, в самом языке описания заложено что-то, не вписывающееся в правила нормального, рационального описания — детская наивность навязывает языку взрослого видения свои условия существования и удерживания в памяти тех или иных подробностей. Эпистемологию памяти и отдельных ментальных образов нельзя приравнять к теории познания объектов и средств их описания. Память в первую очередь — фантазм, развенчание серьезности и скрупулезности феноменологического анализа. В пассаже «Лоджии» Беньямин рассуждает следующим образом:

Подобно матери, которая, прикладывая к груди своего новорожденного, никогда не потревожит наш сон, жизнь долгое время заботливо оберегает нашу хрупкую память о детстве [4, с. 97].

Но в данном случае «жизнь» — это не биологический, не социальный и даже не философско-антропологический концепт. Это прежде всего внутренняя, культурная, бессознательная, фантазматичная жизнь, укрепляющая воспоминание за счет насыщения новыми образами, строительными лесами воображения, поддерживающими и защищающими детство от угрозы настоящего или грядущего.

Пассивный синтез фантазмов вместе с активной работой памяти и активным синтезом творческого воображения позволяют Беньямину создавать текст, выходящий за пределы мемуаров, автофикшна и ненаучной фантастики. Более того, активная созидательная сила Беньямина позволяет ему выстраивать публицистические и культурологические заметки на полях. В пассаже «Телефон» содержатся следующие рассуждения:

То ли аппараты так устроены, то ли память — могу сказать лишь одно: уже ставшие отголоском прошлого шорохи, которые сопровождали телефонные разговоры, уже звучат не так, как нынче [4, с. 104].

Применяя (самый поверхностный) феноменологический анализ к данному пассажи, обратим внимание на следующее: нозма акта воспоминания (телефонный шум) выскальзывает из поля зрения, и в центре внимания оказывается нозэсис (сам акт воспоминания, выражающийся в сомнениях). Это не методологическое сомнение Декарта или Гуссерля, и уж тем более не процедурное сомнение философа-хирурга, готовящего операционную к проведению вскрытия тела воспоминания. В первую очередь, это рассуждение живого человека, память которого наполнена фантазмами и полетами воображения. И в здесь не так важно, *какие были шумы* и были ли они вообще, важно, *что именно* сам Беньямин в этом воспоминании *воспроизводит*, какие допущения и смыслы выводит на первый план. Наконец, обратимся к пассажи «Павлиний остров в Глиннике». Здесь Беньямин вспоминает, как он проводил время на летней даче поблизости от ключевых для истории Германии мест:

Близость этих династических владений никогда не мешала моим играм, ибо земли под стенами городских сооружений я попросту захватывал. Можно было

написать историю моего правления, которое началось возведением меня на престол с соизволения летнего дня и завершилось переходом моей империи под власть поздней осени. Да и вся моя жизнь была заполнена сражениями за империю. Велись они не с каким-нибудь императором-врагом, а самой землей и духами, которых она посылала воевать со мной [4, с. 128].

Слияние детской фантазии, взрослой наивности и особой техники памяти в едином акте воспоминания является уникальным событием, возникающим на грани фикшна и нон-фикшна.

Заключение. Мелочи, игрушки, побрякушки

Ранее исследователи уже отмечали необычную любовь Бенямина «к мелочам быта, к детским книгам и игрушкам, к тому, что солидные люди привыкли считать не стоящими внимания, вещами, о которых следует забывать, когда надобность в них отпадает [10]. И действительно Бенямин во многом фигура уникальная: левый интеллектуал, знаток Пруста, Бодлера, Гёте, специалист по немецкой барочной драме, но в то же время изнеженный, ранимый и под детски наивный мечтатель, коллекционер детских игрушек и открыток. Его методология экспликации памяти сочетает в себе обе стороны его личности: это и серьезная, кропотливая текстологическая работа на уровне «Пассажей», описывающая мир позднего модерна, но в то же время всего лишь мечтание, греза, «теплая» ностальгия. Возможно, феноменологический срез памяти, как он представлен в произведениях Бенямина, лучше всего определить посредством названия известного фильма Р. Балаяна «Полеты во сне и наяву», в котором главный герой, окончательно запутавшийся в своей любовной жизни, решает «улететь» от посеянного им хаоса. Романтическая история Бенямина такая же несчастная: неудачный брак, безответная любовь, страстная одержимость и ревность. Не исключено, что именно поэтому «сухому» фотографированию и составлению картотеки Бенямин предпочитает коллажный метод размышления, погружающий его в рефлексии о его детской и наивной натуре. Мелочи блошиного рынка, коллекционирование марок, открыток и игрушек для него значит много больше, чем мелочи жизни. В Москве, избегая авангардных постановок В. Мейерхольда, он охотится за пирожными со сладким кремом. История жизни Бенямина, как и история его мысли — это история мелочей, составленных в единый коллаж невидимых сетей-сборок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айленд Х., Дженнингс М. У. Вальтер Бенямин: критическая жизнь / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Дело, 2018.
2. Барт Р. Как жить вместе: романтические симуляции некоторых пространств повседневности / пер. с фр. Я. Бражниковой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
3. Бенямин В. Московский дневник / пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
4. Бенямин В. Берлинское детство на рубеже веков / пер. с нем. Г. Снежинской // Бенямин В. Улица с односторонним движением. Берлинское детство на рубеже веков. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. С. 95–185.

5. Бенъямин В. Улица с односторонним движением / пер. с нем. И. Болдырева // Бенъямин В. Улица с односторонним движением. Берлинское детство на рубеже веков. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. С. 11–91.
6. Дриккер А., Коваль О. Горизонты памяти: воспоминания детства как опыт образного постижения времени в философии Вальтера Бенъямина // Философский журнал. 2021. № 1. С. 53–68. URL: <http://intelros.ru/readroom/fg/fi1-2021/44338-gorizonty-pamyati-vozpominaniya-detstva-kak-opyt-obraznogo-postizheniya-vremeni-v-filosofii-valtera-benyamina.html> (дата обращения: 07.03.2025).
7. Пруст М. По направлению к Свану / пер. с фр. Н. М. Любимова. СПб.: Амфора, 1999.
8. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг и др. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
9. Ромашко С. А. Детская фотография. О мотивах детства у Вальтера Бенъямина // Логос. 2000. № 3 (24). С. 101–107. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/2000_3/06.htm (дата обращения: 07.03.2025).
10. Ромашко С. А. Раздуть в прошлом искру надежды...: Вальтер Бенъямин и преодоление времени // Новое литературное обозрение. 2000. № 6. С. 81–90. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/6/razdut-v-proshlom-iskru-nadezhdy.html> (дата обращения: 06.03.2025).

REFERENCES

1. Eiland, H., Jennings, M. W. (2018) *Walter Benjamin: A Critical Life*. Transl. from English by N. Edelman. Moscow, Delo. (In Russian).
2. Barthes, R. (2016) *Comment vivre ensemble: simulations romanesques de quelques espaces quotidiens [How to Live Together: Romantic Simulations of Everyday Spaces]*. Transl. from French by Ya. Braznikova. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian).
3. Benjamin, W. (2012) *Moskauer Tagebuch [Moscow Diary]*. Transl. from German by S. M. Romashko. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian).
4. Benjamin, W. (2021) Berliner Kindheit um neunzehnhundert [Berlin Childhood around 1900]. Transl. from German by G. Snezinskaya. Benjamin, W. *One-Way Street. Berlin Childhood around 1900*. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian).
5. Benjamin, W. (2021) Einbahnstraße [One-Way Street]. Transl. from German by I. Boldyrev. Benjamin, W. *One-Way Street. Berlin Childhood around 1900*. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian).
6. Drikker, A., Koval, O. (2021) Horizons of Memory: Childhood Memories as an Experience of Figurative Understanding of Time in the Philosophy of Walter Benjamin. *Philosophical Journal*, no. 1, pp. 53–68. Available at: <http://intelros.ru/readroom/fg/fi1-2021/44338-gorizonty-pamyati-vozpominaniya-detstva-kak-opyt-obraznogo-postizheniya-vremeni-v-filosofii-valtera-benyamina.html> (accessed: 07.03.2025). (In Russian).
7. Proust, M. (1999) *Du côté de chez Swann [Swann's Way]*. Transl. from French by N. Lyubimov. St. Petersburg, Amfora. (In Russian).
8. Ricœur, P. (2004) *La mémoire, l'histoire, l'oubli [Memory, History, Forgetting]*. Transl. from French by I. I. Blauberget al. Moscow, Humanities' Literature Press. (In Russian).
9. Romashko, S. A. (2000) Children's Photography. On the Motifs of Childhood in Walter Benjamin. *Logos*, no. 3 (24), pp. 101–107. Available at: https://ruthenia.ru/logos/number/2000_3/06.htm (accessed: 07.03.2025). (In Russian).

10. Romashko, S. A. (2000) To Fan the Spark of Hope in the Past...: Walter Benjamin and the Overcoming of Time. *New Literary Review*, no. 6, pp. 81–90. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/6/razdut-v-proshlom-iskru-nadezhdy.html> (accessed: 06.03.2025). (In Russian).

Поступила в редакцию 05.12.2024

Принята к публикации 10.04.2025

Received 05.12.2024

Accepted 10.04.2025

УДК 82–94

*А. А. Синицын**

СЕЛЬСКИЙ УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ И КРАЕВЕД С. И. МАЛАФЕЕВ И НЕИЗДАННАЯ «ЛЕТОПИСЬ СЕЛА АЛЕКСЕЕВКИ»

Мы публикуем несколько глав из машинописного альбома, составленного учителем истории средней школы села Алексеевска Базарно-Карабулакского района Саратовской области Сергеем Ивановичем Малафеевым. В 1973 г. он преподнес в дар сельской библиотеке сборник очерков по истории села, который назвал «Летопись села Алексеевки». С. И. Малафеев во многом был самоучкой, но любознательность, любовь к истории и родному краю сделали его настоящим поисковиком, собирателем, исследователем и хранителем. Он составил два объемных альбома по истории Алексеевки, которые ныне хранятся в школьном музее (альбом 1957 г.) и в Алексеевской сельской библиотеке (альбом 1973 г.). Подготовленные С. И. Малафеевым сборники уникальны, они включают разного рода материалы по истории Алексеевки и жизни алексеевцев, собственные замечания составителя, свидетельства односельчан, вырезки из газет. «Летопись села Алексеевки» С. И. Малафеев готовил на протяжении полутора десятилетий (с 1957 по 1973 г.). Его интересовали не только героические события прошлого, но и будни алексеевцев, которые жили и живут в едином ритме со своей страной.

Ключевые слова: Сергей Иванович Малафеев, краевед, учитель истории, село Алексеевка Базарно-Карабулакского района Саратовской области, воспоминания, великая и малая Родина, летопись села.

A. A. Sinitsyn

*THE RURAL HISTORY TEACHER AND LOCAL HISTORIAN
S. I. MALAFEEV AND HIS UNPUBLISHED WORK
'THE CHRONICLE OF THE VILLAGE OF ALEKSEEVKA'*

Several chapters of a typewritten chronicle are about to see the light of day; the chronical that was compiled by Sergei Ivanovich Malafeev, a teacher of history at the secondary school

* Синицын Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; aa.sinizin@mail.ru

Alexander A. Sinitsyn — PhD in History, Associate Professor, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky; aa.sinizin@mail.ru

in the village of Alekseevka, Bazarno-Karabulaksky District of Saratov Oblast. In 1973, he gifted the local library a collection of sketches on the history of the village, which he called *The Chronicle of the Village of Alekseevka*. S. I. Malafeev was a largely self-educated person, and his eagerness for knowledge, love of history and his native land made him a true researcher, collector, and archivist. He compiled two voluminous albums on the history of Alekseevka, which are stored in the school museum (album 1957) and the Alekseevka rural library (album 1973). The albums prepared by S. I. Malafeev are unique; they comprise various history files of Alekseevka and its people, his own notes, evidence provided by his fellow villagers, and newspaper clippings. It took him a decade and a half (1957–1973) to write *The Chronicle of the Village of Alekseevka*. He was interested not only in the heroic events of the past but also in everyday life of the villagers who lived and live in step with their country.

Keywords: Sergei Ivanovich Malafeev, local historian, teacher of history, village of Alekseevka in Bazarno-Karabulaksky District of Saratov Oblast, memoirs, motherland and small homeland, the chronicle of the village.

Рис. 1. Учитель истории Алексеевской средней школы, краевед и писатель Сергей Иванович Малафеев, 1950-е гг.

Несколько лет назад, готовя к публикации книгу сельского историка, я отметил в предисловии:

У каждой деревеньки, села, города, рабочего поселка есть своя история, свои основатели, памятные места, герои — защитники и труженики. В каждом месте могут быть свои историографы, краеведы-любители, собиратели и хранители прошлого [10, с. 15].

Автор книги «Эхо души», о которой идет речь, — житель села Алексеевка Базарно-Карабулакского района Саратовской области, писатель, поэт, краевед, ветеран Великой Отечественной войны и педагог Иван Андреевич Гусев (1925–2016). Более полувека И. А. Гусев проработал преподавателем истории в Алексеевской средней школе и 43 года был ее директором. Многие годы он собирал материал о селе и односельчанах, однако завершить свой труд он так и не успел... В издательстве Русской христианской гуманитарной академии вышли два издания книги И. А. Гусева, получившей одобрительные отзывы специалистов [5; 6]¹. «Эхо души» содержит воспоминания автора о детстве и юности, которые пришлось на голодные 1930-е и военные 1940-е годы, рассказы о его учебе в педагогическом институте города Саратова и последующем распределении в сельскую школу незнакомого ему района на правом берегу Волги, о первых годах его преподавания в школе, знакомстве с коллегами-учителями, женитьбе... В эту книгу включены стихи Ивана Андреевича и его статьи об алексеевцах, публиковавшиеся в разные годы в районной и областной газетах [2].

Примечательно, что в селе Алексеевка Базарно-Карабулакского района Саратовской области И. А. Гусев был не единственным и не первым краеведом. В Алексеевке его предшественником в деле исторического краеведения был его старший коллега Сергей Иванович Малафеев. Он тоже много лет проработал учителем истории в Алексеевской школе и являлся ее директором. Два историка-краеведа — И. А. Гусев и С. И. Малафеев — это, надо признать, для одного села не мало!

* * *

Сергей Иванович Малафеев родился в 1902 году. О себе он рассказывал, что всё его образование — девять классов сельской школы (об этом же пишет И. А. Гусев; см. ниже). Но в суровые 1920-е годы педагогов на селе не хватало, и в 1927 г. Сергей Иванович был принят в школу учителем истории. (Материалы об этом хранятся в школьном архиве.) С. И. Малафеев принял революцию, являлся членом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), активно участвовал в социалистическом строительстве. Как указано в его личном деле, в 1931 г. по решению Базарно-Карабулакского райкома ВКП(б) он был назначен «заведующим школой пролетарской молодежи с. Алексеевка». В годы Великой Отечественной войны С. И. Малафеев был мобилизован в Красную Армию и с оружием в руках творил новейшую историю. За боевые заслуги он был награжден медалями. После окончания войны Сергей Иванович вернулся в Алексеевку и продолжил работу в школе в качестве директора и учителя истории.

В 1948 г. в Алексеевскую школу был направлен по распределению новый историк, И. А. Гусев, окончивший в том же году Саратовский педагогический институт (ныне этот вуз находится в составе Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского). Иван Андреевич был на поколение младше Малафеева, по воспоминаниям алексеевцев, в работе он сразу проявил себя как специалист — энергичный, активный, его уроки истории были доступными и увлекательными, а главное — он имел высшее образование. В 1950 г. И. А. Гусев сменил С. И. Малафеева на посту директора школы (об учебе в институте и первых годах работы в Алексеевке Гусев рассказывает в своей книге: [2, с. 49–65]). Сергей Иванович поддержал начинающего педагога, фронтовика и своего коллегу, во многом именно он содействовал И. А. Гусеву. В книге «Эхо души» Иван Андреевич рассказывает:

Директором школы был Сергей Иванович Малафеев. Образование у него было 9 классов Вязовской средней школы. Через полгода (со времени начала работы И. А. Гусева учителем истории в Алексеевской школе, т. е. уже в первой половине 1949 года. — А. С.) он рекомендовал меня на должность директора школы [2, с. 56].

С. И. Малафеев был активно занят в жизни села, участвовал в методической работе, неоднократно принимал участие в районных и областных конференциях и педагогических чтениях. Как следует из материалов дела С. И. Малафеева, его доклад на тему «Из опыта работы по составлению истории родного села» в 1959 г. был «вынесен в обзорном порядке на республиканские педагогические чтения». С. И. Малафеев проработал учителем истории в Алексеевской школе до 1963 г. и, выйдя в 60 лет на пенсию, завершил преподавание, но продолжал заниматься краеведческой работой. Он собирал материалы, публиковал статьи в районной газете «За победу коммунизма» (печатный орган Базарно-Карабулакского района; ныне ее «наследницей» является газета «Вестник района»), а также в ряде областных изданий. В 1950-е — 1970-е гг. Сергей Иванович часто выступал с лекциями и докладами на исторические и общественно-политические темы перед колхозниками, рабочими, преподавателями и учащимися. Среди односельчан он пользовался большим уважением и авторитетом.

Во многом С. И. Малафеев был самоучкой, но историческая любознательность, любовь к родному краю и его прошлому сделали его настоящим историком-исследователем: поисковиком, собирателем, хранителем и «летописцем» села.

За многолетний добросовестный труд алексеевский историк С. И. Малафеев был награжден Орденом Трудового Красного Знамени, медалями и почетными грамотами.

* * *

С начала 1950-х гг. С. И. Малафеев руководил созданным им самим историко-краеведческим кружком «Юные следопыты», в который входили учащиеся Алексеевской школы, начиная с младших классов. Сергей Иванович отправлял своих юных помощников к конкретным людям, старожилам села, для опросов и сбора сведений, которые затем записывал и хранил.

В конце очерка «Революционные события в нашем районе. Летопись истории» С. И. Малафеев помещает воззвание к юным следопытам:

Хочу обратиться с призывом к юным следопытам. Шире включайтесь в изучение истории своих сел, колхозов. Записывайте воспоминания участников Октябрьской революции, гражданской войны, коллективизации, Отечественной войны 1941–1945 годов. Собирайте документы, письма, фотографии. Сделаете вы великое дело. Всегда помните девиз: «Никто не забыт, ничто не забыто!» [1, с. 11]

Этот кружок существовал в 1950-е — 1970-е гг., и его участниками были несколько поколений алексеевских ребят и девочек. С 1960-х гг. малафеевским кружком руководили другие алексеевцы, принявшие эстафету от его основателя. В очерке «Поиски юных следопытов» Сергей Иванович пишет:

Под руководством учительницы А. А. Масленниковой (алексеевские «следопыты». — А. С.) оформили материалы, хранящиеся в школе, о кулацком восстании в Алексеевке в 1918 году и гибели ивановских продармейцев от рук (алексеевских. — А. С.) кулаков. Сфотографировали обелиск, сооруженный на месте их гибели. Все материалы направлены в Ивановскую школу № 11 [1, с. 148].

Как следует из этой заметки, написанной в 1970 г., алексеевские следопыты имели связи с учениками школы г. Иваново. С. И. Малафеев называет имя еще одного из продолжателей своего историко-краеведческого дела — руководителя кружка П. А. Вехова [1, с. 149].

Очерки по истории села были составлены С. И. Малафеевым на основе материалов, собранных «следопытами». С помощью своих юных помощников он подготовил четыре краеведческих альбома: два из них посвящены истории родного села и два — истории Базарно-Карабулакского района в период Гражданской войны. Мне известно, что один альбом по истории Алексеевки (1957 г.) ныне хранится в музее Алексеевской школы, а второй (1973 г.) — в Алексеевской сельской библиотеке (замечания об этих альбомах и их авторе см. в моих примечаниях к книге И. А. Гусева: [2, с. 88–89, 113, примеч., 115, примеч.]; см. также в предисловии и послесловии к указанной книге: [10, с. 15–16; 12, с. 227, 236, 242, 253]). Подготовленные С. И. Малафеевым альбомы уникальны, они включают разного рода материалы по истории Алексеевки, свидетельства односельчан и собственные комментарии автора-составителя, фотографии и вырезки из газет — районной, областных и региональных, которые Сергей Иванович собирал на протяжении десятилетий.

Активным участником кружка «Юные следопыты» в 1950-е гг. был мой отец Александр Николаевич Сеницын (род. 1942). В разные годы он много рассказывал о своем «следопытстве», о расспросах односельчан-старожилов и увлекательных поисках информации о прошлом родного села. Надо полагать, что в сборнике С. И. Малафеева «Летопись села Алексеевки» есть и доля труда, и частица души моего отца. Краткий рассказ А. Н. Сеницына о своем школьном учителе истории С. И. Малафееве и работе в историко-краеведческом кружке мы помещаем в послесловии к фрагментам «Летописи».

Прошло более 50 лет со времени, когда С. И. Малафеев завершил подготовку своей второй книги по истории села. Этот труд он закончил в конце лета 1973 года и в середине сентября преподнес книгу в дар Алексеевской библиотеке.

Текст набран на печатной машинке, по-видимому, самим автором-составителем. Насколько мне известно, сохранился лишь один машинописный вариант «Летописи». При окончательной вычитке С. И. Малафеев вносил в чистовой текст некоторые мелкие правки шариковой ручкой (на страницах встречаются десятки мелких правок и вставок чернилами синего цвета). Автор-составитель исправил обнаруженные опечатки, сделал некоторые уточнения — замены букв или слов, но многие ошибки остались незамеченными.

Этот том переплетен и имеет твердую обложку бордового цвета. На лицевой стороне обложки С. И. Малафеев поместил название: «Летопись села Алексеевки». На титульном листе в середине страницы прописными буквами дано название (отличающееся от того, которое на обложке) в три строки: «Летопись села. Краткое описание событий: 1698–1973 годы». Ниже указано:

Составлена по материалам из газет
«За победу коммунизма» — районная
«Коммунист» — областная
«Заря молодежи» — областная
За 1957–1973 годы
Составил — С. Малафеев.

Между последней и предпоследней строками от руки сделана вставка шариковой ручкой чернилами синего цвета: «[по] архивным документам и воспоминаниям». Внизу страницы указано: «Саратов 1973 год». Вверху на титульной странице имеется посвящение:

АЛЕКСЕЕВКЕ 275 ЛЕТ
Общественности села Алексеевки
в знак глубокого уважения и в
память о моей 35-летней работе
в школе.

Этот экземпляр малафеевской «Летописи» находится в фондах Алексеевской библиотеки. (Насколько мне известно, он единственный.) На титульном листе имеется штамп Алексеевской сельской библиотеки Б.-Карабулакского района (чернила выцвели и отчасти стерлись, но текст читается) и инвентарный номер книги: № 266163 (см. рис. 2).

На авантитуле — надпись автора синей шариковой ручкой с указанием даты: «В дар Алексеевской сельской библиотеке Б.-Карабулакского р-на. С. Малафеев 14.IX.1973 г.». Над этой дарственной надписью другим почерком синей шариковой ручкой отмечено: «1701 г. основ[ано] с[ело] Алексеевка». Предполагаю, что такую пометку в «Летописи» С. И. Малафеева мог сделать или И. А. Гусев, когда работал с этим томом при подготовке своих материалов по истории села, или кто-то из алексеевцев, считавших, как и Иван Андре-

евич (а возможно, и вслед за ним), что резоннее (?) указать более позднюю дату основания Алексеевки (к сожалению, по формуляру машинописной книги не возможно установить, кем именно и когда могла быть сделана эта дополнительная, «уточняющая», надпись на авантитуле). Несомненно, И. А. Гусев использовал некоторые материалы по истории Алексеевки, собранные ранее Сергеем Ивановичем, это заметно при сравнении с машинописными текстами С. И. Малафеева разделов книги Гусева «Из истории Алексеевки» [2, с. 66–76] и очерк о «кулацком мятеже» [2, с. 109–115], впервые опубликованный в районной газете в начале 2002 г. [4] В этом заимствовании я не вижу ничего предосудительного. С. И. Малафеев и И. А. Гусев пишут об одних и тех же событиях, происходивших в одном селе, их Алексеевке, но пишут они не просто из разных десятилетий, но из разных эпох (!): Сергей Иванович — из третьей четверти XX века, времени «развивающегося социализма», а Иван Андреевич — на рубеже XX–XXI вв., из так называемых «постперестроечных» времен. При этом их оценки расходятся, младший из краеведов местами спорит со своим предшественником (не ссылаясь на его рукописи и не называя его по имени). Это видно при описании алексеевскими историками событий первых лет советской власти: от Гражданской войны и продразвестки до коллективизации (см. в книге Гусева: [2, с. 70 сл., 73 сл., 109–115] и там же мое примечание [с. 115, примеч.*]). Интересно сравнить разновременные и (от того) разнооценочные тексты Малафеева и Гусева, конечно, если кто-то заинтересуется их историко-краеведческими описаниями. Но это уже дело будущего.

Альбом «Летопись села Алексеевки» составляет 277 страниц машинописного текста формата А4 с приложением вырезок из районной и областных газет, имеющих отношение к истории и будням села Алексеевки, а отчасти и Базарно-Карабулакского района в целом. Вырезки из газет и справка не включены в переплет, а вложены в том. В книге имеются несколько фотографий, которые наклеены на страницы (две из них мы публикуем в нашем журнале).

Альбом состоит из двух частей. Первой части предпослан эпиграф: «Без прошлого, без истории, — что есть каждый из нас». Автор-составитель указал, что эти слова взяты им из газеты «Известия», но нет точной ссылки с указанием года, номера и статьи. На этой же странице, после надписи «I ЧАСТЬ» следуют пояснения:

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ,
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ.
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ,
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА,
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–45 ГГ.
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.
Статьи С. И. Малафеева

Первую часть [1, с. 1–150] составляют авторские очерки, написанные самим С. И. Малафеевым. Это статьи или, скорее, заметки — небольшие «главки» от двух до четырех страниц машинописного текста. Каждая «глава» датирована, и можно установить, что автор писал эти материалы на протяжении 15 лет:

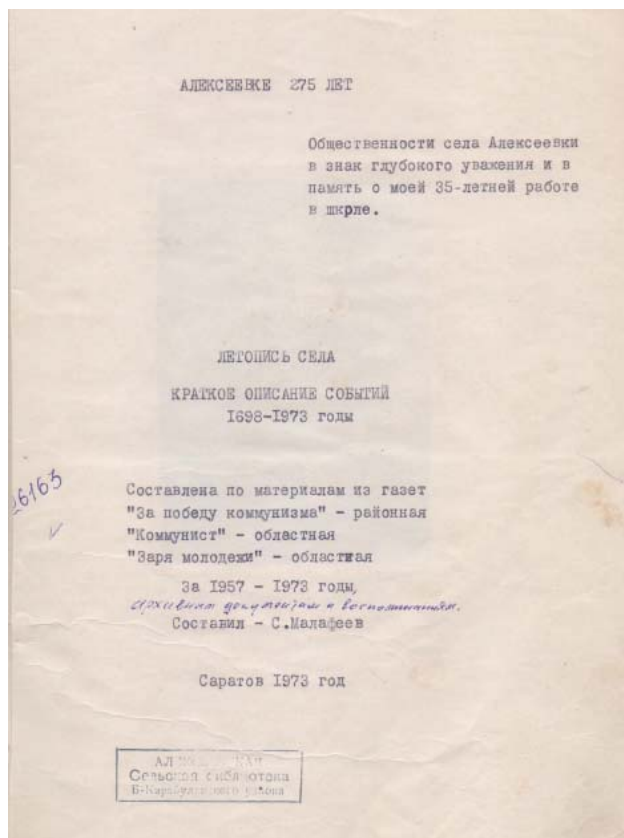

Рис. 2. Титульный лист машинописной книги С. И. Малафеева «Летопись села Алексеевки»

с 1957 по 1972 г. Основная часть очерков написана в 1960-е и начале 1970-х гг. Некоторые из них были опубликованы в газетах.

Историк С. И. Малафеев считал, что Алексеевка была «основана» в 1698 году. Эта дата указана в заглавии его книги на титульном листе, и именно от этой даты автор отсчитывал «возраст» села — 275 лет — юбилейная дата, которой он посвятил свой труд. Но И. А. Гусев появление села сдвигает на чуть более позднее время и относит возникновение к самому началу XVIII в.:

В 1701 г. на территории будущей Саратовской губернии были основаны по соседству два поселения — Дорофеевка и Алексеевка. Поскольку жители этих поселений одновременно сторожили землю и занимались хлебопашеством, их называли «пахотными солдатами» [2, с. 66–67, см. также мои комментарии к этому месту в «Эхе души». — А. С.].

Спорить о разности датировок двух историков-краеведов я здесь не берусь, поскольку и вопрос о начальной истории Алексеевки очень темен, да и разница в датировках, указанных моими старшими коллегами, не столь уж и велика.

Скажу только, что давнее местное предание связывает возникновение Алексеевки и соседнего с ней села Дорофеевки с эпохой Петра Великого, так что наиболее оптимальный вариант — указать (приблизительно) на петровское время. Удивляет другое: намерение того и другого историков указать «точную» дату, не округлить, например, до десятилетия (\approx 1700 г.), а назвать какой-то конкретный год: 1698? или 1701? Вряд ли тут вообще возможны точные данные, поскольку нет ни письменных свидетельств, ни каких-либо археологических источников.

Вторая часть «Летописи» [1, с. 151–277] названа «Расцвет советской демократии и колхозного строя». На странице с указанием второй части (в рукописи этот лист без пагинации, он находится между с. 150 и с. 151) дано пояснение: «Статьи руководителей села, корреспондентов районных, областных газет, активистов Алексеевки». В этом разделе составитель собрал публикации и отчетные доклады председателя колхоза «Россия» А. Афросина, председателя исполкома Алексеевского сельского Совета депутатов трудящихся И. Малахаева, секретаря парткома колхоза «Россия» А. Силаева, комбайнера А. Жесткова, статьи С. Кирсанова, Ю. Хардикова, П. Храмова, Н. Васильева, А. Некрасова, В. Панова, А. Панжукова и других. Здесь С. И. Малафеев поместил два очерка директора Алексеевской средней школы И. Гусева, который в те годы был заведующим кабинетом политического просвещения на общественных началах: с заметки И. А. Гусева «Встречи с прошлым» начинается вторая часть альбома [1, с. 151–152] и здесь же его статья 1971 года «Сельский партийный билет» [1, с. 211–214]; см. републикацию этой статьи в книге «Эхо души»: [2, с. 89–93]). В раздел включены стихи песни «Хлеборобная», написанные Алексеевцем П. Малахаевым [1, с. 177–178], с предисловием С. Малафеева «Об авторе песни “Хлеборобная”» [1, с. 176].

В целом материал «Летописи» разнообразен, причем, специалистам — историкам и краеведам — он может быть интересен не только по истории села Алексеевки. Когда С. И. Малафеев, как очевидец и участник, рассказывает о событиях 1930-х годов, о «трудностях временных, трудностях роста» в колхозе, то его воспоминания представляют важный исторический источник по советской истории. 90 лет назад в СССР тысячи сел, деревень, молодых совхозов и нарождающихся колхозов схожим образом переживали сложный исторический период. Но интересны и его живые рассказы о сельской жизни 1960–1970 гг., когда автор работал над своей «Летописью».

Собиратель и хранитель истории села, С. И. Малафеев, создав свою «Летопись», сам стал частью истории Алексеевки.

* * *

Конечно же, это не *летопись* в прямом смысле слова, поскольку в книге С. И. Малафеева нет описания событий истории села по годам («летам»). Это сборник кратких очерков, освещающих события, имеющие отношение к истории села и района (волости), иногда эпизоды локальной истории сопряжены с историческими событиями области (губернии) и страны в целом. С. И. Малафеева интересуют не только героические события прошлого, но нынешние

будни односельчан, живущих, как показывает наш «летописец», в едином ритме со своей страной.

Некоторая хронологическая последовательность соблюдена в первой части «Летописи», но во второй ее части хронологическая система отсутствует: здесь датировка очерков, собранных С. И. Малафеевым, дана вразнобой. Впрочем, это и не важно. Видно, что Сергей Иванович скрупулезно собирал «в копилочку» все то, что ему удалось отыскать об Алексеевке и алексеевцах. Свой альбом составитель оформил с любовью.

В числе своих источников С. И. Малафеев указывает архивные материалы: школьного и сельского (Алексеевских) архивов, районных (Базарно-Карабулакского, Вольского), областного (Саратовского), федеральные и союзные архивы. В машинопись «Летописи» вложена справка, составленная С. И. Малафеевым и написанная от руки (с личной подписью автора) на отдельном листе форматом А4, где указаны материалы, которые он использовал при подготовке своей книги (рис. 3):

Справка

При составлении истории села Алексеевки использованы следующие материалы:

1. Архивные документы Центрального Государственного Архива Октябрьской революции:

- а) «Кулацкий бунт» — ст[атья] из [газеты] «Правда» (18.XI.1918 г.)
- б) Докладная начальника продотряда Наркомпроду.

2. Документы Облархива:

- а) Справка о кулацком восстании 12.XI.1918 г.
- б) «Ячейка коммунистов» — ст[атья] т[оварища] Бутина.

3. Документы Б.-Карабулакского Райархива:

- 1) Список продармейцев и красногвардейцев.
- 2) Протоколы ревкома.
- 3) Протокол собрания гр[аждан] с[ела] Адоевщины, II.1918 г.
4. Воспоминания участников гражданской и Отечественной войн:

- 1) Русакова И. Ф. — чл[ен] КПСС с 1918 г.
- 2) Пономарёва А. В. — // — с 1917 г.
- 3) Комарова В. И. б/п (беспартийный. — А. С.)
- 4) Щербакова П. К. чл[ен] КПСС с 1918 г.
- 5) Анастасьева М. Н. — // — с 1918 г.
- 6) Балаева А. И. — // — с 1918 г.
- 7) Каспарова И. В. — // — с 1929 г.

5. Письма и рассказы чл[енов] В[Л]КСМ и др[угие] материалы.

Упомянутые документы, воспоминания хранятся в алексеевской средней школе.

6. Статьи из газет «Коммунист», «Заря молодежи», «За ком[мунистический] труд», «За победу коммунизма» хранятся у составителя.

С. Малафеев [подпись составителя]

В очерках, где речь идет о далеком прошлом села, автор использует формулировки «исторические документы свидетельствуют...», «очень ценные документы хранятся в районном архиве», «уместно указать на нумизматические данные и старинные медали», ссылается на протоколы заседаний волостного

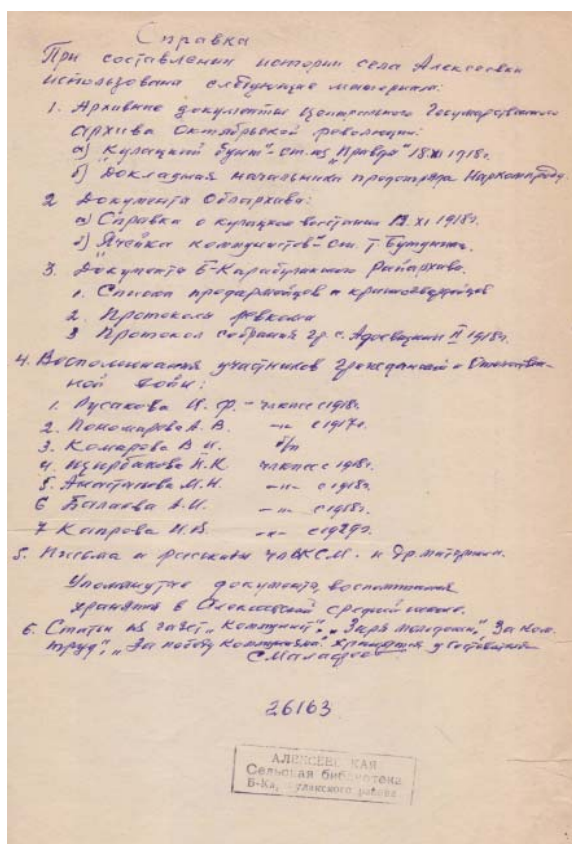

Рис. 3. Справка, составленная С. И. Малафеевым, где указаны материалы, которые он использовал при подготовке «Летописи села Алексеевки»

исполнительного комитета, с которыми работал, приводит справки из архивов и прочие документы. Иногда он говорит, что сам лично знакомился с источниками, например: «Я обнаружил метрические записи времен крепостного права. Там я прочел примерно такие записи...»; или «В церкви Сергия обнаружена летопись села и церкви. Тоже интересный документ» [1, с. 7]. С. И. Малафеев указывает инициалы и/или фамилию свидетеля событий, а иногда ссылается на анонимные источники: «рассказывают», «говорят», «некоторые говорят» или «говорят/рассказывают старожилы [села]», «существует предание», «есть и такое предание...», «сохранились достоверные предания», «краеведы хранят воспоминания» и. т. п. В своей «Летописи» историк Алексеевки часто обращается к односельчанам — своим потенциальным читателям, например: «Так вот, дорогие земляки, предки наши были собственностью, вещью помещика!»

Альбом С. И. Малафеева является замечательным документом советского времени, где даже в наименованиях, названиях, оборотах речи, применяемых самим автором-составителем и авторами собранных им текстов (во второй

части), чувствуется дух эпохи. В первой части С. И. Малафеев часто употребляет слова-конструкты советского времени: «промартель», «ревком», «волисполком», «селькор райгазеты», «наркомзем», «наркопрод», «продармейцы», «продотряд», «губпродкомиссар» и т. п. С самого начала автор акцентирует внимание на классовой борьбе: «Беднота терпела ужасающий гнет, жизнь рабочих и крестьян представляется «в многовековой борьбе с царизмом, помещиками и капиталистами», «Исторические документы свидетельствуют о непрекращающейся борьбе тружеников села с угнетателями» [1, с. 1], «в годы НЭПа шла ожесточенная борьбы с кулаками, владельцами сапожных мастерских, торговцами» [1, с. 3], комсомольцы — «в ожесточенной классовой борьбе с кулачеством» [1, с. 146] и проч., и проч. Прошлое в «Летописи» изображается через призму марксистско-ленинской исторической диалектики, где классовая борьба — это локомотив истории.

В каком-то смысле перед нами образец нарратива сложившейся во второй половине XX столетия советской мифологии. Какие поэтические образы подбирает автор для того, чтобы изобразить обновленческий характер социалистической революции 1917 года: «Очистительные грозы Октября 1917 года докатились и до Алексеевки» [1, с. 2]; «Но пришел Октябрь 1917 года, который установил власть Советов, власть рабочих и крестьян. Осуществилась их заветная мечта: они получили землю, которую им дала Советская власть. А колхозный строй, утвердившийся у нас в стране под руководством Коммунистической партии, как нам завещал Великий Ленин, привел к зажиточной и культурной жизни» [1, с. 8]. Или, например, в очерке 1970 года (год столетия В. И. Ульянова-Ленина) С. И. Малафеев рассказывает о вожде мирового пролетариата, радетеле всего прогрессивного человечества, где автор использует не только устойчивые сюжеты и характеристики, но и выражения, ставшие (почти) формульными, своеобразным каноном советской мифопоэтической традиции в нарративе о Ленине. Приведу начальные строки очерка С. И. Малафеева «Человеку, другу, вождю» (что-то вроде «зачина» к истории):

Велика и безгранична была и есть любовь к вождю и учителю трудящихся нашей страны и прогрессивного человечества всего мира. Бесперывным потоком шли письма и телеграммы к В. И. Ленину. В них рабочие, крестьяне как самому близкому человеку и своему другу, как вождю и руководителю Советского государства рассказывали об успехах в строительстве новой жизни, просили у Владимира Ильича совета по многим вопросам [1, с. 19].

И далее следует рассказ о том, как в 1918 году собрание коммунистов Алексеевки (по-видимому, из самых сознательных и грамотных крестьян?) написало письмо Ильичу, и в этом послании они благодарят своего вождя «за свершение того великого дела, которое требуется для пролетариата». Это из разряда историй о дедушке Ленине — эдаком справедливом и всепонимающем старце, творце новой жизни, нашем праведнике.

Многие тексты написаны С. И. Малафеевым в духе передовиц советских газет. Говорю об этом с некоторой иронией (с высоты сегодняшнего, постсоветского времени), но с пониманием и искренним уважением к труду сельского историка, к его глубокой убежденности в идеологической правоте социалисти-

ческого строительства и дела, которому он, советский гражданин, преданно служит — воспитанию человека будущего. Некоторые главы «Летописи» пронизаны «неугасаемой энергией», «пролетарским задором», тексты звучат как лозунги агитационных плакатов советской эпохи. Вот, например, как заканчивает С. И. Малафеев первый (вводный) очерк, посвященный юбилею Алексеевки:

Цементирующей и организующей силой в селе выступают коммунисты во главе со своим вожаком А. П. Силаевым.

Большую помощь колхозу оказывает сельский Совет и его председатель И. В. Малахаев. На всех участках сельскохозяйственного производства работают депутаты. Созданы и действуют четыре депутатских поста. <...>

Село Алексеевка хорошеет с каждым годом. Здесь есть средняя школа, Дом культуры, магазины, столовая. Шумит листвою молодой парк. Идет подготовка к асфальтированию улиц. Радио, телевидение, газ прочно вошли в быт алексеевцев, *жизнь которых становится все более зажиточной и культурной* (курсив в цитате мой. — А. С.).

Отмечая знаменательную дату — 275 лет со дня возникновения села — жители Алексеевки уверенно смотрят в будущее, твердой поступью идут к великому идеалу — построению коммунистического общества [1, с. 4].

Хочу обратить внимание на то, что, постоянно указывая на достижения социалистического строительства, С. И. Малафеев отмечает конкретные, бытовые изменения, которые получили жители Алексеевки и неоднократно использует устойчивое выражение о счастливом пути к «зажиточной» или «зажиточной и культурной жизни». Тем самым советский «летописец» как бы всякий раз указывает: идеология не должна расходиться с повседневностью; если использовать лексику истмата (исторического материализма), «базис» и «надстройка» — ключевые элементы марксистской теории общественного развития — здесь находятся в сопряжении: верность Ленинского курса должна подкрепляться повседневным состоянием каждого отдельного советского гражданина. Поэтому-то С. И. Малафеев снова и снова акцентирует внимание своих читателей на возрастающем уровне «зажиточной жизни» колхозника в начале 1970-х гг. Иными словами: всё то, за что прогрессивное человечество боролось веками, ныне реализуется в СССР (на примере села Алексеевка). Приведу еще один фрагмент из очерка с говорящим названием «Дело Ленина живет и побеждает. Воспоминания старого коммуниста» (который мы здесь тоже публикуем):

Словом, личным примером коммунисты добивались устранения трудностей, а их пережили много: отсутствовала техника, недоставало продовольствия, фуража, навыков руководить коллективом, хозяйством. Но убежденность колхозников в правоте идей Ленина и вера, что только колхозная жизнь выведет их *на счастливый путь зажиточной жизни* (курсив мой. — А. С.), помогли преодолеть все невзгоды. <...> Они («ядро преданных колхозников», не испугавшихся никаких трудностей. — А. С.) вынесли на своих плечах все трудности и вывели артель на *широкую дорогу культурной и зажиточной жизни* (курсив мой. — А. С.). Их имена следует занести золотыми буквами в книгу почета [1, с. 45].

Труд С. И. Малафеева является важным памятником времени его создания: вместе со всем советским народом автор празднует в 1967 г. полувековой

юбилей Великой Октябрьской Социалистической революции, в 1968 г. — полувековой юбилей Комсомола, а в 1970 году — 100-летие Владимира Ильича Ленина. Видно, что алексеевский «летописец» искренне радуется достижениям своего колхоза и успехам отдельных колхозников.

Показательно, что сборник завершается вклейкой (на с. 277): здесь помещена вырезка из районной газеты — органа Базарно-Карабулакского райкома КПСС и районного совета депутатов трудящихся Саратовской области «За победу коммунизма» (вторник, 21 августа 1973 г., № 101), где на первой странице говорится о том, что колхоз «Россия» первым в районе выполнил план трех лет пятилетки по сбору зерна (см. рис. 4). Действительно, ощущается гордость автора, поместившего в конце своей «Летописи» печатное — публичное, документальное! — подтверждение тех успехов и достижений колхоза, о чем он говорит во второй части книги словами многих своих односельчан.

* * *

Два года назад в нашем журнале в разделе «Мемуаристика» были опубликованы две статьи об алексеевском баянисте, одном из организаторов оркестра и хора села Алексеевка, талантливом музыканте Владимире Семеновиче Сироткине [11; 13]. В этом выпуске мы печатаем фрагменты «Летописи села Алексеевки» С. И. Малафеева. Это серия глав-очерков, написанных алексеевским историком и краеведом в начале 1970-х гг.: предисловие, названное «Алексеевке 275 лет» (с. 1–4), главы «Возникновение села Алексеевки и его до-революционное прошлое» (с. 5–8), «Революционные события в нашем районе. Летопись истории» (с. 9–11), «Человеку, другу, вождю» (с. 19–21), «Дело Ленина живет и побеждает. Воспоминания старого коммуниста» (с. 44–46), «Алексеевские комсомольцы» (с. 146–147), «Поиски юных следопытов» (с. 148–149), «Ценное начинание» (с. 149–150) и очерк-рецензия на книгу Г. А. Малинина «Памятники и памятные места Саратовской области» (с. 144–145).

Все избранные главы-очерки публикуются полностью, без каких-либо извлечений из авторского текста. К сожалению, многие имена жителей села Алексеевки и Базарно-Карабулакского района Саратовской области, названные в «Летописи», не удалось уточнить и дать к ним комментарии. Еще предстоит большая работа с установлением имен, по возможности всех, кого упоминает автор в своем сочинении.

В ряде случаев были внесены исправления в орфографию, местами исправлены опечатки и грамматические ошибки. Пояснения к некоторым именам и реалиям даны издателем в примечаниях, но некоторые уточнения указаны в основном тексте в квадратных скобках: []. В ряде случаев написания названий встречаются в разных вариантах, например: Базарный-Карабулак или Карабулак, Базарно-Карабулакский, Базарнокарабулакский или Карабулакский и проч.

* * *

В конце августа 2024 г. мы с отцом, А. Н. Сеницыным, взяли в Алексеевской библиотеке альбом «Летопись села Алексеевки» С. И. Малафеева и подготовили

Рис. 4. Последняя страница книги С. И. Малафеева «Летопись села Алексеевки» (с. 277). Машинопись последнего очерка и наклеенная вырезка из районной газеты «За победу коммунизма» (вторник, 21 августа 1973 г., № 101) с сообщением о том, что колхоз «Россия» первым в районе выполнил план трех лет пятилетки по зерну.

электронную версию этого капитального тома. За помощь в оформлении электронного варианта книги С. И. Малафеева я признателен своему коллеге и другу, саратовскому историку Игорю Николаевичу Авраменко, который по моей просьбе полностью отсканировал машинописный текст «Летописи села Алексеевки», включая все имеющиеся приложения и вложенные в этот том материалы (вырезки из газет, фотографии, справку). В августе 2025 г. мы возвратили библиотеке родного села альбом С. И. Малафеева и передали его электронную версию. (См. об этом в заметке, подготовленной заведующей Алексеевской библиотеки О. П. Тепляковой, которую мы публикуем в этом выпуске журнала.) Ныне электронные варианты «Летописи села Алексеевки» имеются в моем домашнем архиве и в Алексеевской библиотеке, где они доступны для каждого читателя, кто имеет интерес к истории родного села. А мы благодарны хозяйке сельской библиотеки Оксане Петровне Тепляковой за возможность воспользоваться этим памятником для его публикации (пусть пока частичной).

Свое предисловие к публикации архивного материала я закончу посвящением. Согласно «четко обозначенной датировке» С. И. Малафеева, в 2028 году исполнится 330 лет с момента «основания» Алексеевки. Как я уже говорил, о датах мы спорить не станем, допустим, что указанный С. И. Малафеевым год основания села верен. Тогда эту публикацию фрагментов «Летописи» С. И. Малафеева мы вместе с моим отцом посвящаем грядущему юбилею Алексеевки,

землякам-алексеевцам и, прежде всего, нашим старшим коллегам, наставникам Сергею Ивановичу Малафееву и Ивану Андреевичу Гусеву — алексеевским краоведам, которые несли в своей груди «любовь к родному пепелищу» и старались передать его своим наследникам.

Рис. 5. Автор «Летописи села Алексеевка» Сергей Иванович Малафеев, 1970 г.³

С. И. Малафеев

ЛЕТОПИСЬ СЕЛА АЛЕКСЕЕВКИ <ФРАГМЕНТЫ>^{*}

Алексеевке 275 лет

«Без показа прошлого нельзя понять настоящее», — писал Демьян Бедный⁴. Эти слова глубоко правдивы. Они побуждают окинуть взглядом прошлое, понять, как рабочие и крестьяне в многовековой борьбе с царизмом, помещиками и капиталистами в октябре 1917 года установили Советскую власть, как отстаивали завоевания Октября в годы гражданской и Отечественной войн от белогвардейцев, внутренней контрреволюции и фашизма: понять, что борьба за народную власть проходила под водительством КПСС⁵, во главе с ее вождем В. И. Лениным⁶.

Как шла борьба за счастье народа, можно проследить на примере Алексеевки, крупнейшего села нашего района, со дня основания которого исполняется 275 лет⁷.

Село возникло как поселение пахотных солдат по указу Петра Первого. Это были небольшие поселки, состоящие из маленьких домишек. Позднее здесь поселились монастырские крестьяне⁸.

К началу XX века Алексеевка была крупным селом с многотысячным населением⁹. Жили здесь крестьяне, ремесленники. Значительную часть составляли кулаки, торговцы. Беднота терпела ужасающий гнет.

Исторические документы свидетельствуют о непрекращающейся борьбе тружеников села с угнетателями. Крестьяне участвовали в восстании бедняков села Адоевщины¹⁰ в 1765 году, помогая восставшим оружием и продовольствием.

В канун так называемой реформы¹¹, особенно после нее, крестьяне выступили против помещиков Хоприной, Неелова, Грачевых, князя Львова, кулаков Кузнецова и других. Было восстание в селе и в 1905 году. Но карательный отряд казаков жестоко расправился с крестьянами, учинив публичную порку.

^{*} Подготовка текста к публикации и комментарии А. А. Синицына.

"Без познания прошлого нельзя понять настоящего", писал Ленин Бедным. Эти слова глубоко правдивы. Они побуждают окинуть взглядом прошлое, понять, как рабочие и крестьяне в многовековой борьбе с царизмом, помещиками и капиталистами в октябре 1917 года установили Советскую власть, как [↑]остолби завоевания Октября в годы гражданской и Отечественной войн от белогвардейцев, внутренней контрреволюции и фашизма: понять, что эта борьба за народную власть проходила под руководством КПСС, во главе с ее вождем В.И. Лениным.

Как шла борьба за счастье народа, можно проследить на примере Алексеевки, крупнейшего села низнего района, со дня основания которого исполняется 275 лет.

Село возникло как поселение пехотных солдат по указу Петра Первого. Это были небольшие посёлки, состоящие из маленьких домишек. Позднее здесь поселились монастырские крестьяне.

К началу XIX века Алексеевка была крупным селом с многоотрасльным населением. Здесь здесь крестьяне, ремесленники. Значительную часть составляли кулаки, торговцы. Белогла герцога ужасный гнет.

Исторические документы свидетельствуют о перекраивавшейся борьбе трудящихся села с угнетателями. Крестьяне участвовали в восстаниях бедняков села Адовщины в 1785 году, помогая восставшим оружием и продовольствием.

В качун так называемой реформы, особенно после нее, крестьяне выступали против помещиков Хопринной, Леслова, Грачевых, князя Дьякова, кулаков Кузнецова и других. Было восстание в селе и в 1805 году. Но карательный отряд князьков жестоко расправился с

Рис. 6. Первая страница книги С. И. Малафеева «Летопись села Алексеевки»

Мрачными были годы реакции. Черносотенцы, духовенство, жандармы, старосты душили всякую живую мысль, привлекали к суду за малейшую провинность. Невыносимо было положение крестьян и ремесленников в годы Первой мировой войны.

Очистительные грозы Октября 1917 года докатились и до Алексеевки. В ожесточенной классовой борьбе здесь создаются волостной и сельский Советы. Организаторами бедноты выступали активисты села: Амбарнов, Чеблуков, Чистилин, Чернов, Анастасьев, Игнатов и другие.

Весной 1918 года в село прибыл П. К. Щербаков. Он организовал ячейку РКП(б), был ее председателем. Комитет бедноты возглавил Н. И. Зелёнкин, земельный отдел — Т. П. Никифоров.

Осенью 1918 года классовая борьба в селе обострилась. В Алексеевке действовал продотряд. Кулаки яростно сопротивлялись распоряжениям Советской власти, а 12 ноября подняли мятеж против Советов, тайно его подготовив. Созданная около месяца назад партийная организация не могла дать кулакам должного отпора. Восстание было одним из крупных в губернии¹². В его

Рис. 7. С. А. Синицын с дочерью Полиной у памятника алексеевцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Август 2025 г. Фото А. А. Синицына

подавлении участвовали Карабулакский, Вольский, Петровский, Аткарский, Саратовский отряды¹³. Очевидец событий М. Пошвенчук из Петровского отряда вспоминает: «Особенно запомнилось подавление кулацкого мятежа в селе Алексеевке ныне Базарнокарабулакского района. Контрреволюционеры отчаянно сопротивлялись. Но решительные действия красногвардейцев заставили их сложить оружие».

Военный трибунал во главе с уездным военкомом Фортученко судил главарей мятежа¹⁴.

В годы НЭПа¹⁵ шла ожесточенная борьба с кулаками, владельцами сапожных мастерских, торговцами, деятельность которых оживилась в те годы. Большой победой трудящихся явилось создание в 1924 году промартели, одной из крупных в [Саратовской] области.

1929–30 годы. Началась сплошная коллективизация. Крестьяне сел Алексеевки, Ивановки, Новиковки, Нечаевки, Ольгино, Аютино объединились в колхоз гигант. Но на практике убедились, что такой большой колхоз не может существовать. Тогда создаются колхозы в каждом селе, а в Алексеевке их было два, которые впоследствии объединились.

Путь создания и развития коллективного хозяйства был трудным. Не хватало техники, в одно время наблюдался отлив из колхоза. Хозяйство пошло в гору в 1937–40 годах. Но начавшаяся война заставила перестроиться на военный лад. Более трехсот человек не вернулось в село с полей сражений, в их честь на площади воздвигнут памятник¹⁶.

Окончилась война. Начались годы мирного строительства. В итоге многолетнего труда алексеевский колхоз «Россия» стал передовым в районе.

Возглавляемое дважды орденоносцем А. Н. Афросиным¹⁷ хозяйство успешно справляется с государственными заданиями.

Цементирующей и организующей силой в селе выступают коммунисты во главе со своим вожаком А. П. Силаевым.

Большую помощь колхозу оказывает сельский Совет и его председатель И. В. Малахаев. На всех участках сельскохозяйственного производства работают депутаты. Созданы и действуют четыре депутатских поста. Их члены следят за расходом кормов, качеством животноводческой продукции, технологией возделывания зерновых и кормовых культур.

На сессиях Совета регулярно рассматриваются вопросы «Об экономической работе в колхозе», «О рациональном использовании земель», «О выполнении планов продажи государству продукции полеводства и животноводства», «О подготовке к важным сельскохозяйственным кампаниям» и другие. Активно действует в Совете постоянная сельскохозяйственная комиссия.

Село Алексеевка хорошеет с каждым годом. Здесь есть средняя школа, Дом культуры, магазины, столовая. Шумит листвою молодой парк. Идет подготовка к асфальтированию улиц. Радио, телевидение, газ прочно вошли в быт алексеевцев, жизнь которых становится все более зажиточной и культурной.

Отмечая знаменательную дату — 275 лет со дня возникновения села — жители Алексеевки уверенно смотрят в будущее, твердой поступью идут к великому идеалу — построению коммунистического общества.

1973 г.

Возникновение села Алексеевки и его дореволюционное прошлое

Возникновение села Алексеевки относится к XVIII веку¹⁸, времени правления Петра I¹⁹. На месте нынешнего огромного села существовало несколько разрозненных поселений. Только в более позднее время образовалось одно село — волость с несколькими обществами.

По положению от 19 февраля 1861 года волости считались низшими самоуправляющимися единицами крестьян. С 1880-х гг. они были подчинены земскому начальнику. Существует предание, что первоначальные поселения здесь, на окраине страны, образовали солдаты во главе с Алексеем и Дорофеем²⁰. Землю Петр I давал за службу, и поселенцы несли охрану российских рубежей. Их называли «пахотные солдаты»²¹. Новые поселения стали именовать Алексеевка (или Солдатчина) и Дорофеевка. И поныне в селе сохранились названия улиц Алексеевка и Дорофеевка²². Есть еще предание, что на месте улиц в районе Комаровки образовалось поселение крепостных крестьян, бежавших от монастыря-крепостника. Называют и монастырь — Чудов. Старожилы Алексеевки и поныне называют этот район Монастырщиной²³. Первоначально беглые крестьяне поселились в районе Галанино²⁴, но потом спустились к воде (здесь были озера).

Предания эти находят и документальное подтверждение. В статье А. Сергеева, сотрудника Саратовского государственного университета, «200 лет восстания крестьян Адоевщины»²⁵ автор на основе архивных документов о вос-

Рис. 8. Вид на село Алексеевка с Паханой горы.
Август 2025 г. Фото А. А. Сеницына

стании крепостных против помещика в 1765 г. указывает: «Зимой 1765 года крестьяне села Адоевщины²⁶ подняли восстание против произвола и крепостных порядков помещика Шевырева. ... Восставшие приобрели ружья и порох у монастырских крестьян и пахотных солдат Алексеевки»²⁷.

Автор отмечает два важных обстоятельства: восстание в Адоевщине — это крупное антифеодальное восстание накануне крестьянской войны 1773–1775 гг.²⁸ Это восстание не было изолированным, его поддерживали крестьяне окрестных сел, в том числе и Алексеевки. Таким образом, предания о возникновении поселений в Алексеевке подтверждают имеющиеся документы.

Говоря об истории развития Алексеевки, уместно указать на нумизматические данные и старинные медали. Они говорят о развитии хозяйства и участии алексеевцев в защите Родины.

В краеведческом уголке²⁹ хранятся медные знаки, принесенные учениками школы. Монета достоинством в 5 копеек выпущена в 1727 году (принес С. Малкин). Три монеты с надписью «Деньга» — 1731 г. (принес Т. Федосеев). Несколько медалей, которыми награждались воины, отличившиеся в Крымской войне. На медалях указаны даты: 1853, 1854, 1855 и 1856 годы. Одна из них найдена В. Морковкиным при копке огорода, вторая — И. М. Подгорновым при разборе соломенной крыши. П. Г. Индерякин хранит медаль, которой был награжден участник Отечественной войны 1812 года.

Места, где возникли первые поселения, были глухими, богатые лесами, мелкими реками, озерами, птицей, дикими зверями, плодородной землей,

лугами. Предполагается, что заселение этих мест шло так: приходили беглые крестьяне и селились. Захватывали земли и помещики. Были переселенцы в поисках лучших мест и заработков. Полями и лесами владели помещики Хоприна, Неелов, Грачев, князь Львов. В более позднее время появились крупные кулаки Гаглов, Кузнецов и другие. Барыня Хоприна владела землей по Тугану и Мазе³⁰. А поместье было в Хоприщине, где ныне колхозные фермы³¹.

Сохранились достоверные предания о жестокости барыни по отношению к крестьянам. В 1937–1938 гг. автор статьи участвовал при изъятии церковных книг и документов в Казанской церкви. Я обнаружил метрические записи времен крепостного права. Там я прочел примерно такие записи: крестьянин (такой-то) и крестьянка (такая-то), принадлежащие барыне Хоприной, вступают в брак.

Так вот, дорогие земляки, предки наши были собственностью, вещь помещика! Рассказывают, что барин обменивал нееловских крестьян на собак, проигрывал своих крестьян в карты.

В церкви Сергия обнаружена летопись села и церкви³². Тоже интересный документ³³.

Почетный колхозник И. В. Игнатов рассказывает: «Прадед и дед мои были крепостными барина Неелова. Отец мой работал батраком у кулаков Галанина и Гаглова. Семья наша, состоявшая из десяти человек, имела 3,5 десятины земли. Отец меня еще подростком отдал в батраки к кулаку Люлякину, у которого я батрачил семь лет».

Огромными массивами земли и леса владел князь Львов. От Мазы на запад леса его тянулись на несколько километров. Крестьяне не имели права ходить в лес даже за грибами, на них спускали свору собак. Для собак была специальная кухня, для них готовили лучше, чем для работавших у князя батраков. Евдокия Гавриловна Потапова ряд лет работала поварихой на собачьей кухне. Дед Евдокии Гавриловны, Сергей Федорович Потапов, был у князя егерем. Сын князя (некоторые говорят — племянник) на охоте ради забавы, изобразив из егеря живую мишень, застрелил его наповал. Княжеский отпрыск остался безнаказанным.

Поместье Грачева располагалось в районе «Песчанки». Говорят, что там был дом и сад в 30 гектаров.

Росло село, неудержимо росла захваченная богачами земля. Росло мало-земелье крестьян. В селе усиливались гнет и эксплуатация. Было два выхода: батрачить или идти в отход. Развиваются ремесла: сапожное, валяльное, деревообработка, кузнечное, портняжное, кожевенное. И те, кто не³⁴ уходили в отход, батрачили на кулаков и купцов — Кузнецова, Гаглова, Коновалова, Галанина, Понявина, Коробова, на владельцев сапожных и валяльных мастерских.

Недовольство угнетенных крестьян и ремесленников росло. В селе создавались тайные организации, расклеивались листовки, призывающие к свержению самодержавия. В революцию 1905 года восставшие крестьяне захватили земли, рубили лес. Богатеи запросили помощи. Прибыла сотня казаков. Они остановились во дворе мельника-богача Кузнецова³⁵. Бесперывно казаки патрулировали в селе, нагоняли страх. Притихло село. «Стало жутко», — говорят старожилы. Крестьянина-бедняка Степана Кирилловича Бочкарёва за участие в восстании публично пороли плетью.

В годы реакции политический и экономический гнет еще больше душил бедноту. Но одновременно усиливалось и недовольство угнетенных. Взрыв новой революционной волны задержала Первая мировая война.

Но пришел Октябрь 1917 года, который установил власть Советов, власть рабочих и крестьян. Осуществилась их заветная мечта: они получили землю, которую им дала Советская власть. А колхозный строй, утвердившийся у нас в стране под руководством Коммунистической партии, как нам завещал Великий Ленин, привел к зажиточной и культурной жизни³⁶.

1970 г.

Революционные события в нашем районе. Летопись истории

Исполнилось 54 года существования Советского государства³⁷. Непосредственных участников борьбы за Советскую власть в живых в районе почти нет. Немногие из них проживают и за пределами района.

Многие краеведы школ района хранят воспоминания борцов за народное счастье. Только в Алексеевской школе хранятся воспоминания П. К. Щербакова — первого председателя ячейки РКП(б)³⁸ в Алексеевке и секретаря ячейки М. Н. Анастасьева. Ценны воспоминания по Вязовской волости И. В. Карпова и А. И. Балаева, по Карабулаку — А. В. Пономарева и И. Ф. Русакова и других. Это золотой фонд, и документы эти следует беречь. Ряд лет, имея связь с районным, областным и центральными архивами, я позволю остановиться на некоторых документах, дающих яркую характеристику революционных событий в районе.

Очень ценные документы хранятся в районном архиве. Сохранился ряд протоколов заседаний волисполкома и ревкома³⁹. Из них можно узнать о тех, кто стоял во главе борьбы за Советы: И. Д. Гасилине — председателе ревкома, членах [ревкома] Ключеве, Немове, Калинкине, Понкраторе, Куликове. В ревком входили и представители уездной ЧК⁴⁰ Скоров и Калиновский. Есть протокол о создании продотряда и посылке его в Максимовку. Интересны документы о посылке П. Н. Жарова сопровождающим вагоном⁴¹ с хлебом в Петроград для голодающих детей и письмо-наказ к тов[арищу] Луначарскому⁴².

Сохранилось около 20 приказов по военкомату и ревкому о зачислении добровольцев в красногвардейский отряд (копии есть в Алексеевке). По ним можно восстановить историю красногвардейского отряда. А может, кто еще и жив. Приказы подписывали Понкратов, Евдокимов (комиссары), Фруслов (военрук).

Очень интересен протокол общего собрания граждан села Адоевщины от 18 февраля 1918 года, в котором выражается решимость граждан защищать Советы от посягательства врагов: «Настоящим подтвердить наш протокол об избрании нашей местной Советской власти... и встать грудью на защиту ее». Адоевщинский красногвардейский отряд много сделал в борьбе за Советы. Надо отдать должное комиссарам Понкратову и Евдокимову.

Нет цены двум телеграммам, связанным с выражением любви к вождю В. И. Ленину. Одна — на имя Я. М. Свердлова⁴³ в связи с покушением на во-

ждя: «Еще раз объявляем всей буржуазии всего мира свой красный террор. Крепитесь тов[ариш] Ленин, за вами идут все рабочие и крестьяне». Вторая телеграмма — на имя В. И. Ленина от трудящихся Базарнокарабулакской, Нееловской волостей и жителей станции Карабулак. В ней Ильича поздравляли с первой годовщиной Октября⁴⁴. Хочу обратить внимание на документы областного и центрального архивов. Все они касаются событий, связанных с кулацким мятежом в Алексеевке, но они предвещают интерес для района и проливают свет на события большой важности⁴⁵.

Важным документом является докладная начальника продотдела на имя губпродкомиссара⁴⁶. В ней обстоятельно изложены события в Алексеевке. Указано, кто погиб из продармейцев⁴⁷ и местных активистов, о чем не знали 40 лет⁴⁸. Об этих событиях пишет и центральная «Правда» в статье «Кулацкий бунт»⁴⁹. Документы присланы Центральным Госархивом.

А вот справка из областного архива⁵⁰ № 6–100 от 27 февраля 1957 года. В ней указывается, что в подавлении восстания в Алексеевке «...принимало участие и несколько отрядов, в том числе Петроградский, Московский, Петровский, Карабулакский и Саратовский. Саратовский отряд возглавлял тов[ариш] Фортученко, он же является председателем чрезвычайно-следственной комиссии по данному делу». В справке указывается, что продотряд состоял из рабочих Москвы и Иваново.

Фортученко, о котором я собрал сведения, был в 1918 году Военкомом Саратовского уезда⁵¹. Сбор сведений довел до 1936 года, дальше данных не получал.

В архивах, документах Алексеевской школы есть копия статьи «Ячейка коммунистов» из областной газеты от 17 сентября 1918 года, ее автор Бутунин⁵². В ней рассказывается о создании ячейки РКП(б), составе ее, выборах комитета и обстановке, в которой ячейка создавалась. В сборнике документов «Саратовцы В. И. Ленину и о В. И. Ленине» напечатано письмо алексеевских коммунистов к В. И. Ленину от 2 декабря 1918 года. В Вольском архиве хранятся воспоминания В. Иванова — участника борьбы за Советы в Вольске и Вязовской волости.

Хочу обратиться с призывом к юным следопытам. Шире включайтесь в изучение истории своих сел, колхозов. Записывайте воспоминания участников Октябрьской революции, гражданской войны, коллективизации, Отечественной войны 1941–1945 годов. Собирайте документы, письма, фотографии. Сделаете вы великое дело. Всегда помните девиз: «Никто не забыт, ничто не забыто!»

1971 г.

Человеку, другу, вождю

Велика и безгранична была и есть любовь к вождю и учителю трудящихся нашей страны и прогрессивного человечества всего мира. Бесперывным потоком шли письма и телеграммы к В. И. Ленину. В них рабочие, крестьяне как самому близкому человеку и своему другу, как вождю и руководителю Советского государства рассказывали об успехах в строительстве новой жизни, просили у Владимира Ильича совета по многим вопросам.

Коммунисты села Алексеевки послали Ильичу письмо, сообщая написанное на собрании в декабре 1918 года. Подписал его председатель собрания Кузьма Чернов.

Они писали:

«Алексеевская организация партии коммунистов-большевиков, Вам, как великому вождю пролетариата, шлет сердечный привет и душевно благодарит Вас за свершение того великого дела, которое требуется для пролетариата...»

В письме алексеевские коммунисты делились с Ильичом радостью о том, что в селе открыт «коммунистический клуб-читальня» для просвещения масс.

Это не единственное письмо коммунистов Алексеевки к Ильичу. 17 сентября 1918 года организовалась ячейка коммунистов в составе 30 человек. Собрание ячейки послало телеграмму Ленину, в которой сообщило об этом радостном и важном событии, желало вождю быстрее выздороветь, выражало свою решимость биться с врагами революции. Телеграмму подписал председатель ячейки Петр Карпович Щербаков.

Безграничную любовь к В. И. Ленину выражали трудящиеся Базарнокарабулакской волости в своих телеграммах. 1 сентября 1918 года в Базарном Карабулаке была получена телеграмма о покушении на жизнь В. И. Ленина. На многочисленном митинге с глубокой тревогой было выслушано сообщение председателя ревкома И. Д. Гасилина об этом злодейском акте врагов народа.

На собрании был принят текст телеграммы на имя председателя ВЦИК Я. М. Свердлова⁵³ с выражением соболезнования по случаю горя, постигшего Советскую страну. В ней говорилось:

Злодеям, посягнувшим на жизнь нашего вождя тов[арица] Ленина, шлем проклятье и не положим до тех пор оружия, пока все сатанические замыслы против бедноты всего мира, замышляемые правыми эсерами, меньшевиками и всеми контрреволюционерами, не будут загнаны в могилу. Еще раз объявляем всей буржуазии всего мира свой красный террор. Крепись, тов[ариц] Ленин, за вами идут все рабочие и крестьяне деревень, сел и городов, теснее сомкнем свои ряды и ринемся на кровожадного великого нашего врага — капиталистов, сметем его с лица земли, и победа будет за нами. Да здравствует товарищ Ленин!

В день первой годовщины Октябрьской революции В. И. Ленину была послана поздравительная телеграмма. В ней сообщалось:

В день великой годовщины Октябрьской революции от имени рабочих и крестьян Базарнокарабулакской, Нееловской волостей Саратовского уезда, от служащих станции Карабулак Исполком Базарного Карабулака шлет горячий привет. Да здравствует вождь, товарищ Ленин!

Телеграмму подписал председатель исполкома И. Д. Гасилин.

Осенью 1918 года по призыву В. И. Ленина ячейки коммунистов волостей нашего района почти в полном составе ушли на фронт громить врага. Ушло много и беспартийных из бедноты.

Патриотизм и любовь к вождю людей старшего поколения должны служить примером для молодежи.

1970 г.

*Дело Ленина живет и побеждает.
Воспоминания старого коммуниста*

Прочитал я в районной газете репортаж с собрания колхозников колхоза «Россия», посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина⁵⁴. Читал и радовался тем достижениям, с какими колхоз и колхозники приходят к юбилею Ильича. Приятно было сознавать, что работа коммунистов и активистов — организаторов колхоза дала прекрасные результаты. Радость наполнила мое сердце потому, что мой труд, вложенный в создание и укрепление колхоза, не пропал даром, что в колхозе сейчас работают мои бывшие питомцы⁵⁵.

И память меня увела в далекие 30-е годы.

В Алексеевку я прибыл в 1931 году⁵⁶ с группой коммунистов, направленных райкомом КПСС⁵⁷ на укрепление местной парторганизации, в работе которой были большие недочеты: не завершена коллективизация, не выполнен план хлебозаготовок, имелись существенные недостатки в организации торговли. В школе разоблачена тайная организация «Эх, живи — не тужи!», имевшая антивоспитательное значение. Работы было непочатый край.

Я был назначен преподавателем обществоведения в школу колхозной молодежи, а с осени 1931 года — ее заведующим. Партийно-массовую работу мне поручили вести в колхозе «Комбайн». И с 1931 года моя жизнь и работа тесно связаны с колхозной жизнью вплоть до 1966 года. В этом колхозе (а потом и в объединенном) я был уполномоченным райкома партии и одним из организаторов колхозной первичной парторганизации, одним из первых ее секретарей. Читал в колхозе лекции, проводил беседы, основным содержанием которых являлось разъяснение политики партии и учения В. И. Ленина о коллективном строе, его преимуществах и главном пути улучшения жизни крестьян. Трудно было перестроить психологию вчерашнего мелкого собственника, научить его жить по принципу «Не мое, а наше!» И это требовалось доказать.

Словом, личным примером коммунисты добивались устранения трудностей, а их пережили много: отсутствовала техника, недоставало продовольствия, фуража, навыков руководить коллективом, хозяйством. Но убежденность колхозников в правоте идей Ленина и вера, что только колхозная жизнь выведет их на счастливый путь зажиточной жизни, помогали преодолевать все невзгоды.

Огромную работу проводили в ту пору коммунисты Бобрович, Сербин, В. М. Морковкин, В. А. Каширин, К. А. Чижова, комсомолец Павел Чижов, председатель колхоза С. И. Загуменный⁵⁸. Член КПСС И. В. Белов возглавлял парторганизацию в 1931 году и много труда вложил в организационно-хозяйственное укрепление хозяйства. Кто теперь поверит, что колхоз в 1931 году сеял 51 день, на питание трактористам давали лишь галушки и по 200 граммов хлеба, а простым колхозникам вместо хлеба — сахарную свеклу. Но мы, коммунисты, сами были уверены и колхозников убеждали в том, что эти трудности временные, трудности роста.

В те годы некоторые жители села уходили из колхоза и выезжали за его пределы. Но ядро преданных колхозников осталось. Они вынесли на своих плечах все трудности и вывели артель на широкую⁵⁹ дорогу культурной и зажиточной жизни. Их имена следует занести золотыми буквами в книгу почета.

Большую помощь колхозу оказывала школа колхозной молодежи. Она являлась кузницей кадров. Ежегодно при ней проводились курсы счетоводов, учетчиков, бригадиров. Мне, как учителю и заведующему школой приятно сознавать, что очень многие воспитанники ее связали свою жизнь с сельским хозяйством. Агрономы колхоза «Россия» А. С. Ярославцева и Е. В. Бондина — воспитанницы школы колхозной молодежи. Агроном старожуковского колхоза В. И. Подгорнов, зоотехник А. С. Карabanов и многие другие окончили эту школу.

Мной при участии общественности составлена летопись села. Его история излагается со дня основания и до 1957 года⁶⁰. В летописи большое место отведено истории возникновения и развития колхоза. Хочется верить, что летопись села будет продолжена.

Я горжусь тем, что за 35 лет работы в Алексеевке воспитал не одно поколение молодежи, своим участием в общественной и партийной жизни способствовал осуществлению политики партии и учения В. И. Ленина по построению коммунистического общества.

1970 г.

«Памятники и памятные места Саратовской области»

Книга эта издана Приволжским книжным издательством вторым изданием. Автор книги Г. А. Малинин⁶¹. Рассчитана она на массового читателя. Написана интересно, со знанием дела и дает большой материал по истории нашей области и ее памятным местам. В ней подробные сведения о политических деятелях, революционерах, участниках гражданской и Отечественной войн, об ученых, художниках, писателях, проживавших и работавших в нашем крае или навещавших Саратов.

Изложение начинается со сведений об истории нашего края, возникновении Саратова. Подробно описывается жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского, даются сведения о жизни в Саратове семьи Ульяновых. Рассказывается о революционных событиях 1905 и 1917 годов, о гражданской войне. Даются подробные сведения о памятных местах и памятниках, связанных с этими событиями.

Очень интересен раздел «Полпреды партии», в котором рассказывается о соратниках В. И. Ленина, посещавших Саратов по поручению ЦК КПСС и правительства или работавших здесь длительное время.

В книге достаточно уделено внимания и нашему району, его людям и памятным местам. Так, автор сообщает, что весной 1918 года в Базарном Карабулаке был организован Союз крестьянской молодежи для содействия⁶² Советской власти. Сообщая о создании Восточной армии, которой командовал наш земляк-алексеевец С. М. Загуменный⁶³, автор подчеркивает, что по распоряжению В. И. Ленина армия выступила на разгром белогвардейцев, захвативших железную дорогу Астрахань–Москва. После разгрома белогвардейцев В. И. Ленину был отправлен рапорт: «Саратовская социалистическая армия очистила астраханскую дорогу и сняла 14-дневную осаду Астрахани».

В книге отмечается, что в селах Базарном Карабулаке, Содоме, Липовке установлены обелиски на могилах павших борцов за Советы в 1918–1921 годы.

Сообщается о сооружении памятника в Алексеевке павшим воинам в Отечественную войну 1941–1945 годов.

Интересны сведения о том, что в селе Апалихе Вольского района⁶⁴ сооружен обелиск на могиле красноармейцев, погибших в борьбе с кулачеством в 1918–1919 годах. Автор памятника Семен Анисимович Тупицын. Он его и установил как скульптор-самоучка⁶⁵. А для нас важно вот что, С. А. Тупицын член КПСС с 1918 года. Жил в Алексеевке. Активно участвовал в ликвидации кулацкого мятежа в селе 12 ноября 1918 года. А после его подавления два года был военкомом Алексеевской волости.

В книге рассказывается о Героях Советского Союза нашего района А. П. Босове, И. Н. Сытове, П. Ф. Блинове.

Отсутствие архивных данных не позволило автору книги сообщить такие интересные данные о районе: о памятнике в Алексеевке на месте гибели продармейцев в 1918 году и обелиске на могиле Т. П. Никифорова, тоже убитого в этом восстании.

Хотелось бы видеть на страницах книги данные об участниках борьбы за Советы в 1917–1918 годы, участии в гражданской и Отечественной войнах П. А. Ечина, И. В. Карпова, генералов А. И. Балаева и К. Н. Степанова, А. В. Пономарева. Будем надеяться, что при переиздании книги о них будет сказано.

Каждый прочитавший эту интересную книгу, обогатит свою память ценными сведениями по истории родного края.

1971 г.

Алексеевские комсомольцы

«Незабываемое» — так озаглавлены воспоминания алексеевской комсомолки 20-х годов Елизаветы Дмитриевны Бочкарёвой. В них она рассказывает о комсомольцах села и об условиях, в которых приходилось им работать.

Комсомольцы 20-х годов вели работу в ожесточенной классовой борьбе с кулачеством. Комсомольскую организацию во всех делах поддерживала партийная организация, возглавляемая Степаном Тимофеевичем Амбарновым. Главным было проведение культурно-массовой работы, ликвидации неграмотности, помощь бедняцким хозяйствам через комитет крестьянской взаимопомощи. Кулацким сынкам не нравилась эта работа и однажды они избили комсомолок Елизавету Бочкарёву, Марию Курочкину, Марию Мещерякову. Хулиганов судили. Е. Д. Бочкарёва была активной атеисткой, а родителям это не нравилось. Они ее даже избивали. Она ушла от них. Жила в [Базарном] Карабулаке и работала пионервожатой.

М. С. Мещерякова была пионервожатой в Алексеевской школе. Сейчас живет в Евпатории. Одним из секретарей ячейки был Василий Потапов. Потом он уехал учиться на рабфак. Работал по строительству, ему было присвоено звание «Заслуженный строитель».

Вот имена активистов-комсомольцев 20-х годов: Николай Печёнкин, Елена Потапова, Елена Кузнецова, Анна Ястребова, Александра Ястребова, Мария и Анастасия Бабушкины, Надежда Мещерякова, Степан Золин, Александр Морковкин.

В 30-е годы были многочисленные организации при школе колхозной молодежи, промартели на селе. Активно проявили себя на работе в годы хлебозаготовок, раскулачивания, коллективизации комсомольцы школы колхозной молодежи Николай Родионов, Георгий Комаров, Евдокия Мордева, Евдокия Крмилина, Алексей Климов, Александр Галактионов, Федор Носков, Федор Черкунов и другие. Они вели большую работу на селе и в школе. При школе на самоокупаемости было большое хозяйство, им управляли комсомольцы. Все работы выполняли школьники. За счет хозяйства содержалось общежитие на 50 человек, готовились горячие завтраки для всех учащихся. Секретарем ячейки был Александр Кузнецов.

Активными комсомольцами села проявили себя Николай Былинкин — секретарь комсомольской ячейки, член сельского Совета, Михаил Малкин, Михаил Потапов — селькор райгазеты, кузнец колхоза «Ударник», Павел Чижов — учитель, активный общественник, Павел Акчурин. В промартели активистами комсомольской ячейки были Иван Куролесов, Василий Зотов, Павел Индерякин.

Комсомольцы встречали поддержку со стороны партийных организаций села. А когда в районе был объявлен поход за корма и сохранение коней, комсомольцы села провели большую работу по закладке силоса и оказали помощь колхозам. Как известно, Базарнокарабулакский комсомол за эту работу был отмечен ЦК комсомола, наркомземом и лично С. М. Будённым⁶⁶. Снимался фильм о заготовке силоса комсомолом Базарнокарабулакского района.

В 1931–1932 годах в руководстве комсомолом большую роль сыграл кустовой комитет. Алексеевка была центром одного из четырех кустов, созданных в районе.

В день 54-й годовщины комсомола⁶⁷ поздравляю всех комсомольцев 20–30-х годов, шлю наилучшие пожелания в жизни и работе на благо Отчизны.

1972 г.

Поиски юных следопытов

Дорогие ребята! Пишут вам пионеры из 4-го «В» класса. Мы обращаемся к вам с просьбой: в районе нашей школы есть четыре могилы — А. И. Маркова, Н. А. Сафронова, П. М. Клокова, Корсакова. Эти люди в 1918 году приехали в наше село, чтобы взять хлеб у кулаков и отправить его голодающему Иваново. Хлеб был отравлен, но кулаки зверски расправились с этими людьми. Мы вас очень просим расспросить старых жителей села, возможно, они знают много об этом, и сообщить нам.

Это письмо написали юные следопыты восьмилетней школы № 11 города Иваново юным следопытам Алексеевской школы. Весьма интересно это письмо для истории. Оно подтверждает, что продотрядовцы были из Иваново, хоронить их увезли на родину.

Юные следопыты Алексеевской школы живо и с интересом отозвались на просьбу ивановских ребят. Под руководством учительницы А. А. Масленниковой оформили материалы, хранящиеся в школе, о кулацком восстании

в Алексеевке в 1918 году и гибели ивановских продармейцев от рук кулаков. Сфотографировали обелиск, сооруженный на месте их гибели. Все материалы направлены в Ивановскую школу № 11.

Жаль, что на этом переписка следопытов прекратилась. А алексеевским следопытам можно было бы поинтересоваться многими вопросами, например: есть ли у погибших продармейцев родственники, завязать с ними переписку, пригласить их в Алексеевку. Узнать, в каком состоянии могилы погибших, нельзя ли добыть фотографии погибших через родственников, учреждения, которые их посылали, как увековечена память погибших на предприятиях, которые их направляли в продотряд.

Будем надеяться, что алексеевские следопыты и их руководитель П. А. Вехов этот пробел восстановят.

1970 г.

Ценное начинание

На одном из собраний личного состава районного отдела внутренних дел было принято решение о составлении истории Базарнокарабулакской милиции.

Я позволю себе назвать некоторых ветеранов милиции, которых я лично знал и с которыми приходилось работать. В Карабулакской волости организатором милиции был Василий Иванович Комаров, он же и являлся начальником межволостной милиции 5-го участка Саратовского уезда (на 9 волостей). Под

Рис. 9. Встреча «юных следопытов» с ветераном революции Михаилом Николаевичем Анастасьевым (сидит справа), рядом с ним сидит С. И. Малафеев. Село Алексеевка. Лето, 1962 г. (фотография взята из книги С. И. Малафеева «Летопись села Алексеевки»)

его руководством отряд милиции участвовал в ликвидации кулацких мятежей в Карабулаке (март 1918 года), Вольске (июль 1918 года), Алексеевке (ноябрь 1918 года). Позднее Василий Иванович работал в милиции города Саратова, станции Урбах.

Ряд лет в Вязовской волости служили в милиции т[оварищи] Акулин, Зодиев, Трусов. Работали в самое напряженное время (1921–1930 годы). Уроженец Максимовки С. А. Трусов — участник установления Советской власти в селе, красногвардеец, участник подавления кулацко-эсеровского мятежа в Вольске. В Алексеевке погиб милиционер Козырев (захоронен в Карабулаке в братской могиле).

Ветераном милиции и активным общественником являлся и Василий Иванович Подгорнов — участник борьбы за Советы в Алексеевке. В 30-е годы работал в Вязовке. В Вязовке и Алексеевке долго работал в милиции В. М. Кузьмин. Хочется отметить большой вклад в дело охраны порядка и социалистической собственности Александра Ивановича Бородина, участника Отечественной войны, и Михаила Петровича Ершова.

Работа, которую намечает райотдел, большая, кропотливая. И здесь им на помощь должны прийти краеведы-следопыты школ района. Надо использовать материалы (тексты в альбомах, документы, фото, вырезки из газет), собранные краеведами Базарнокарабулакской и Алексеевской школ. Неоценимую помощь могут оказать ветераны милиции Г. И. Гаранов, П. И. Белянин, П. И. Бурлаков, М. И. Ершов, ветераны [коммунистической] партии — участники борьбы за власть Советов. Лично я внесу посильную лепту в это интересное и нужное дело.

И еще один совет: надо работу начать с проведения при райотделе внутренних дел совещания, на которое пригласить ветеранов милиции, старейших большевиков, работников Советов, ныне пенсионеров, руководителей школьных краеведческих кружков, руководителей партийных и советских органов района, работников комсомола. Знаю по опыту, это принесет большую пользу.

1970 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Рецензию на первое издание «Эха души» подготовил саратовский историк, кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского Максим Вячеславович Зайцев [6]; рецензия на второе издание составлена петербургским историком философии, доктором философских наук, профессором РХГА Александром Александровичем Ермичёвым [5]. Оба рецензента высоко оценили книгу И. А. Гусева как источник мемуарного и краеведческого наследия. В своем отзыве на «Эхо души» М. В. Зайцев отметил: «... важнее становится с каждым годом задача максимального сохранения исторической памяти “России сельской”» [6, с. 407].

²Статья И. А. Гусева была опубликована в 1967 г. в февральском номере районной газеты «За победу коммунизма» и включена в «Эхо души» [2, с. 86–88]; здесь же, на с. 88–89 см. мое примечание к этой публикации.

³Фотография взята из машинописной книги С. И. Малафеева «Летопись села Алексеевки».

⁴Автором приведенной вначале «Летописи» фразы здесь указан русский советский поэт, писатель, революционный и общественный деятель Демьян Бедный (настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов, 1883–1945). Не удалось установить, из какого сочинения Демьяна Бедного С. И. Малафеев взял эту цитату. Похожие слова встречаются в статье Максима Горького «О библиотеке поэта» (1931): «Не зная истории культуры, невозможно быть культурным человеком, не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего» [3, с. 178].

⁵КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза (сокр. Компартия). Была правящей партией в СССР, в основе идеологии которой был марксизм-ленинизм. Была основана в 1898 г. как Российская социал-демократическая рабочая партия; с 1918 по 1925 гг. — Российская коммунистическая партия (большевиков) (РКП(б)); с 1925 по 1952 гг. — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) (ВКП(б)); с 1952 по 1991 гг. — КПСС.

⁶Ленин (наст. фамилия — Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) — российский революционер-большевик, советский политический, партийный и государственный деятель, крупный теоретик марксизма, организатор и руководитель Великой Октябрьской Социалистической революции, первый председатель Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР и Совета народных комиссаров СССР, создатель первого в истории социалистического государства.

⁷По поводу точной датировки основания села Алексеевка, которую указывает С. И. Малафеев (1698 г.), см. в моем предисловии к публикации фрагментов его «Летописи». Ср. в книге И. А. Гусева: [2, с. 66].

⁸Ср. в главе книги И. А. Гусева «Три столетия “солдатского сельца”» [2, с. 67].

⁹В главе книги И. А. Гусева «О народонаселении Алексеевки» указано: «В середине XIX в. в Алексеевке было уже 965 дворов и 6011 жителей» [2, с. 83]. Алексеевка всегда была одним из самых крупных сел Базарно-Карабулакского района. И. А. Гусев приводит данные на 1 января 2005 г.: «население села составляло 2086 человек в 932 домохозяйствах» [2, с. 85]. Ныне в состав Алексеевского муниципального образования входят: с. Алексеевка (с населением 1934 чел.), с. Ивановка (869 чел.), с. Новиковка (71 чел.), с. Нечаевка (13чел.) и с. Ольгино (4 чел.).

¹⁰В машинописи синими чернилами зачеркнуты буква «е» в названии села Адоевщина. Это село Базарно-Карабулакского района ныне входит в Свободинское муниципальное образование. Считается, что Адоевщина была основана около 1700 г. Основание и название поселения связывают с деятельностью крестьян князя Одоевского.

¹¹Имеется ввиду манифест об отмене крепостного права в России, подписанный 19 февраля (3 марта) 1861 г. императором Александром II.

¹²Об этих событиях см. в статье И. А. Гусева «Так это было. И была ли в этом справедливость?», опубликованной в 2002 г. в газете «Вестник района» и включенной в книгу «Эхо души»: [2, с. 109–115]. Иван Андреевич опирается на те же источники, что и его предшественник, С. И. Малафеев, но у него сделаны иные акценты и даны иные выводы. Тон повествования С. И. Малафеева об этих событиях, скорее, героический, а тон статьи И. А. Гусева — трагический. См. следующие примечания.

¹³С. И. Малафеев перечисляет названия пяти районов Саратовской губернии, откуда прибыли вооруженные войска для оказания помощи в подавлении ноябрьского бунта в Алексеевке.

¹⁴Вот как описывает итоги этого мятежа алексеевцев И. А. Гусев: «В ноябре 1918 г. в Алексеевке произошли трагические события, которые потом были названы коротко и недвусмысленно: кулацкий мятеж. А раз так, то с точки зрения советской власти наказание могло быть только одно — расстрел. И расстреляли тогда 34 человека (жителей

с. Алексеевка, участвовавших в этом бунте. — А. С.). А еще 50 алексеевцев то ли увезли в Саратов, то ли потом отпустили, так до конца и не выяснено» [2, с. 109–115]; и далее: «Всего [аксеевскими] крестьянами было убито 12 человек (участников продотряда. — А. С.). В ответ расстреляли, как известно, 34 “мятежника”. Но этим дело не кончилось...» [2, с. 114] См. мои примечания в книге И. А. Гусева к этой статье.

¹⁵НЭП — Новая экономическая политика, проводившаяся в Советской России и СССР в 1920-е гг. Этот курс был избран в 1921 г. на X съезде РКП(б), сменив вынужденную жесткую политику военного коммунизма эпохи Гражданской войны, которая привела молодое советское государство к экономическому упадку. Главная цель НЭПа — восстановление экономики страны. В 1928 г. эта политика была свернута.

¹⁶Об алексеевцах в годы Великой Отечественной войны см.: [2, с. 57–59, 73, 124–129; 9; 9а; 12].

¹⁷Афросин Александр Николаевич (1918–2007) — с 1949 по 1980 г. являлся председателем колхоза «Россия» Базарно-Карабулакского района Саратовской области. Здесь автор «Летописи» называет его «дважды орденосцем». В целом за свою карьеру Александр Николаевич был удостоен двух Орденов Ленина, двух Орденов Октябрьской Революции и двух Орденов Отечественной войны. Статья С. И. Малафеева написана летом 1973 г., а в декабре того же года Указом Президиума Верховного Совета СССР А. Н. Афросину было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». О А. Н. Афросине см. очерк «Высшая награда Александра Николаевича» в книге И. А. Гусева: [2, с. 100–105].

¹⁸В машинописи первоначально указанная дата (неразборчиво) исправлена ручкой синими чернилами: «к XVIII веку»; и сверху над этой исправленной цифрой кто-то (для лучшей точности) написал простым карандашом цифру «18».

¹⁹С. И. Малафеев датирует основание Алексеевки 1698 г., однако здесь указывает XVIII век (?). См. раздел «Из истории Алексеевки» в книге И. А. Гусева: [2, с. 66 сл.]. См. также в моем предисловии к книге И. А. Гусева [10, с. 13 сл.], с указанием литературы в примеч. на с. 13.

²⁰Предание о солдатах-первооснователях Алексее и Дорофее устойчиво и вошло в словари; см. «Топонимический словарь Саратовской области» С. Б. Козинец: [7, с. 18]. Об алексеевских пионерах петровского времени см. также: [2, с. 66; 10, с. 12–14].

²¹В машинописи название указано без кавычек. После этого предложения ручкой синего цвета отмечена галочка для вставки дополнительного текста, но текст отсутствует.

²²Ныне Большой и Малой Дорофеевкой алексеевцы называют окраинные районы своего села.

²³Название района Монастырщина сохранилось и поныне, спустя полвека после подготовки С. И. Малафеевым «Летописи села Алексеевки».

²⁴Район Галанино находился в нескольких километрах от села Алексеевка, на возвышенности. С начала XX в. там располагалась железнодорожная станция, которая называлась «Галанино» или «Галанина [станция]». Ныне это место находится за Алексеевским лесом.

²⁵Первоначально в названии было указано «Алексеевщины», затем в текст внесены исправления синей пастой: «Адоевщины».

²⁶Интересно, что и здесь (bis!) — в цитате — сначала было указано «Алексеевщины», затем синей пастой исправлено на «Адоевщины».

²⁷Указанную статью отыскать не удалось.

²⁸Речь идет о Пугачевском бунте, который в отечественной историографии советского периода принято было называть Крестьянской войной 1773–1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева; войну характеризовали как антифеодальную,

направленную против самодержавия. Это волнение охватило значительную территорию Российской империи, включая Саратовскую область, которая в ту пору была Саратовской провинцией Астраханской губернии.

²⁹Упомянув краеведческий уголок, С. И. Малафеев имеет ввиду небольшой музей, который был создан в Алексеевской средней школе. Этот музей действует и ныне, он находится на втором этаже и содержит интересные экспонаты, связанные с историей села.

³⁰Туган и Маза — названия речек, протекающих вблизи Алексеевки и по территории села.

³¹До сих пор один из районов Алексеевки жители села называют Хоприщиной, а чаще — Ховрищиной.

³²В Алексеевке действует Свято-Сергиевский храм (Преподобного Сергия Радонежского), который был возведен полтора столетия назад — в середине 80-х гг. XIX в. Как пишет И. А. Гусев, «Каменная церковь, колокольня и ограда были построены в 1884 г. стараниями прихожан». В годы советской власти здание церкви не подвергалось масштабным разрушениям, но находилось в запущенном состоянии, так как здесь располагался склад колхозного зерна. На рубеже 1990–2000 гг. храм был восстановлен. Ныне в Алексеевке существует Свято-Сергиевский женский монастырь и действует воскресная школа при храме (см. [10, с. 15; 2, с. 67–69, с иллюстрациями]).

³³О какой именно «летописи села и церкви», найденной в Свято-Сергиевском храме, когда и кем обнаруженной (?), и где этот «интересный документ» потом хранился (и сохранился ли сейчас?) — неизвестно.

³⁴Отрицание «не» перед глаголом «уходили» вставлено в машинописный текст от руки синими чернилами.

³⁵Словосочетание «мельника-богача Кузнецова» подчеркнуто в машинописи синими чернилами и справа на полях страницы рядом с этой строкой поставлена галочка. В начале XX века купец Кузнецов был в Алексеевке одним из самых успешных предпринимателей. Ему принадлежала мельница. Трехэтажное кирпичное здание «Старой мельницы» сохранилось до сих пор, хотя оно давно заброшено и находится в плачевном состоянии. Над балконом третьего этажа сохранилась надпись, выложенная кирпичами: «КУЗНЕЦОВЪ». Была указана и дата сооружения мельницы, но она стерлась. Кушцу Кузнецову в Алексеевке принадлежало несколько зданий. В одном из сохранившихся кирпичных домов Кузнецова (рядом с его мельницей) ныне располагается Алексеевская поликлиника. Эти здания — мельница и дом Кузнецова — являются историческими памятниками начала XX века.

³⁶Об устойчивом высказывании про «зажиточную и культурную жизнь», встречающемся в текстах С. И. Малафеева (в разных вариантах и сочетаниях), см. мои замечания в предисловии к публикации фрагментов «Летописи».

³⁷Этот очерк С. И. Малафеева датирован 1971 годом; в тот год, 7 ноября, страна отмечала 54-ую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции (1917 г.).

³⁸РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков), преобразованная в 1918 г. из Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков); с 1925 г. — ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), а с 1952 по 1991 г. — Коммунистическая партия Советского Союза.

³⁹Волисполком — волостной исполнительный комитет; ревком — революционный комитет.

⁴⁰ЧК или ВЧК — сокр. от Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР — специальный орган по защите безопасности молодого Советского государства, созданный в декабре 1917 г. ВЧК имела территориальные подразделения для борьбы с контрреволюцией на местах. Одно из подразделений — уездная ЧК.

⁴¹Первоначально в машинописи было указано во множественном числе — «вагонов», но шариковой ручкой синими чернилами здесь исправлено на «вагона».

⁴²Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — русский революционер, советский государственный деятель, политик, публицист, литературовед, искусствовед; первый Народный комиссар просвещения РСФСР (1917–1929).

⁴³Свердлов Яков Михайлович (1885–1919) — российский революционер-большевик, советский партийный и государственный деятель, один из руководителей Великой Октябрьской Социалистической революции. Более подробные сведения о телеграмме Я. М. Свердлову автор приводит в главе «Человеку, другу, вождю» (см. ниже).

⁴⁴Первая годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции праздновалась 7 ноября (25 октября по старому стилю) 1918 г.

⁴⁵Об этом бунте крестьян и суровой расправе над недовольными алексеевцами в статье и книге И. А. Гусева: [2, с. 109–115; 4].

⁴⁶Губпродкомиссар — губернский продовольственный комиссар.

⁴⁷Продармейцы — члены продовольственно-реквизиционной армии (сокр. продармия) Народного комиссариата продовольствия (сокр. Наркомпрод) РСФСР, которая действовала в годы Гражданской войны. Продармия была образована из продотрядов в мае 1918 г. для осуществления продовольственной диктатуры. В 1921 г. продармейские части были упразднены.

⁴⁸Их имена ныне указаны на памятнике, который находится в селе Алексеевка.

⁴⁹В справке, написанной С. И. Малафеевым от руки на отдельном листе (см. в моем предисловии к «Летописи»), указаны выходные данные статьи «Кулацкий бунт», на которую здесь ссылается автор: газета «Правда», номер за 18 ноября 1918 года. Замечу, что мятеж в Алексеевке произошел 12 ноября, а уже 18 ноября о нем было написано в центральном органе печати, так сказать, по горячим следам.

⁵⁰В рукописной справке, составленной С. И. Малафеевым (см. предыдущее примечание), упомянута полученная им справка из архива о кулацком восстании, происшедшем в с. Алексеевка 12 ноября 1918 г. Автор указывает номер и дату полученной им справки (№ 6–100 от 27 февраля 1957 г.), но не называет конкретный источник (Архив, фонд, опись, дело и проч.), у Малафеева: «Документы из Обл[астного] архива», вероятно, имеется ввиду ГАСО — Государственный архив Саратовской области.

⁵¹О Саратовском уездном военном комиссаре Фортученко упоминает в своей книге И. А. Гусев: [2, с. 112]. В «Эхо души» имеется фотография Фортученко [2, с. 113, там же примеч.*].

⁵²Этот документ тоже указан в рукописной справке С. И. Малафеева.

⁵³ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет, его председателем (с ноября 1917 по март 1919 г.) был Я. М. Свердлов.

⁵⁴22 апреля 1970 г. в СССР широко отмечался столетний юбилей вождя мирового пролетариата В. И. Ульянова (Ленина).

⁵⁵Первоначально было напечатано слово «пионеры», которое исправлено синей пастой на «питомцы».

⁵⁶Как следует из личного дела учителя Алексеевской средней школы С. И. Малафеева, он был назначен «заведующим школой пролетарской молодежи с. Алексеевка». Это произошло по решению Базарно-Карабулакского райкома ВКП(б) в 1931 г.

⁵⁷Здесь и далее указано неточно, поскольку наименование партии КПСС оформилось только в 1952 г.; до этого (с 1925 г.) Компартия носила название ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия (большевиков).

⁵⁸Сергей Иванович Загуменный (1897–1938) был председателем колхоза в 1933–1937 гг. Член ВКП(б) с 1917 г., в 1937 г. С. И. Загуменный был арестован как «троцкист»

и «вредитель», приговорен и расстрелян в 1938 г. в Саратове; реабилитирован в 1956 г. за отсутствием состава преступления. См. также примечание 63 к следующей главе.

⁵⁹После прилагательного «широкую» сначала было вписано слово «ногу», оно зачеркнуто на машинке и вписано «дорогу».

⁶⁰Речь идет об альбоме, который ныне хранится в Алексеевской средней школе. Это большой том в твердой обложке с переплетенными машинописными страницами и вклеенными в них фотографиями. На лицевой стороне обложки теснением выходы данные книги: «Село Алексеевка. К сороковой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Альбом. Базарнокарабулакский район Саратовской области. 1957 год».

⁶¹Речь идет о книге известного саратовского историка, краеведа и писателя Георгия Александровича Малинина «Памятники и памятные места Саратовской области», которая в 1971 г. вышла вторым изданием [8]. Первое издание книги появилось в 1958 г. Книга Г. А. Малинина переиздавалась в 1979 г. (третье издание).

⁶²Здесь в машинописи внесено исправление от руки синими чернилами; первоначально было: «по содействию Советской власти».

⁶³О легендарном полководце времен Гражданской войны, партийном и хозяйственном деятеле в 1920–1930 гг., занимавшем руководящие должности в Саратовской губернии и в Сибири, Сергее Ивановиче Загуменном см. в книге И. А. Гусева [2, с. 74–76], с моими примечаниями, где названы статьи З. Е. Гусаковой, книга саратовского историка А. А. Симонова и другая литература о прославленном красном командаре.

⁶⁴Ныне село Апалиха относится к Хвалынскому району Саратовской области, оно находится в составе сельского поселения Алексеевского муниципального образования Хвалынского района.

⁶⁵В 1956 г. сельский библиотекарь С. А. Тупицын сам создал и установил в с. Апалиха памятник павшим красноармейцам. На правой стороне постамента под звездой помещена надпись: «Памятник борцам за власть Советов на могиле 32 красногвардейцев из рабочих и крестьян, расстрелянных 21 августа 1918 года контрреволюционным отрядом армии царских генералов и купечества». Ныне этот памятник находится в жутком состоянии и требует восстановления. Имя скульптора на постаменте фактически стерто.

⁶⁶Будённый Семен Михайлович (1883–1973) — советский полководец, командующий Первой конной армией РККА во время Гражданской войны, один из первых маршалов СССР.

⁶⁷Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи, сокр. ВЛКСМ или комсомол (коммунистический союз молодежи) — молодежная организация в СССР, основанная 29 октября 1918 г. на I съезде Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ).

ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. [Малафеев С. И.] Летопись села Алексеевки. Краткое описание событий: 1698–1973 годы. Составлена по материалам из газет «За победу коммунизма» (районная газета), «Коммунист» (областная), «Заря молодежи» (областная) за 1957–1973 годы, по архивным документам и воспоминаниям / сост. С. Малафеев. Саратов: [Б. и.], 1973.

2. Гусев И. А. Эхо души: Воспоминания. Стихи. Очерки / сост. А. Н. Синицын; ред., предисл. и примеч. А. А. Синицын. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во РХГА, 2020.

Исследования

3. Горький М. О «Библиотеке поэта» // Горький М. Собрание сочинений в 30 т. Т. 26: Статьи, речи, приветствия (1931–1933). М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 176–185.

4. Гусев И. Так это было. И была ли в этом справедливость? // Вестник района. 2002. № 2. 10 января. С. 3.

5. Ермичев А. А. Две книги о войне [Никулин Н. Н. Воспоминания о войне: Фронтовой дневник. М.: Изд-во АСТ, 2019. 352 с.; Гусев И. А. Эхо души. Воспоминания. Стихи. Очерки / сост. А. Н. Сеницын; ред., предисл. и примеч. А. А. Сеницын. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 270 с.] // *Метаморфозы истории*. 2020. Вып. 16. С. 122–132.

6. Зайцев М. В. Эхо минувшего и грядущего. О книге: Гусев И. А. Эхо души: Воспоминания. Стихи. Очерки / сост. А. Н. Сеницын; ред., предисл. и примеч. А. А. Сеницын. СПб.: Изд-во РХГА, 2019 // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2019. Т. 20, вып. 3. С. 407–409.

7. Козинец С. Б. Топонимический словарь Саратовской области. Саратов: Саратовский источник, 2013.

8. Малинин Г. А. Памятники и памятные места Саратовской области. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Приволжское книж. изд-во, 1971.

9. Сеницын А. А. Война и встречи, отцы и дети (из семейных преданий о Великой войне) // «Наше дело правое»: страны и лидеры в социокультурном и философско-историческом измерениях. Сборник статей к 70-летию Победы / отв. ред. Д. В. Шмонин. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. С. 511–521.

9а. Сеницын А. А. Сакральное пространство памяти в семейных преданиях о Великой Отечественной войне // III Международная конференция «Церковь и Война: Цена победы — взгляд поколений». Сб. материалов. СПб.: Сезам-принт, 2016. С. 51–65.

10. Сеницын А. А. История Малой Родины в освещении автора книги «Эхо души» (предисловие редактора) // Гусев И. А. Эхо души: Воспоминания. Стихи. Очерки / сост. А. Н. Сеницын; ред., предисл. и примеч. А. А. Сеницын. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. С. 5–22.

11. Сеницын А. А. *Genius Loci*. Прелюдия к очерку о сельском музыканте // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки*. 2023. Т. 4, вып. 3–4. С. 125–133.

12. Сеницын А. Н. Слово об учителе и школе (вместо послесловия) // Гусев И. А. Эхо души: Воспоминания. Стихи. Очерки / сост. А. Н. Сеницын; ред., предисл. и примеч. А. А. Сеницын. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. С. 225–266.

13. Сеницын А. Н. С песней по жизни. О творчестве алексеевского баяниста Владимира Семеновича Сироткина // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки*. 2023. Т. 4, вып. 3–4. С. 134–151.

REFERENCES

Sources

1. [Malafeev, S. I.] (1973) *Chronicle of the Village of Alekseevka. Brief description of events: 1698–1973. Compiled based on materials from the newspapers 'For the Victory of Communism' (district newspaper), 'Communist' (regional), 'Zarya Molodezhi' (regional) for 1957–1973, archival documents, and memoirs*. Comp. by S. Malafeev. Saratov. (In Russian).

2. Gusev, I. A. (2020) *Echo of the Soul: Memoirs. Poems. Essays*. Comp. by A. N. Sinitsyn; ed., forew. & notes A. A. Sinitsyn. 2nd ed. St. Petersburg, RCAH Publ. (In Russian).

Research

3. Gorky, M. (1953) About the 'Poet's Library'. Gorky, M. *Collected Works*: in 30 vols., vol. 26: Articles, Speeches, Greetings (1931–1933). Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 176–185. (In Russian).

4. Gusev, I. (2002) That's How It Was. Was There Justice? *District Bulletin*, no. 2. January 10, p. 3. (In Russian).

5. Ermichev, A. A. (2020) Two Books About the War. *Metamorfozy istorii*, vol. 16, pp. 122–132. (In Russian).

6. Zaytsev, M. V. (2019) Echo of the Past and Future. About the book: Gusev, I. A. *Echo of the Soul: Memoirs. Poems. Essays...* St. Petersburg, RCAH Publ., 2019. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, vol. 20, iss. 3, pp. 407–409. (In Russian).

7. Kozinets, S. B. (2013) *Toponymic Dictionary of the Saratov Region*. Saratov, Saratovskiy istochnik. (In Russian).

8. Malinin, G. A. (1971) *Monuments and Memorable Places of the Saratov Region*. 2nd ed. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russian).

9. Sinitsyn, A. A. (2015) War and Meetings, Fathers and Children (from family stories about the Great War). *'Nashe delo pravoe': Strany i lidery v sotsiokulturnom i filosofsko-istoricheskoy izmereniyakh*. Ed. by D. V. Shmonin. St. Petersburg, RCAH Publ., pp. 511–521. (In Russian).

9a. Sinitsyn, A. A. (2016) Sacred Space of Memory in Family Traditions about the Great Patriotic War. *The 3rd International Conference 'Church and War: The Price of Victory — A View of Generations'*. Collection of materials. St. Petersburg, Sesam-Print, pp. 51–65. (In Russian).

10. Sinitsyn, A. A. (2020) The History of the Small Motherland as Presented by the Author of the Book 'Echo of the Soul' (editor's foreword). Gusev, I. A. *Echo of the Soul: Memoirs. Poems. Essays*. Comp. by A. N. Sinitsyn; ed., forew. & notes by A. A. Sinitsyn. St. Petersburg, RCAH Publ., pp. 5–22. (In Russian).

11. Sinitsyn, A. A. (2023) Genius Loci. Prelude to an Essay on a Rural Musician. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities. Philological Sciences*, vol. 4, iss. 3–4, pp. 125–133. (In Russian).

12. Sinitsyn, A. N. (2020) Word About the Teacher and the School (in lieu of an afterword). Gusev, I. A. *Echo of the Soul: Memoirs. Poems. Essays*. Comp. by A. N. Sinitsyn; ed., forew. & notes by A. A. Sinitsyn. St. Petersburg, RCAH Publ., pp. 225–266. (In Russian).

13. Sinitsyn, A. N. (2023) With a Song Through Life. About the Work of Alekseyevsky Accordion Player Vladimir Semenovich Sirotkin. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities. Philological Sciences*, vol. 4, iss. 3–4, pp. 134–151. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.05.2025

Принята к публикации 25.08.2025

Received 25.05.2025

Accepted 25.08.2025

*А. Н. Синицын**

СЛЕДОПЫТСТВО — СБЕРЕЖЕНИЕ ПРОШЛОГО ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

Автор статьи рассказывает о своем участии в 1950-е годы в кружке «Юные следопыты», который организовал в селе Алексеевка Базарно-Карабулакского района Саратовской области учитель истории Сергей Иванович Малафеев. Как историк, С. И. Малафеев понимал значимость изучения истории семьи и рода, своих деревни, района, области, которые он воспринимал как частицы большой единой России. В созданный С. И. Малафеевым историко-краеведческий кружок входили ученики Алексеевской средней школы, мальчишки и девчонки. Сила личности руководителя увлекала юных любителей истории. Он отправлял «следопытов» к старожилам села для расспросов, чтобы собрать у очевидцев свидетельства о прошлом. Участники кружка собирали этнографический материал, старинные предметы быта. Результатом этих краеведческих занятий стали два альбома по истории села Алексеевка, подготовленные С. И. Малафеевым. Автор статьи пишет о том, что в подготовке этих томов есть малая толика труда каждого из алексеевских «следопытов», участников кружка 1950-х гг. Проводимая историком С. И. Малафеевым работа была важным элементом гражданского воспитания. Интерес к прошлому пробуждал у школьников интерес к настоящему и ответственность за будущее.

Ключевые слова: «Юные следопыты», С. И. Малафеев, учитель истории, память, российская глубинка, малая Родина, село Алексеевка, Саратовская область, историко-краеведческий кружок, прошлое–настоящее–будущее.

A. N. Sinitsyn

LOCAL HISTORY: PRESERVING THE PAST TO THE BENEFIT OF THE PRESENT AND FUTURE

The author talks about his experience as a member of 'The Young trackers' (1950s), a club organized by Sergei Ivanovich Malafeev, a history teacher in the village of Alekseevka, Bazarno-Karabulaksky District of Saratov Oblast. As a historian, S. I. Malafeev understood

* Синицын Александр Николаевич — кандидат технических наук, профессор, Саратовская область, г. Энгельс; ansinizin@mail.ru

Alexander N. Sinitsyn — Ph.D. technical sciences, professor, Saratov region, Engels; ansinizin@mail.ru

the importance of studying a family history, the history of one's village, district, or region, as each of them is a part of one big country, Russia. The club brought local school children, boys and girls, together. S. I. Malafeev encouraged their interest in history. The 'trackers' would be assigned to ask the elders of the village about the past. They also collected ethnographic material and searched in the village for old household items. These activities resulted in two local history albums about Alekseevka being compiled by S. I. Malafeev. The author is proud that every 'tracker' of the 1950s contributed to some extent to this work. Thanks to S. I. Malafeev, the club with its various activities was an important part of civic education. The knowledge of the past stirred the children's interest in the present and they recognized their responsibility for the future.

Keywords: 'Young trackers', S. I. Malafeev, teacher of history, Russian hinterlands, small homeland, village of Alekseevka, Saratov Oblast, club of local history, past-present-future.

В 2023 г. исполнилось 50 лет альбому «Летопись села Алексеевки», подготовленному учителем истории Сергеем Ивановичем Малафеевым. На первый взгляд, появление этого альбома — событие незначительное. Мало ли таких «летописей» в отечественной историографии и культуре?! — Не мало. И это радует, поскольку такого рода литература укрепляет любовь читателей к малой Родине, подпитывает любовью к Великой Родине — нашей России. Это особенно ощущается, когда человек, начиная с юного возраста, интересуется событиями прошлого, а повзрослев, становится участником событий.

Именно в этом заключается значимость «Летописи села Алексеевки», где с открытой душой и пристрастным отношением к прошлому С. И. Малафеев освещает события, происходившие в русской глубинке. Как историк, Сергей Иванович понимал значимость изучения истории семьи, деревни, района, области, которые он воспринимал как частицы единой Большой России. Для этого он в 1952 г. организовал кружок «Юные следопыты», в который входили ученики Алексеевской средней школы, любители истории.

Автор этих строк был алексеевским «следопытом» с пятого класса. Вместе со своими школьными товарищами я принимал участие в работе исторического кружка, которым руководил наш учитель Сергей Иванович Малафеев. По его поручению мы встречались со старожилками села, опрашивали их, полученные сведения записывали в свои тетради. Мы вместе формировали план деятельности кружка. Вспоминаю, что все участники занимались с увлечением. Проводимая работа была не только способом чем-то заинтересовать молодых ребят, но и важным элементом гражданского воспитания подрастающего поколения. Интерес к прошлому пробуждал интерес к настоящему и ответственность за будущее.

Сила личности Сергея Ивановича увлекала нас, выполнение тех задач, которые он ставил перед нами, пробуждали интерес к людям родного села, любовь к своей истории и сохранение памяти. Но Сергей Иванович учил не только поиску сведений о прошлом родного села, он учил объективно оценивать события, разбираться в их первопричинах. Через интерес к истории он воспитывал в каждом из нас гражданина и патриота.

Помню, что мне было поручено собрать материал по истории «раскулачивания» и «вражеской деятельности» сельчан, так называемых «врагов народа». В 1930-е гг. в число «врагов» попал и мой дед по матери Михаил Иванович

Рис. 10. Ученики Алексеевской школы — участники исторического кружка «Юные следопыты»: Анатолий Морковкин, Александр Климов, Вячеслав Морковкин, Владимир Орлов; Николай Ромашов, Нина Долгова, Тамара Сунгурцева, *руководитель кружка* С. И. Малафеев (в центре во втором ряду); Нина Шитова, Екатерина Шипова, Александр Сеницын (крайний справа во втором ряду); Володя Каширин, Валентина Ляпина, Евгений Воробьев, Лида Сироткина, Владимир Дудкин, Вячеслав Сироткин, Николай Дудкин, Фаина Брунова, Анатолий Шапкин, Николай Шитов.

Село Алексеевка Базарно-Карабулакского района Саратовской области. 1957 г.
Из личного фотоархива А. Н. Сеницына

Колокин. Уроки «следопытства», полученные в 1950-е гг. в кружке С. И. Малафеева, шесть десятилетий спустя привели меня в архив ФСБ РФ по Саратовской области. Многие годы я искал сведения о смерти моего деда М. И. Колокина, о котором знал с детских лет, что он был расстрелян по обвинению «за участие в антисоветской организации». Только в 2021 г. я лично увидел материалы дела своего деда. Мне удалось установить, что обвинение оказалось выдумкой тех людей, которые были недовольны дедом Михаилом за его крутой нрав и бескомпромиссный характер. Было ясно, что все показания против Колокина как «антисоветчика» формировались при допросах недовольных односельчан (их имена и их «свидетельства» присутствуют в деле) и написаны одним почерком (несколько человек вместо подписи поставили «палочки», так как были безграмотными и не могли написать свою фамилию). М. И. Колокин, 8 ноября 1881 года рождения, был арестован 4 сентября 1937 года, осужден за «контрреволюционную деятельность» и расстрелян в г. Вольске 7 октября 1937 года в 22 часа.

И таких, как мой дед, «противников советской власти» в Алексеевке было не мало. Известно, что по тому же «контрреволюционному» делу 5 сентября 1937 г. был арестован и Алексей Степанович Бочкарёв (1913 г. р.), который был расстрелян 3 октября 1937 г. Указаны имена шестерых «свидетелей» по делу М. И. Колокина и А. С. Бочкарёва. В материалах дела есть документ о том, что Михаил Иванович Колокин был реабилитирован 27 июня 1989 года, и с него были сняты все обвинения, которые не имели никаких оснований.

О деду Михаиле я знал только по рассказам матери, Анастасии Михайловны Сеницыной (в девичестве Колокиной, 1909–1998), но для меня было важным установление правды о том, что произошло осенью 37-го, о приговоре М. И. Колокина и его реабилитации, спустя более полувека со времени исполнения приговора. Эти мои поиски — следствие того, что было заложено С. И. Малафеевым в нас, алексеевских школьников. Ведь «следопытство», как и любовь к Родине, — это не врожденное, а приобретенное, то, что связано с воспитанием в детстве и юности. Уроки любви к истории, полученные нами от умелого учителя, были важны для всех нас, молодых «следопытов».

Прошло семь десятилетий со времени создания С. И. Малафеевым поискового кружка в Алексеевке. Юные следопыты 1950–1960 годов давно стали бабушками и дедушками, а некоторые — прабабушками и прадедушками. Жизнь идет. Теперь могу сказать, что коллектив алексеевских «следопытов» разных поколений остался примером дружбы на всю жизнь. До сих пор я поддерживаю связь с участниками того малафеевского кружка, моими друзьями-«следопытами».

Результатом сбора материалов алексеевскими школьниками стала и «Летопись села Алексеевки», в подготовке которой есть малая толика труда каждого из нас, участников кружка. От имени всех алексеевских «следопытов» благодарю нашего наставника, историка и педагога Сергея Ивановича Малафеева, за его вклад в наше воспитание, за сохранение памяти об истории нашего села.

*А. Н. Сеницын,
участник алексеевского кружка
«Юные следопыты» в 1950-е годы*

УДК 821.161.1(092)

*А. А. Синицын**

НАША ОБЩАЯ ШВАМБРАНИЯ: К 120-летию советского детского писателя Л. А. Кассиля и 30-летию Музея Льва Кассиля в городе Энгельсе

В середине лета исполнилось 120 лет советскому детскому писателю Льву Абрамовичу Кассилю. 10 июля 2025 г., в день рождения своего прославленного земляка, в городе Энгельсе (бывший Покровск), в Музее Льва Кассиля, который располагается в доме, где жила семья Кассилей, на улице, которая ныне носит имя писателя, состоялся литературный праздник в честь автора «Кондуита и Швамбрании». В этом торжестве приняли участие работники музеев Саратова и Энгельса, писатели, художники, филологи, журналисты. Организаторы зачитали поздравления от многих швамбранцев, приславших свои письма кассилевцам. В статье публикуются три поздравительных текста, написанные профессором из Петрозаводска, исследователем детского фольклора, кассилеведом Софьей Михайловной Лойтер, американским профессором, специалистом по иранистике, почитателем творчества Льва Кассиля Джеймсом Расселлом и петербургским историком Александром Александровичем Синицыным. К юбилею писателя-земляка в Кассилевском музее организована выставка «С днем рождения, Адмирал!», на которой представлены поздравительные открытки 1960-х годов, хранящиеся в фондах музея Л. А. Кассиля. В нынешнем году круглую дату отметит и сам Дом-музей Льва Кассиля: 9 ноября 2025 г. исполнится 30 лет со дня открытия музея! Поздравляем работников музея с юбилеем, а всех нас — с юбилеем советского детского писателя, подарившего нам нашу общую Швамбрианию и десятки других замечательных книг!

Ключевые слова: Юбилей Льва Кассиля, советский детский писатель, Музей Льва Кассиля в городе Энгельсе, С. М. Лойтер, Джеймс Расселл, Швамбрания и швамбранцы, художественное наследие, поздравительные письма.

A. A. Sinitsyn

OUR SHVAMBRANIA:

*For the 120th Anniversary of L. A. Kassil
and the 30th Anniversary of the Kassil Museum in Engels*

In the summer of 2025, the 120th anniversary of Lev Abramovich Kassil (1905–1970), a Soviet children's writer, was celebrated. On 10th July, the writer's birthday, the Lev Kassil

* Синицын Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; aa.sinizin@mail.ru

Aleksandr A. Sinitsyn — PhD in History, Associate Professor, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky; aa.sinizin@mail.ru

Museum in the town of Engels (formerly Pokrovsk) organized a celebration in honour of the author of *Konduit and Shvambrania*. The museum is located in the street named after him, in the house where the Kassils used to live. This event brought together the museum representatives from Saratov and Engels, as well as writers, journalists, philologists, and artists. At the opening ceremony a lot of congratulatory messages from Shvambranians were read out. The article features three of them: sent by Sofia Mikhailovna Loiter, a professor from Petrozavodsk, researcher of children's folklore, expert on Kassil's works, James Russell, an American professor, specialist in Iranian studies, who highly esteems Lev Kassil's works, and Alexander Alexandrovich Sinitsyn, a historian from St. Petersburg. For the writer's anniversary the Lev Kassil Museum organized the exhibition called 'Happy birthday, Admiral!' which featured greeting postcards of the 1960s stored in the museum collection. On November 9, 2025, the museum celebrates its 30th anniversary! We congratulate the staff on the museum jubilee and everybody who loves the writer that gave us Shvambrania and dozens of other wonderful books!

Keywords: Lev Kassil's anniversary, Soviet children's writer, the Lev Kassil Museum, S. M. Loiter, James Russell, Shvambrania and Shvambranians, artistic legacy, congratulatory letters.

В середине лета советскому детскому писателю Льву Абрамовичу Кассилу (1905–1970), подарившему всем нам Швамбранию и другие страны, исполнилось 120 лет.

Большие торжества по случаю этого события прошли на родине писателя, в городе Энгельсе (бывший Покровск) Саратовской области. В день рождения своего прославленного земляка, 10 июля 2025 г., сотрудники Музея Льва Кассиля (филиал ГУК «Государственный музей К. А. Федина» в г. Саратове), — который располагается в доме, где жила семья Кассилей, на улице, которая ныне носит имя писателя, — организовали грандиозный литературный праздник в честь автора «Кондуита и Швамбрании». В этом мероприятии приняли участие работники музеев Саратова и Энгельса, писатели, художники, филологи, журналисты, музыкальные коллективы и местная детвора. Обзор о Кассилиуме был опубликован в энгельсской «Новой газете». Журналист и литератор Ольга Жогло в статье с задорным (по-кассилевски) названием «Как на Лёлькин день рожденья...» рассказала о кассилевской (касс-сильной!) атмосфере этого июльского праздника в Доме-музее, который носит имя писателя [1].

Как описывает О. В. Жогло, на швамбранском параде было много детей «в ярких разноцветных панамках и галстуках. Юбилей выдающегося детского писателя-земляка — такое пропустить было нельзя!» [1, с. 9] В городе выступали музыкальные коллективы, проводились викторины, экскурсии по музею, лекции, на которых сотрудники Дома-музея и ученые гости рассказывали о Льве Кассиле, его творчестве и героях произведений, придуманных знаменитым швамбранским адмиралом Арделяром Кейсом.

Организаторами литературного праздника в Энгельсе выступили работники Дома-музея Л. А. Кассиля во главе с директором Натальей Григорьевной Мещеряковой (рис. 3). На юбилей писателя было приглашено много гостей. Однако некоторые из приглашенных по разным причинам не смогли приехать на июльский Кассилиум, кто-то прислал поздравительные письма и телеграммы кассилевцам. Как мне рассказывала сотрудник музея Людмила Сергеевна Бобрук, все поступившие поздравления были зачитаны на общем заседании.

Рис. 1. Лев Абрамович Кассиль, 1960-е гг.

О присланных поздравлениях рассказывается в статье О. В. Жогло [1, с. 15], правда, с некоторыми неточностями: неверно сообщение о «необычном, редком и ценном подарке» — книге сказок, которую Дому-музею Кассиля прислал из США американский профессор Джеймс Расселл (здесь, по-видимому, lapsus memoriae журналистки).

К юбилею писателя-земляка в Кассилевском музее организована выставка «С днем рождения, Адмирал!», на которой представлены документы, хранящиеся в фондах музея Л. А. Кассиля. В начале августа мне удалось осмотреть эту выставку и пройти по всем комнатам-залам Дома-музея, с которым я связан уже многие годы. Моим экскурсоводом снова была Л. С. Бобрук (рис. 2). Юбилейная выставка оказалась небольшой, но разнообразной, содержательной и интересной. На ней представлены открытки, телеграммы, поздравительные листы со стихами и автографами советских писателей, поэтов, издателей и актеров середины — второй половины XX века; краткое описание выставки см. в статье О. В. Жогло [1, с. 9 и 15] (фотографии некоторых материалов представлены в Приложении к этой статье).

* * *

Во второй половине августа я с отцом, матерью и братом ездил в село Алексеевка Базарно-Карабулакского района Саратовской области, откуда родом мои родители. И когда мы с отцом зашли в Алексеевскую сельскую библиотеку, я был приятно удивлен, увидев в большом зале библиотеки выставку, посвященную 120-летию Л. А. Кассиля. Как рассказала заведующая Алексеевской

Рис. 2. Заведующая отделом учета и хранения Музея Льва Кассиля Л. С. Бобрук и А. А. Сеницын на выставке, посвященной 120-летию советского детского писателя.
Музей Льва Кассиля, г. Энгельс Саратовской области, август 2025 г.

Рис. 3. Справа налево: директор Музея Льва Кассиля Н. Г. Мещерякова, А. А. Сеницын, Полина Сеницына, Л. С. Сеницына.
Во дворе Дома-музея Л. А. Кассиля, г. Энгельс Саратовской области, август 2025 г.

библиотеки Оксана Петровна Теплякова, летом в библиотеке проводились литературные встречи с алексеевскими школьниками — библиотечные уроки на тему «Его герои, книги и друзья». К юбилею советского детского писателя Л. А. Кассиля (рис. 4 и 5). На них выступали ученики средних классов школы, они рассказывали о жизни и творчестве писателя Льва Кассиля, читали фрагменты из его повестей и рассказов. Были доклады с презентациями и сообщения в игровой форме. Эти встречи показали, что современные дети тоже интересуются произведениями советского писателя.

По моей просьбе О. П. Теплякова прислала краткое сообщение о мероприятиях, посвященных Л. А. Кассилю. Привожу этот текст полностью:

К 120-летию писателя Льва Кассиля в Алексеевской сельской библиотеке-филиале МБУК «Базарно-Карабулакская межпоселенческая центральная библиотека» для детей 3–6 классов состоялся библиотечный урок «Его герои, книги и друзья».

В ходе мероприятия библиотекарь рассказала об интересных фактах биографии Льва Кассиля — писателя, безгранично любившего детей, многогранного человека, обладавшего необыкновенной фантазией и воображением. Имя Льва Кассиля, бесспорно, знакомо каждому жителю Энгельсского района буквально с детства. С городом Энгельсом — в то время Покровском — известного советского писателя связывает многое. Здесь Лев Абрамович родился и жил, учился, познавал мир. И этот период своей биографии он увековечил в своих книгах.

Читатели узнали, что талантливому писателю принадлежит идея проведения «Книжных именин», которые чуть позже превратились в Неделю детской книги.

Лев Абрамович написал много рассказов, посвященных Великой Отечественной войне, когда он работал военным корреспондентом, выступал на радио, в воинских частях, школах, на предприятиях. За каждым из рассказов Л. А. Кассиля стоит реальная история о мужестве и героизме нашего народа на фронте и в тылу. Особое внимание было уделено книгам: «Улица младшего сына», «Главное войско», «Линия связи», «Зеленая веточка», «Все вернется», «У классной доски», «Отметки Риммы Лебедевой», «Держись, капитан!» и др.

Свои знания ребята смогли проверить, ответив на литературную викторину «Л. Кассиль. Военная проза для детей».

В библиотеке оформлена книжная выставка «Лев Кассиль — Страницы, опаленные войной». Произведения писателя актуальны и в настоящее время, они способствуют воспитанию нравственных качеств: решительности, стойкости, честности, чувства патриотизма. Участников мероприятия заинтересовали произведения Л. А. Кассиля о войне, и по окончании встречи ребята выразили желание их прочесть.

Именно с целью привлечения детей и подростков к творчеству и литературному наследию замечательного автора ребята приняли участие в V Межрегиональной акции «Лев Кассиль — писатель доброй мечты», которая проводится по инициативе Центральной библиотеки для детей и юношества им. Л. А. Кассиля МБУ «ЦБС ЭМР».

О. П. Теплякова показала диплом за участие в VI Литературной акции «Лев Кассиль — писатель доброй мечты», посвященной 120-летию со дня рождения

Рис. 4, 5. «Его герои, книги и друзья». Библиотечный урок в Алексеевской библиотеке, посвященный юбилею советского детского писателя Л. А. Кассиля. Ведущая — О. П. Теплякова. Июль, 2025 г.

Фото из архива Алексеевской сельской библиотеки-филиала МБУК «Базарно-Карабулакская межпоселенческая центральная библиотека»

писателя, подписанный Н. Н. Завалишиной — директором Муниципального бюджетного учреждения «Централизованная библиотечная система» Энгельсского муниципального района.

* * *

Ниже публикуются три поздравительных текста, написанные швамбранами из разных городов и стран (рис. 7–9): профессором из Петрозаводска, исследователем детского фольклора, признанным кассилеведом с семидесятилетним стажем (!) Софьей Михайловной Лойтер, американским читателем (и почитателем творчества) Льва Кассиля Джеймсом Расселлом и автором этого очерка А. А. Синицыным. Все трое поздравителей интересным образом оказались связаны между собой.

Лет десять тому назад, общаясь по переписке с американским профессором, специалистом по иранистике Джеймсом Расселлом (он тогда еще не был на пенсии и работал в Гарвардском университете), я рассказал, что мои родители живут на Волге. До этого мы с Джеймсом уже много лет общались по электронной почте, я опубликовал несколько статей Дж. Расселла, в общем, мы были знакомы давно, но, оказалось, еще мало знали друг друга. И вот я как-то рассказал американскому коллеге о том, что вырос в Энгельсе, который раньше назывался Покровском, а еще ранее — Покровской слободой, что дом моих родителей находится рядом с домом родителей Льва Кассиля, «советского детского писателя, которого ты, конечно, не знаешь...» — Примерно так закончил я. Дело в том, что американец Джеймс прекрасно знает русскую и советскую классику, хорошо говорит и пишет по-русски (да и на других языках народов СССР и не только), и все же я не мог представить, что он знаком с советской *детской* литературой. Каково же было мое удивление, когда Джеймс рассказал мне о письме Льву Кассилю, которое он (вместе со своим отцом) сочинил в детстве, когда ему было девять лет, после того как прочитал кассилевскую «Страну Швамбранию» на английском языке! Поверьте, это признание гарвардского профессора, известного ученого, филолога-ираниста, было, пожалуй, таким же потрясающим, как и само открытие Швамбрании (братьями Кассилями в начале прошлого столетия, а спустя лет 60 или 65, разумеется, через книгу Льва Абрамовича, — и мною самим, читателем «Кондуита и Швамбрании»). Потом Джеймс прислал мне отсканированную копию того письма Кассиля, которую я от его имени передал в музей. А еще чуть позже я написал про эту занимательную историю переписки писателя с американскими швамбранами и попросил Джеймса написать об этом его воспоминания. Наши материалы были напечатаны в 2018–2019 гг. на русском и английском языках в энгельсском, саратовском и петербургских журналах и сборниках: [13; 14; 15; 16; 17; 18; 20; 21; 22]. Про это я кратко рассказываю и в своем поздравительном слове, которое мы публикуем в нашем журнале.

С тех пор прошли годы. За это время возникли связи у работников Дома-музея Л. А. Кассиля с американским читателем-швамбраном, Дж. Расселл принимал участие в одном из прошлых Кассилиумов, проходившем в Энгельсе (к сожалению, только дистанционно, появившись перед аудиторией на экра-

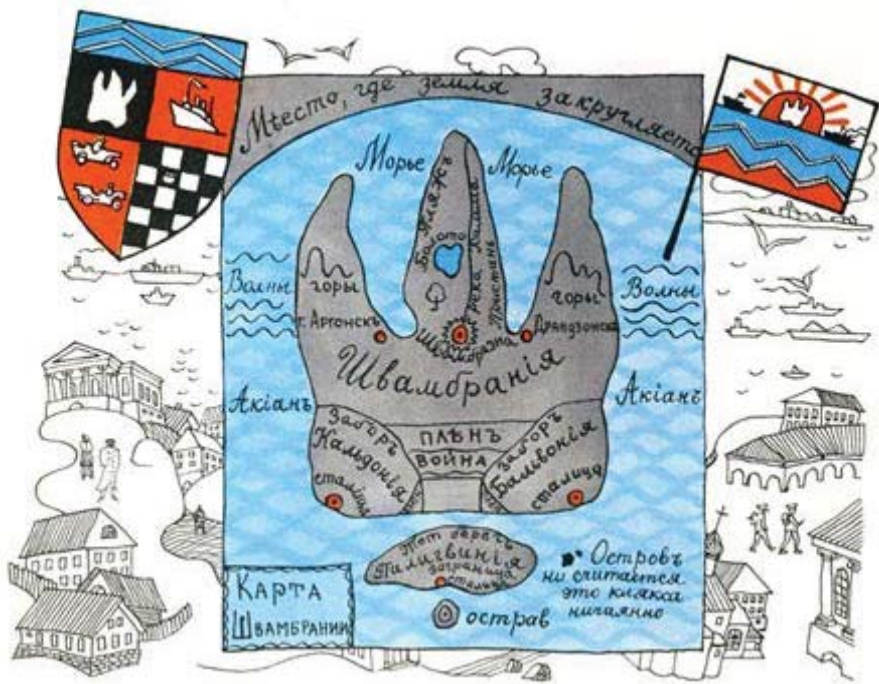

Рис. 6. Карта Швамбрании

не). Летом 2025 года Лев Кассиль, правнук советского писателя, носящий имя своего знаменитого предка, побывал в гостях у Дж. Расселла в Нью-Йорке. Так что швамбранские связи ширятся и крепнут!

Но это еще не всё. В январе нынешнего года я неожиданно получил письмо от профессора из Петрозаводска Софьи Михайловны Лойтер. Лойтер?.. Лойтер!.. Я был удивлен и сначала даже не поверил. Филолог, литературовед, писатель, фольклорист и кассилевед, Софья Михайловна Лойтер начинала заниматься детской прозой Льва Кассиля еще в 1950-е годы. Одной из первых ее публикаций — в 1957 году! — была статья о повести Кассиля «Ранний восход» [2]. В 1967 г. она защитила в Петрозаводском государственном университете кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля» [5]. (В скобках укажу à rporos, что все это было еще до моего рождения.) А в 1973 г. вышла монография С. М. Лойтер, посвященная творчеству детского писателя, с романтическим (швамбранским) названием «Там, за горизонтом... (Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля)» [7]. Эта книга, как и книги Л. А. Кассиля, в мои детские годы были в нашей домашней библиотеке. С. М. Лойтер принадлежит много других публикаций, посвященных Кассилю или связанных с его творчеством, языком, героями, художественными приемами [2; 3; 4; 6; 8; 9; 10; 11 и другие]; полный список работ С. М. Лойтер до 2024 г. представлен в библиографическом указателе, изданном петрозаводскими коллегами к юбилею профессора: [19], и здесь есть десятки

публикаций автора о Кассиле (и библиографические указатели произведений Льва Кассиля для школьников и проч.). Многие из этих кассилеведческих статей С. М. Лойтер мне были хорошо известны, на них я ссылался, когда готовил свои публикации о письмах Расселлов и Л. А. Кассиля. И тут — со мной связывается их автор!

В письме Софья Михайловна рассказала, что в Интернете нашла мои публикации о Кассиле и Расселлах, которые заинтересовали ее, а поскольку в публикациях указан e-mail автора, она решила написать и познакомиться. Я тут же откликнулся на ее послание, и у нас завязалась переписка. Я связал С. М. Лойтер с Дж. Расселом, с коллегами из музея Кассиля в Энгельсе, и так возникло электронное швамбранское пространство.

В мае мне написал Лев Кассиль, правнук писателя, которому я тут же ответил, переслав несколько своих и Дж. Расселла статей о писателе Л. Кассиле и включив электронный адрес Льва-младшего в общую рассылку корреспондентов-швамбранов (текст этого письма Л. Кассилю приводит в своей статье С. М. Лойтер: [12, с. 48–49]).

В июне симпатичная аспирантка Иоланта Сухоцкая, филолог-скандинавист из Петрозаводского университета, привезла мне в подарок от Софьи Михайловны четыре ее книги. А в середине лета 2025 г. в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета» вышла большая статья С. М. Лойтер «Всегдашнее возвращение в Швамбранию: к 120-летию Льва Кассиля» [12], в которой кассилевед рассказала о нашем знакомстве через Кассиля и там же опубликовала несколько наших писем [12, с. 45–49]. И автор публикации «Всегдашнее возвращение в Швамбранию...» задает риторический вопрос: «Не чудо ли это знакомство, эта встреча, а затем и дружба двух реальных известных ученых?!» [12, с. 47] Это про наш союз с Джемсом Расселлом, но я бы дополнил: не чудо ли встреча всех нас, верных швамбранов?! Удивительная история знакомств и пересечений, поистине достойная пера Льва Кассиля!

Так вышло, что в начале июля никто из нас троих не смог присутствовать в Энгельсе на праздновании юбилея писателя, но каждый прислал свои поздравительные письма на адрес сотрудников музея. И все поздравления были зачитаны кассилевцам. Здесь мы публикуем эти письма.

* * *

Состоявшиеся в июле в Энгельсе торжества по случаю 120-летия писателя-земляка, организованная выставка, публикации об этом в местной газете, поздравительные письма швамбранов, статья петрозаводского кассилеведа С. М. Лойтер, литературная акция «Лев Кассиль — писатель доброй мечты» и увиденная мною выставка в Алексеевской сельской библиотеке, посвященная юбилею Л. А. Кассиля, — все это свидетельствует о том, что ныне, как и прежде, Кассиль жив и актуален. Он также молод в свои 120 лет! И это потому, что в его произведениях представлена целая Вселенная Детства: истории о детях и взрослых, пионерах, спортсменах (Кассиль был футбольным болельщиком и большим поклонником спорта; теме советского спорта он посвятил ряд произведений), настоящих походах, пионерских лагерях, войне, а также истории

о вымышленных, не менее реальных, странах и морях. Можно с уверенностью сказать: литературные образы Л. А. Кассиля ничуть не устарели.

И это здорово, что нынешние взрослые рассказывают о детском писателе, с произведениями которого они знакомы многие десятилетия своей жизни.

Отмечу также, что в нынешнем году круглую дату празднует и Дом-музей Льва Кассиля. 9 ноября 2025 г. исполняется 30 лет со дня открытия музея!

Поздравляем работников музея с юбилеем, а всех нас — с юбилеем советского детского писателя, подарившего нам нашу общую Швамбранию и десятки других замечательных книг!

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА ШВАМБРАНОВ

С. М. Лойтер

С праздником, дорогие кассилевцы!

Рис. 7. Софья Михайловна Лойтер. Петрозаводск

Дорогие друзья!

120-летие Льва Абрамовича Кассиля — выдающегося детского писателя, вашего знаменитого земляка, оставившего великое и бесценное художественное наследие, — это настоящий праздник творчества, ума, добра и красоты. Именно эти качества утверждают его известные книги «Черемыш, брат героя», «Дорогие мои мальчишки», «Великое противостояние», «Вратарь республики», «Ранний восход», «Чаша гладиатора», «Ход белой королевы», «Будьте готовы, Ваше высочество!» и другие рассказы и повести. Самая яркая и талантливая книга писателя — «Кондуит и Швамбрания», у которой уникальная читательская жизнь и биография.

Все это творческое богатство отражает единственный в своем роде музей Льва Кассиля, созданный тридцать лет назад его сотрудниками, истинными

подвижниками, которые превратили провинциальный город на Волге в настоящий Центр Книги, наполнили его неповторимым содержанием и духовностью.

С праздником, нестареющий Лев Кассиль!

С праздником и юбилеем, музей Кассиля!

С праздником, замечательный город Энгельс!

*Софья Лойтер,
Петрозаводск*

Джеймс Расселл
Зачем мечтать и воображать?
(К 120-летию Льва Абрамовича Кассиля)

Рис. 8. Джеймс Расселл со своей кошкой Муркой.
Нью-Йорк, США

Дорогие товарищи!

В 1962 г. за несколько месяцев до Кубинского кризиса, когда СССР и США оказались на пороге ядерной войны, когда мне было восемь лет и я не заботился о войне, а мечтал о недавнем подвиге Юрия Гагарина, мой отец мне вручил английский перевод «Швамбрании». Эту книгу я прочел залпом, и у меня возник целый ряд вопросов к автору.

Мой отец родился в 1927 г., был ветераном Второй мировой войны, моряк, коммунист. Его отец, мой дедушка, был одним из основоположников Коммунистической партии США. Они слышали о репрессиях, культе личности, знали и уважали самоотверженный героизм Советского народа в Великой Отечественной войне, поэтому папа в дни хрущевской оттепели обратился в первую очередь к Союзу писателей с вопросом: жив ли Кассиль? Тогда не было возможности гуглить точный адрес, и папа направил свое письмо по адресу: Union of Soviet Writers, Moscow, USSR — в надежде, что письмо дойдет. Спустя несколько недель, к нам и на самом деле пришло письмо в конверте с серпом

и молотом. Да, Кассиль здесь, в Москве, — был ответ, — и Ваш сын может ему писать прямо по указанному нами адресу на улицу Воровского.

Потом, получив список моих вопросов, великий Кассиль прислал мне не просто письмо, а своего рода чудо-юдо-рыбу-кита, бодрое швамбранское послание, пропитанное храбростью, здравомыслием и добротой зубообразного континента, омываемого волнами реки Волги. Представьте, всё это совпадало со временем, когда всей планете угрожала разрушительная война!

Циники скажут, что эта переписка служила пропаганде, а я убежден, что ребенок и детский писатель преодолели мрачную силу подозрения и ненависти. Как бы там ни было, в итоге мой папа и Лев Абрамович открыли мне ворота в замечательную страну, в ноосферу великого русского языка, его бессмертной культуры, в реальную жизнь советских людей.

Теперь мне 71 год. Как говорится, иных уж нет, а те далеке. Но Русь жива! И мы с вами торжественно отмечаем день рождения любимого советского писателя, Льва Кассиля, волшебника наших детских дум.

Некоторые животные обладают врожденными качествами, рано расстаются с родителями, живут благодаря инстинктивному восприятию окружающего мира, в отличие от человека, которому суждено довольно долго учиться всему, что ему понадобится для самостоятельного существования. Но и это весьма условно, ибо человеческий род без общества, без тонкой сети всяческих отношений с другими жить не может. Для того чтобы справиться с жизнью не только физически, но и духовно, нам нужны и воображение, и мечта. Эти качества отнюдь не лишние и не праздные, наоборот, они способствуют личностному и общественному развитию человека. Почему человеческая жизнь и судьба складываются именно так? Не знаю, но думаю, что это связано не только с природой, но и с закулисным автором — с Богом. Наше сознание и совесть утверждают эту правду и признают преемственность как истину.

Наш жизненный путь порой тернистый, но мы идем вперед. Россия ценит и поощряет творческий дар своих талантливых детских писателей: Чуковского, Кассиля, Гайдара, Маршака и многих других. Дело просвещения и образования молодого поколения у нас основывается, каким бы невероятным это не представлялось, именно на мечтательности, на художественном воображении. Они и есть источники подлинной соборности, духовности и любви — тех качеств, которые формируют культуру. Вот почему тогда, в начале 1960-х годов, пожилой человек с трепетом и заботой написал письмо юному читателю, находящемуся за тридевятью морями. Вот почему *Швамброния*, как пространство нравственного поиска, свободы и детской мечты, входит в духовное наследие Пушкина, Толстого, Достоевского. Вот почему нас аршином общим не измерить, не отменить и не вычеркнуть из истории, вот почему мы всегда будем вместе — несмотря ни на что!

Слава бессмертной памяти верному сыну Страны Советов — Русскому Писателю Льву Абрамовичу Кассилю!

С праздником товарищи швамбранцы, братья и сестры!

*Джеймс Расселл,
Нью-Йорк, США*

А. А. Сеницын
Три минуты до Швамбрании.
Письмо-поздравление к юбилею
писателя Льва Кассиля и юбилею музея его имени

Рис. 9. Александр Александрович Сеницын.
Санкт-Петербург

Три минуты до Швамбрании. И в самом деле, по времени примерно столько пешком от дома моих родителей до дома Кассилей — от дома номер 1 в Зеленом переулке до Музея Льва Кассиля, расположенного на улице, которая ныне носит имя писателя.

Мои отрочество и юность в Энгельсе пришлись на вторую половину 1980-х и первую половину 1990-х годов. В моем детстве читали все. И, конечно, читали произведения Кассиля: «Черемыш — брат героя», «Улица младшего сына», «Вратарь республики», «Ход белой королевы», «Будьте готовы, Ваше высочество» и другие. Но перво-наперво, читали и по несколько раз перечитывали его первую большую повесть «Кондуит и Швамбрания». Уже тогда, в наши восьмидесятые годы прошлого века, Лев Кассиль был классиком детской литературы. Как и большинство советских детей, мы знали его книги, рассказывавшие о таких же, как и мы сами, мальчишках. Мы с моим младшим братом Сергеем играли в Швамбранию — занимательную и познавательную игру, которую в начале прошлого столетия придумали дети из Покровска Лёля и Оська. Мы и сами выдумывали свои детские игры про историю с географией, дальние страны, моря, неведомых чудищ и поиски сокровищ.

В юности, гуляя по своему району в Энгельсе, я тысячи раз проходил мимо двухэтажного кирпичного здания с небольшой прилегающей территорией на улице Льва Кассиля. Мы знали, что это дом родителей известного детского писателя. В 1995 г. в этом доме был открыт музей. Ныне Музей Л. А. Кассиля известен во всей России. Этот музей — целая сказочно-реальная планета,

на которой обитают не только герои кассилевских книг, но и проходят литературные чтения, выставки, конференции. Этой небольшой планетой заведуют замечательные люди — музейные работники, хранители памяти о нашем писателе и открытой им Швамбрании.

Вот уже полтора десятилетия я с семьей живу в Петербурге. Но в каждый свой приезд на Родину стараюсь побывать в Доме Кассиля. Несколько раз я приволил в музей дочку, жену, своих друзей. На праздничных мероприятиях в музее были и мои родители. Ведь кассилевский мир — это детство на всю жизнь!

В праздник Кассиля я расскажу одну интересную историю — реальную и одновременно почти невероятную. У меня есть американский друг Джеймс Расселл. Он большой ученый, знает много языков и занимается наукой — иранистикой. Четверть века Джеймс был профессором Гарвардского университета, где преподавал языки, философию и религиоведение. Сейчас Джеймсу Расселлу 72 года, он давно уже на пенсии и живет в Нью Йорке со своей кошкой Муркой. Джеймс объездил полмира. Он любит русский язык и хорошо знаком с русской культурой — поэзией, прозой, философией, кинематографом и музыкой (в том числе и современной: переводит с русского на английский язык песни Виктора Цоя, Егора Летова и других авторов). Как говорится, «значит, нужные книги в детстве читал!» С конца 1960-х годов и до конца 2010-х годов Джеймс Расселл много раз бывал в СССР и постсоветской России. Он посетил многие уголки нашей великой Родины, правда, пока еще не побывал на Саратовщине. Так вот, десять лет назад я узнал от своего американского друга, что в начале 1960-х годов, будучи еще мальчиком, он прочитал книгу Льва Кассиля «Страна Швамбрания». Эту книгу на английском языке, изданную в 1935 году, восьмилетнему Джеймсу подарил его отец, которому в середине 1930-х годов подарил эту же самую книгу его отец, дед Джеймса. И книга про Швамбранию Джеймсу так понравилась, что он вместе со своим папой написал письмо в СССР — детскому писателю Кассилю. А Лев Абрамович, получив из США письмо Расселлов, написал им ответ. История, рассказанная профессором Расселлом, меня впечатлила! В 2017 году я передал в архив Музея Кассиля копии писем Расселлов и Кассиля. Проведя исследование, связанное с перепиской американских швамбранцев и нашего автора Швамбрании, в 2018 году я подготовил и опубликовал несколько статей, в которых рассказал об этой удивительной истории.

С тех пор и сам Джеймс поддерживает отношения с Музеем Кассиля, правда, по переписке. Однажды он даже выступил по видеосвязи на конференции, организованной кассилевцами. Так оказалось, что книга про детскую игру может быть важной связующей нитью между людьми, говорящими на разных языках (маленький Джимми тогда еще не знал русского) и живущими на разных континентах. И это один из многих примеров того, как детская литература способна создавать мосты между народами и культурами.

Вот такая история с продолжением. Я очень надеюсь, что сбудется мечта американского швамбрана Расселла — и однажды он придет к нам на Волгу: посетит Саратов, побывает в легендарном городе-герое Волгограде (Сталинграде), где произошло величайшее сражение советского народа с европейской нечистью — сражение, ставшее переломным моментом всей Второй мировой

войны. Верю, что наш гость побывает и в городе Энгельсе (Покровске), где родился его любимый писатель детства. Да будет так!

10 июля 2025 года писателю Льву Кассилю исполняется 120 лет! Поздравляю всех нас с юбилеем автора, подарившего всем нам замечательные книги о детстве! Пусть игры в детскую страну продолжают и множатся! И в этом году исполняется 30 лет Музею Кассиля — уникальному хранилищу памяти о писателе и месту интересных встреч. Поздравляю своих друзей, музейных работников, и всех кассилевцев, несущих огонь мечты!

*Александр Сеницын,
Санкт-Петербург*

ПРИЛОЖЕНИЕ

К СТАТЬЕ А. А. СИНИЦЫНА «НАША ОБЩАЯ ШВАМБРАНИЯ»

*(Экспонаты выставки поздравительных открыток
из фондов музея Л. А. Кассиля «С днем рождения, Адмирал!»)**

* Фотографии экспонатов сделаны А. А. Сеницыным с разрешения сотрудников Дома-музея Л. А. Кассиля во время экскурсии в августе 2025 г.

ПИСАТЕЛЬ
лауреат Сталинской премии
Сергей Владимирович МИХАЛНОВ

Льву КАСИЛЮ

Полсотни лет! Чего же боле?
Как за здоровьем не следить!?

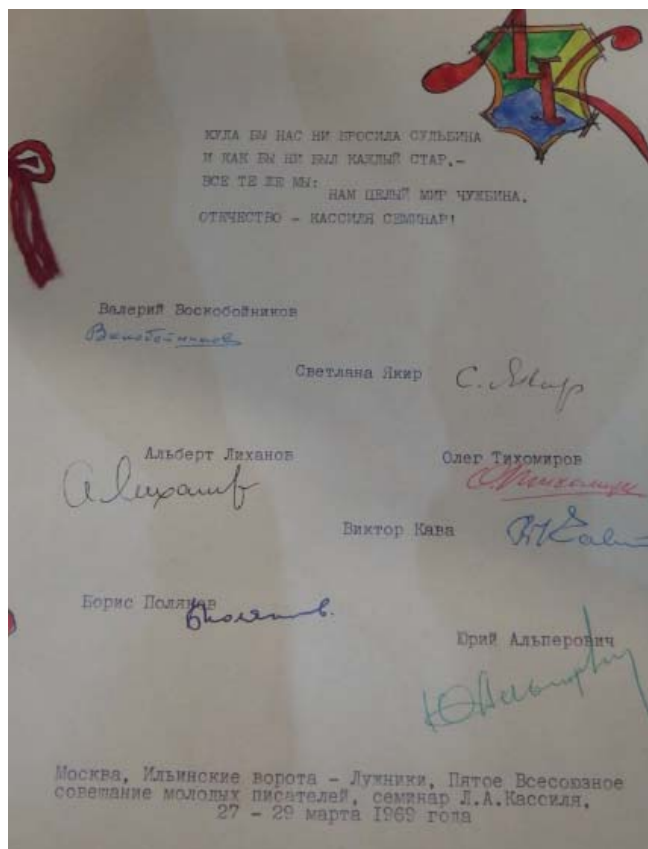
Теперь, пожалуй, с алкоголя
Вера на чай переходить!

Как Ваш с) соратник и начальник,
Что с Вами) столько лет знаком,
Я Вам) дарю китайский чайник!
Китайский чайник... с коньяком!

Чтоб Вы к работе не остыли,
Чтоб горячее кровь была!
Чтоб не от... чайными были
В московской секции дела!

*) Для вежливости.

19. XII 55. *С. Михалков*

ЛИТЕРАТУРА

1. Жогло О. Как на Лёлькин день рождения... // Новая газета. Энгельс. 2025. № 28. 22 июля. С. 9, 15.
2. Лойтер С. М. Повесть Л. Кассила «Ранний восход» // Сборник научных работ студентов Петрозаводского государственного университета. Вып. 4. Петрозаводск, 1957. С. 13–25.
3. Лойтер С. М. Открытие неведомых стран (О творчестве Л. Кассила) // О литературе для детей: сб. ст. Вып. 10. Л.: Детская литература, 1965. С. 65–82.
4. Лойтер С. М. Сагира и романтика в повести Л. Кассила «Кондуит и Швамбрания» // Ученые записки Карельского педагогического института. 1967. Т. 18: Вопросы литературы. С. 89–99.
5. Лойтер С. М. Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассила: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1967.
6. Лойтер С. М. Искусство как поведение (К проблеме творческого характера в повести Л. А. Кассила «Ранний восход») // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Гуманитарные науки. 1969. Т. 366. С. 245–257.

7. *Лойтер С. М.* Там, за горизонтом... (Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля). М.: Детская литература, 1973.
8. *Лойтер С. М.* Юмор «Кондуита и Швамбрании» Л. Кассиля и детский фольклор // Жизнь и творчество Льва Кассиля / отв. ред. Л. Разгон; вступ. ст. и коммент. А. Барто. М.: Детская литература, 1979. С. 189–202.
9. *Лойтер С. М.* Л. Кассиль — критик детской литературы (К 75-летию со дня рождения) // Проблемы детской литературы: межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1981. С. 13–20.
10. *Лойтер С. М.* Письма и встречи (к 105-летию Л. Кассиля) // Кормановские чтения-9: статьи и материалы межвузовской научной конференции. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2010. Вып. 9. С. 464–477.
11. *Лойтер С. М.* «Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля: история текста // Детские чтения. 2022. Т. 22, № 2. С. 388–403.
12. *Лойтер С. М.* Всегдашнее возвращение в Швамбранию: к 120-летию Льва Кассиля // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 43–54.
13. *Расселл Д. Р.* Возвращение в Швамбранию // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2018. Вып. 17. С. 219–224.
14. *Синицын А. А.* Швамбранцы from USA (предисловие к публикации двух интересных писем) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2018. Вып. 17. С. 176–212.
15. *Синицын А. А.* Из переписки швамбранцев (публикация писем и комментарии к ним) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2018. Вып. 17. С. 213–218.
16. *Синицын А. А.* «Я трижды салютую в твою честь флагом Швамбрании!» (переписка Л. А. Кассиля с американскими читателями) // Книга должна быть намагниченной (Кассилевские чтения): материалы Всероссийской конференции, 23–24 октября 2018 года, г. Энгельс. Вып. 1 / под ред. О. А. Щегловой. Энгельс: Музей Л. А. Кассиля; Саратов: Амирит, 2018. С. 55–57.
17. *Синицын А. А.* Публикация и комментариев к источникам: Переписка Расселлов и Кассиля // Книга должна быть намагниченной (Кассилевские чтения): материалы Всероссийской конференции, 23–24 октября 2018 года, г. Энгельс. Вып. 1 / под ред. О. А. Щегловой. Энгельс: Музей Л. А. Кассиля; Саратов: Амирит, 2018. С. 58–62.
18. *Синицын А. А.* «Книжные мальчики» советской детской литературы, или Еще одна «Великая тайна Швамбрании» // Homo loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 13–14 апреля 2018 г.: сборник материалов, докладов и сообщений. Электронное научное издание. Вып. 3 / отв. ред. О. Г. Оленчук. СПб.: Изд-во РХГА, 2018. С. 24–47.
19. Софья Михайловна Лойтер: библиографический указатель / ред.-библиогр.: Т. П. Немцева (отв. ред.), К. С. Ицкарь, Н. В. Ровенко; авт. вступ. ст. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2024.
20. *Russell J. R.* Return to Shvambrania // *Judaica Petropolitana*. 2019. Vol. 12. P. 217–226.
21. *Sinitsyn A. A.* Shvambrania forever! (An Introduction to the Publication of Two Interesting Letters) // *Judaica Petropolitana*. 2019. Vol. 12. P. 157–205.
22. *Sinitsyn A. A.* USA — USSR — USA: Correspondence between the Shvambranians // *Judaica Petropolitana*. 2019. Vol. 12. P. 206–216.

REFERENCES

1. Zhoglo, O. (2025) Like on Lyolka's Birthday... *Novaya gazeta*. Engels, no. 28, July 22, pp. 9, 15. (In Russian).
2. Loiter, S. M. (1957) L. Kassil's Story 'Early Sunrise'. *Collection of Scientific Works of Students of Petrozavodsk State University*. Iss. 4. Petrozavodsk, pp. 13–25. (In Russian).
3. Loiter, S. M. (1965) Discovery of Unknown Countries (On the Works of L. Kassil). *O literature dlya detey: sbornik statey*. Iss. 10. Leningrad, Detskaya literatura, pp. 65–82. (In Russian).
4. Loiter, S. M. (1967) Satire and Romanticism in L. Kassil's Story 'Conduit and Shvambraniya'. *Proceedings of the Karelian State Pedagogical Institute*, vol. 18, pp. 89–99. (In Russian).
5. Loiter, S. M. (1967) *Problems of the Romantic in the works of L. A. Kassil*: Ph. D. thesis. Petrozavodsk. (In Russian).
6. Loiter, S. M. (1969) Art as Behavior (On the Problem of Creative Character in L. A. Kassil's Story 'Early Sunrise'). *Proceedings of the Leningrad Pedagogical Institute named after A. I. Herzen*. Humanities, vol. 366, pp. 245–257. (In Russian).
7. Loiter, S. M. (1973) *There, Beyond the Horizon... (Problems of the Romantic in L. A. Kassil's Works)*. Moscow, Detskaya literatura. (In Russian).
8. Loiter, S. M. (1979) The Humor of Lev Kassil's 'Conduit and Shvambraniya' and Children's Folklore. *Zhizn' i tvorchestvo L'va Kassilya*. Ed. by L. Razgon. Moscow, Detskaya literatura, pp. 189–202. (In Russian).
9. Loiter, S. M. (1981) L. Kassil as a Critic of Children's Literature (On the 75th Anniversary of His Birth). *Problemy detskoy literatury*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., pp. 13–20. (In Russian).
10. Loiter, S. M. (2010) Letters and Meetings (On the 105th Anniversary of L. Kassil). *Kormanovskie chteniya-9: stat'i i materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii*. Iss. 9. Izhevsk, Udmurt State University, pp. 464–477. (In Russian).
11. Loiter, S. M. (2022) 'Conduit and Shvambraniya' by Lev Kassil: History of the Text. *Detskie chteniya*, vol. 22, no. 2, pp. 388–403. (In Russian).
12. Loiter, S. M. (2025) The Everlasting Return to Shvambrania: On the 120th Anniversary of Lev Kassil. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, vol. 45, no. 7, pp. 43–54. (In Russian).
13. Russell, J. (2018) Return to Shvambranya. *History and Historical Memory: The interuniversity collection of proceedings*. Ed. by A. V. Gladyshev. Saratov, Saratov State University, iss. 17, pp. 219–224. (In Russian).
14. Sinitsyn, A. A. (2018) Shvambrantsy from the USA (Preface to the Publication of Two Interesting Letters). *History and Historical Memory: The interuniversity collection of proceedings*. Ed. by A. V. Gladyshev. Saratov, Saratov State University, iss. 17, pp. 176–212. (In Russian).
15. Sinitsyn, A. A. (2018) From the Correspondence of the Shvambrans (Publication of Letters and Comments on Them). *History and Historical Memory: The interuniversity collection of proceedings*. Ed. by A. V. Gladyshev. Saratov, Saratov State University, iss. 17, pp. 213–218. (In Russian).
16. Sinitsyn, A. A. (2018) 'I Salute You Three Times with the Flag of Shvambrania!' (Correspondence Between L. A. Kassil and American Readers). *Kniga dolzhna byt' namagnichennoy (Kassilevskie chteniya)*, 23–24 Oct., Engels. Iss. 1. Ed. by O. A. Shcheglova. Engels, Muzei L. A. Kassilya; Saratov, Amiriy, pp. 55–57. (In Russian).
17. Sinitsyn, A. A. (2018) Publication and Commentary on Sources: Correspondence Between the Russells and Kassil. *Kniga dolzhna byt' namagnichennoy (Kassilevskie chteniya)*, 23–24 Oct., Engels. Iss. 1. Ed. by O. A. Shcheglova. Engels, Muzei L. A. Kassilya; Saratov, Amiriy, pp. 58–62. (In Russian).

18. Sinitsyn, A. A. (2018) 'Book Boys' in Soviet Children's Literature, or Another 'Great Mystery of Shvambrania'. *Homo loquens: Language and Culture. Dialogue of Cultures in an Open World*. Iss. 3. St. Petersburg, RCAH Publ., pp. 24–47. (In Russian).
19. *Sofia Mikhaylovna Loyter: Bibliographic index* (2024). Ed. by T. P. Nemtseva. Petrozavodsk, PetrSU Publ. (In Russian).
20. Russell, J. R. (2019) Return to Shvambrania. *Judaica Petropolitana*, vol. 12, pp. 217–226.
21. Sinitsyn, A. A. (2019) Shvambrania Forever! (An Introduction to the Publication of Two Interesting Letters). *Judaica Petropolitana*, vol. 12, pp. 157–205.
22. Sinitsyn, A. A. (2019) USA — USSR — USA: Correspondence Between the Shvambranians. *Judaica Petropolitana*, vol. 12, pp. 206–216.

*Н. С. Широглазова**

**ИТОГИ X ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«НОМО LOQUENS: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА»**

В Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского 17 апреля 2025 года состоялась юбилейная X всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Номo loquens: язык и культура».

С приветственным словом выступили кандидат педагогических наук, проректор по развитию образовательных программ и молодежной политике РХГА *Мальчукова Анастасия Леонидовна* и кандидат филологических наук, заведующий кафедрой Зарубежной филологии и лингводидактики РХГА *Широглазова Наталья Сергеевна*. Было отмечено, что вначале проводимые в рамках конференции мероприятия носили локальный характер и были узкоспециализированными, связанными главным образом с языком и филологическими исследованиями. Постепенно конференция приобрела статус междисциплинарной, что привлекло большое количество новых участников. Ежегодно конференция становится площадкой для апробации научных работ молодых исследователей — студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

На пленарном заседании с докладом выступила доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии и лингводидактики РХГА *Елена Евгеньевна Бразговская*. Тема доклада «Семиотический порог: языки перед пространством неочевидного» вызвала живой интерес слушателей. Ключевой тезис доклада заключался в том, что семиотические пороги гра-

* Широглазова Наталья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой зарубежной филологии и лингводидактики Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского; natalya.shiroglazova@mail.ru

Natalia S. Shiroglazova — PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Philology and Linguodidactics of the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky; natalya.shiroglazova@mail.ru

ничивают человеческое познание и коммуникацию. Эти пороги проявляются в различных формах, таких как порог между знаком и вещью, порог между языками человека и искусственного интеллекта, порог между человеческим языком и языком Бога. Визуальная теология и метафорическое мышление могут помочь преодолеть эти пороги. Семиотические пороги неизбежны и представляют собой репрезентативные ограничения языков. Однако они также являются стимулом для развития человеческого познания и творчества. Визуальные образы и метафоры могут служить мостами между непостижимыми концептами и человеческим пониманием.

Филичева Надежда Викторовна, доктор философских наук, искусствовед, профессор кафедры культурологии, педагогики и искусств РХГА выступила с докладом «Стиль ART DECO в мировом пространстве культуры (1925–2025)», посвященном 100-летию юбилею этого направления в искусстве. В докладе отмечена важная роль, которую Art deco играет в мировом пространстве культуры и оказывает влияние на современное искусство. С этим стилем связан первый выход советского искусства на международную арену.

Хацкевич Татьяна Маратовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии и лингводидактики РХГА представила доклад «Эволюция образа “другого” в английской литературе». Образ *чужого* проходит долгий путь трансформации от зооморфного, враждебного и пугающего до антропоморфного, осмысленного и даже привлекательного. Изначально *чужой* олицетворял природные стихии и животных, затем стал воплощаться в образах богов, мифических существ, врагов и антагонистов. С развитием культуры и государства появляется «национальный чужой», а затем происходит переосмысление: *чужой* превращается в *другого* — того, кого стремятся понять, чьи черты могут быть заимствованы и восприняты положительно. Постепенно *другой* получает голос, личную историю, становится равноправным персонажем. Эта эволюция отражает изменение отношения общества к инаковости: от страха и вражды к диалогу и интересу.

Работа секций конференции была насыщенной и в целом отражала дискуссионный характер рассматриваемых вопросов.

На секции «Актуальные вопросы романистики», которая прошла под руководством кандидата филологических наук, доцента РХГА, старшего преподавателя кафедры романской филологии СПбГУ *Ч. Пило Боил ди Путифигари*, обсуждались вопросы романской филологии, фонетики, лексикологии, методики преподавания романских языков. На заседании секции был представлен доклад *Кампос да Силвейра Гильерме*, директора языковой школы (Бразилия) «Трудности перевода с итальянского на португальский (на материале романа *Storia di una città fantasma*)». С докладами выступили преподаватели кафедры зарубежной филологии и лингводидактики *О. Р. Прощенок-Кальнина* «Трудности изучения близкородственных языков (на материале французского, итальянского и испанского)», *М. А. Кедрова* «Открытые и закрытые гласные “е” и “о” в глаголах на начальном этапе изучения итальянского языка: лингводидактический аспект», а также студенты итальянского отделения.

Работа секции «Восточная мозаика» была посвящена проблемам переводческой деятельности в области японского языка и литературы, обсуждению

особенностей японской литературы и культуры, своеобразием восточных духовных практик. Отмечено высокое качество доклада студента 4 курса А. А. Ищук «Семантическое сжатие информации в японских поэтических текстах», а также практическая значимость доклада студентки выпускного курса В. Р. Сюднюковой «Опыт создания русско-японского глоссария».

На секции «Голоса молодых» были заслушаны доклады студентов-филологов 4 курса факультета мировых языков и культур. Спектр обсуждаемых вопросов был чрезвычайно разнообразен. Часть докладов была посвящена истории английского языка и литературы, другие — проблемам перевода, стилистики и лингвокультурологического анализа текста, а также методике преподавания иностранных языков. Часть работ была посвящена изучению произведений, представленных достаточно новыми литературными жанрами, в частности автофикшн и эпопеизацией. Слушатели отметили ряд докладов, авторы которых показали высокий уровень теоретической подготовки. Высокую оценку получили научные презентации П. К. Шаханова «Литературные приемы постмодернизма в современной британской поэзии (на примере произведений Ш. О'Брайена)», Д. А. Бурмистровой «Способы передачи лексико-стилистических особенностей древнего текста при диахроническом внутриязыковом переводе (на материале перевода поэмы «Беовульф» Марии Дахваны Хэдли)», Е. В. Собиной «Вербализация визуального текста: когнитивно-семиотический аспект».

Впервые на конференции была организована работа секции «Вопросы школьной педагогики: формирование компетенций для профессий будущего», куратором которой выступила проректор РОП и МП РХГА кандидат педагогических наук А. Л. Мальчукова. Необходимость новой секции обусловлена процессами масштабных изменений в области отечественной системы образования. Неудивительно, что состав докладчиков был разнообразен. Своё видение проблем и их решений в области образования представили преподаватели и студенты РХГА, учителя школ, независимые исследователи. Важной частью работы секции стала апробация научных исследований аспирантами РХГА.

17 апреля в Академии Достоевского в рамках конференции «*Nomo loquens*» впервые работала секция «Школьная пора: проектная деятельность старшеклассников» — дебютное событие в рамках Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции «*Nomo loquens*: язык и культура» с международным участием. Курировала секцию Л. Е. Лукина, кандидат педагогических наук, доцент РХГА. Участники — ученики 9–11 классов из Санкт-Петербурга и Ленинградской области — представили свои исследования на самые разные темы: психология творчества, история и филология, педагогика, экология, методика преподавания иностранных языков. Ребята анализировали литературные тексты, проводили опросы, делали лингвистические разборы, лабораторные исследования и даже выступали на английском языке, примером чему стал доклад «How can you speak about your emotions using idioms?». Особенно порадовали творческий подход и оригинальность проектов: «Исследование образа Петра III», «Цветопись в раннем творчестве Б. К. Зайцева», «Борьба с тревожностью через искусство», «Сохранение Полюстровских прудов». Каждое выступление сопровождалось яркой презентацией, а некоторые участники

подготовили полезные материалы: методические рекомендации, обращения к горожанам и авторские наработки для педагогов. Интерес, живое обсуждение, искренние вопросы и уверенные ответы — всё это оставило яркое впечатление и напомнило: наука — это интересно.

Многие участники отметили работу секции «ART DECO (1925–2025): Символы. Образы. Современность» под руководством доктора философских наук, искусствоведа, профессора РХГА *Н. В. Филичевой*. С докладами выступили преподаватели и студенты РХГА и других вузов Санкт-Петербурга, независимые исследователи. Презентации были посвящены разным областям культуры, в которых нашли выражения принципы Ар-деко: архитектура, живопись, музыка, кино, ювелирное искусство, дизайн мебели, мода в одежде и парфюмерии, современная массовая культура. Некоторые доклады были о выдающихся деятелях этого направления, среди них Вера Мухина, Тамара де Лемпицка, Константин Мельников, Ле Корбюзье, Рене Лалик.

Литературе разных стран и эпох была посвящена секция «Литература в зеркале философского осмысления» под руководством кандидата философских наук, доцента кафедры философии, религиоведения и педагогики РХГА *О. А. Коваль*. На секции выступили преподаватели и студенты РХГА и других вузов. Прозвучали доклады «Проблема легитимации художественного текста» (кандидата философских наук *К. В. Лощевского*, СПбГУП), «Философский жест писца Бартлби: Агамбен читает Мелвилла» (кандидата философских наук *Е. Б. Крюкова*, СПб), «Неузнанный двойник: Патрокл, Пенфей, Телефрон» (кандидата философских наук *Е. С. Юрина*, РХГА).

О. А. Защиринская, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психотравматологии РХГА, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии СПбГУ, доцент кафедры клинической психологии и психологической помощи РГПУ им. А. И. Герцена курировала работу секции «Потенциал человека в социальной и языковой среде. Альтернативная и дополнительная коммуникация». Секция была посвящена исследованиям, выполненным за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>. В рамках гранта были представлены работы «Правовые и социальные аспекты инклюзивного образования лиц с нарушением интеллекта» (*О. А. Защиринская*), «Перспективы и риски использования альтернативной и дополнительной коммуникации в цифровой среде» (*П. А. Белимова*, научный сотрудник кафедры психотравматологии РХГА, инженер Центра юзабилити и смешанной реальности Университета ИТМО, Санкт-Петербург), «Эффективность методов альтернативной коммуникации в образовательном процессе школьников с нарушением интеллектуального развития» (*А. Н. Малахова*, кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психотравматологии РХГА, педагог-психолог ГБОУ СОШ № 17 Невского района, Санкт-Петербург), «Социально-психологический аспект коммуникации в динамично меняющемся современном мире» (*М. М. Защиринский*, аспирант, научный сотрудник кафедры психотравматологии РХГА; психолог Информационного-консультационного центра «Психометрика», Санкт-Петербург). На секции также выступили аспиранты, магистранты и студенты бакалавриата РХГА и других вузов. В рамках работы секции был

проведен круглый стол на тему «Альтернативная пиктографическая коммуникация и специфика её применения для лиц с нарушением интеллекта».

Еще один круглый стол на конференции был посвящен Аристотелю «Аристотель в России: проблемы рецепции и интерпретации», который курировала *Е. В. Алымова*, кандидат философских наук, доцент Института философии СПбГУ и РХГА и который проводился в рамках гранта Российского научного фонда № 24–28–01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>. Руководитель секции представила доклад на тему «Об одном переводе «Поэтики» Аристотеля: Н. Г. Чернышевский как литературный критик». Также в грант вошли исследования «История переводов Аристотеля на русский язык» (*С. В. Караваяева*, кандидат философских наук, доцент Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова, доцент РХГА), «Аристотель в “Письмах об изучении природы” А. И. Герцена» (*С. П. Выскубов*, кандидат исторических наук, главный хранитель музейных предметов, Санкт-Петербургский музей истории профессионального образования ГБУДО «Дворец учащейся молодежи СПб»), «Понимание платонизма через призму критики Аристотеля: опыт А. Ф. Лосева» (*А. Д. Махнов*, аспирант РХГА). В секции приняли участие студенты Института философии СПбГУ.

В рамках конференции состоялся Круглый стол «Столетие Ленинграда», посвященный культуре советской эпохи. Его модераторами были доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена, профессор кафедры культурологии, педагогики и искусств РХГА *А. А. Суворова* и кандидат культурологии, заведующий кафедрой культурологии, педагогики и искусств РХГА, доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ ВШПМ СПб ГУПТД *В. Б. Высоцкий*. Обсуждались следующие вопросы: архитектура советского Ленинграда, Ленинградская школа графики, нонконформистское искусство Ленинграда, культурные процессы Блокадного Ленинграда. В дискуссии принимали участие доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры СПб ГИК, профессор кафедры КПИ РХГА *Н. Н. Суворов*, член Союза художников России *М. А. Бычков*, кандидат социологических наук, доцент кафедры КПИ РХГА *Г. Ю. Чурин*, ассистент кафедры КПИ РХГА *А. А. Пиотровская*, начальник выставочного отдела ЦВЗ «Манеж», старший преподаватель кафедры КПИ РХГА *Е. А. Павлычева*, заведующий экспозиционно-выставочного отдела государственного музея «Царскосельская коллекция» *А. А. Кузнецов*, ассистент кафедры КПИ РХГА *Е. О. Макеева*. Особенно интересными были сообщения о ленинградской книжной графике, деятельности Академии художеств в годы Великой Отечественной войны, о сохранении рядовой застройки «сталинской» архитектуры, о музеефикации фрески Шолома Шварца «Лучники», о выставке работ Веры Ермолаевой, о деятельности ЦВЗ «Манеж» в перестроечное время, о передаче в МИСП фондов Музея нонконформистского искусства. В рамках работы секции прошло торжественное открытие художественной выставки работ *Михаила Бычкова* «Иллюстрации к роману Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”». Михаил Бычков — один из самых ярких иллюстраторов современности. Книги, оформленные им с тщательным вниманием к деталям, чуткостью и глубочайшим погружением в текст, обретают душу и незабыва-

емую индивидуальность: в них каждый элемент подчинен замыслу художника, слово и рисунок превращаются в единое целое. Книги с иллюстрациями художника с неизменным успехом издаются в России и за рубежом. Михаил Бычков — обладатель многочисленных российских и международных наград. Произведения художника хранятся в Русском музее, музее Ф. М. Достоевского, музее Л. Н. Толстого, других российских музеях и частных собраниях, а также в зарубежных коллекциях.

В рамках конференции «*Nomo loquens: язык и культура*» была организована конференция «Эстетика азиатского кинематографа» при поддержке журнала «*Terra Aestheticae*» Российского эстетического общества. Модераторы конференции: *В. А. Егоров*, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики РХГА; *Е. С. Некрасова*, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург); *С. Б. Никонова*, доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и теории искусства Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой, профессор кафедры философии, богословия и религиоведения РХГА. На конференции выступили преподаватели, студенты и аспиранты Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург), Колледжа РХГА, Школы искусств и культурного наследия Европейского университета (Санкт-Петербург), Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой, независимые исследователи. Доклады были посвящены кинематографу Японии, Китая, Кореи, Казахстана и Узбекистана.

За десять лет своего существования конференция «*Nomo loquens: язык и культура*» вышла за рамки узкоспециального научного события и объединила исследователей нескольких областей гуманитарной наук — филологии, философии, истории и культурологии. Конференция стала площадкой, привлекательной для людей разного возраста, статуса и научных интересов.

Поступила в редакцию 30.04.2025

Принята к публикации 30.07.2025

Received 30.04.2025

Accepted 30.07.2025

*О. П. Теплякова**

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА. ЦЕННОЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ В ДАР БИБЛИОТЕКЕ РОДНОГО СЕЛА

Главное богатство библиотеки — это книги. Особую ценность для региональной библиотеки (сельской, городской, районной, областной) представляют книги краеведческого содержания. Краеведение — одно из самых важных направлений в библиотечной работе. Оно воспитывает у детей и подростков причастность к истории своих предков, заставляет задуматься о прошлом и настоящем.

Через поиск, изучение традиций и обычаев родного края, познание своих корней, неразрывной связи с предшествующими поколениями формируются ценности, которые необходимы сегодня: патриотизм, духовность, национальное самосознание. Любовь к большой Родине, нашей стране, начинается с любви к своей малой родине, отчему краю, месту, где человек родился и вырос.

В августе 2025 г. алексеевская сельская библиотека-филиал муниципального бюджетного учреждения культуры «Базарно-Карабулакская межпоселенческая центральная библиотека» получила в подарок от семьи Синицыных уникальную книгу «Эхо души». Ее автор — наш односельчанин Иван Андреевич Гусев (1925–2016), человек удивительной судьбы, историк, краевед, поэт, ветеран Великой Отечественной войны. Иван Андреевич многие годы был директором Алексеевской средней школы.

* Теплякова Оксана Петровна — заведующая Алексеевской сельской библиотекой-филиалом муниципального бюджетного учреждения культуры «Базарно-Карабулакская межпоселенческая центральная библиотека»; oksanochka_teplyakova@mail.ru

Oxana P. Teplyakova — Head of the Alexeevskaya Rural Library, a branch of the Municipal Budgetary Cultural Institution 'Bazarno-Karabulak Inter-Settlement Central Library'; oksanochka_teplyakova@mail.ru

Рис. 1. Заведующая библиотекой О. П. Теплякова и А. Н. Сеницын.
Село Алексеевка Базарно-Карабулакского района Саратовской области,
20 августа 2025 г.
Фото А. А. Сеницына

Книгу И. А. Гусева подготовили и издали наши земляки: кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского Александр Александрович Сеницын (г. Санкт-Петербург), краевед, писатель и поэт, кандидат технических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и предпринимательства в Поволжском кооперативном институте Александр Николаевич Сеницын и его супруга Любовь Степановна Сеницына — учитель русского языка и литературы, «Отличник народного просвещения». Александр Николаевич и Любовь Степановна Сеницыны — уроженцы села Алексеевка, оба они в 1950–1960 гг. учились в школе, которой руководил Иван Андреевич Гусев. Ныне супруги А. Н. и Л. С. Сеницыны уже на пенсии, они давно живут в городе Энгельсе Саратовской области, но часто приезжают в родное село. Их сын Александр Александрович тоже некоторое время учился в алексеевской средней школе, ныне он известный историк, который живет в Петербурге и преподает в Академии Достоевского. В издательстве этой академии (РХГА) и вышли оба издания «Эхо души».

Ранее в нашей библиотеке был единственный экземпляр первого издания книги И. А. Гусева (2019), который был подарен шесть лет назад одним из сыновей Ивана Андреевича Гусева. В этот раз семья Сеницыных передала библиотеке три экземпляра второго издания «Эхо души» (2020), а также журналы, в которых были опубликованы рецензии на первое и второе издания этой уникальной книги. Рецензия на первое издание написана саратовским историком, кандидатом

исторических наук, доцентом Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского Максимом Вячеславовичем Зайцевым (*Зайцев М. В. Эхо минувшего и грядущего. О книге: Гусев И. А. Эхо души: Воспоминания. Стихи. Очерки / сост. А. Н. Сеницын; ред., предисл. и примеч. А. А. Сеницына. СПб.: Изд-во РХГА, 2019 // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, вып. 3. С. 407–409*); рецензия на второе издание подготовлена петербургским историком философии, доктором философских наук, профессором РХГА Александром Александровичем Ермичёвым (*Ермичёв А. А. Две книги о войне [Никулин Н. Н. Воспоминания о войне: Фронтовой дневник. М.: Изд-во АСТ, 2019. 352 с.; Гусев И. А. Эхо души. Воспоминания. Стихи. Очерки / сост. А. Н. Сеницын; ред., предисл. и примеч. А. А. Сеницына. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 270 с.] // Метаморфозы истории. 2020. Вып. 16. С. 122–132*). Оба рецензента дают высокую оценку книге И. А. Гусева и работе отца и сына Сеницыных, которые подготовили это издание.

Рис. 2. Книги в дар библиотеке родного села. Справа налево: Л. С. Сеницына, А. Н. Сеницын, О. П. Теплякова. Библиотека с. Алексеевка, 20 августа 2025 г. Фото А. А. Сеницына

Особый интерес у алексеевцев вызывает то, что автор И. А. Гусев и его соавторы (предисловие к книге написал А. А. Сеницын, а послесловие — А. Н. Сеницын) останавливают свой взгляд на наших земляках, рассказывают о людях, семьях, которые внесли важный вклад в развитие нашего села и колхоза.

«Эта книга уникальна в разных смыслах: она биографическая, поэтическая (один из разделов составляют стихи И. А. Гусева), краеведческая. Можно только приветствовать появление работ такого рода. На мой взгляд, “Эхо души” — уникальное издание не только для Базарно-Карабулакского района, не только для Саратовской области, но для истории России», — пишет в предисловии к книге ее редактор А. А. Синицын.

Теперь у многих читателей алексеевской библиотеки есть уникальная возможность познакомиться с книгой нашего земляка-краеведа. «Эхо души» будет полезна всем, кто интересуется историей малой Родины. Особенно же юным алексеевцам, постоянным посетителям нашей библиотеки, в душах которых могут эхом откликнуться воспоминания историка и педагога Ивана Андреевича Гусева.

Рис. 3. В сельской библиотеке юный алексеевец читает книгу И. А. Гусева «Эхо души», сентябрь 2025 г. Фото О. П. Тепляковой.

Синицыны передали в дар библиотеке и несколько номеров журнала «Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки», в том числе Т. 4 (выпуск 3–4) за 2023 год, где опубликованы статьи

отца и сына Сеницыных об алексеевском баянисте и хорместере Владимире Семеновиче Сироткине (1929–1974): *Сеницын А. А. Genius Loci*. Прелюдия к очерку о сельском музыканте (с. 125–133) и *Сеницын А. Н.* С песней по жизни. О творчестве алексеевского баяниста Владимира Семеновича Сироткина (с. 134–151). В статьях помещены более 20 уникальных фотографий, на которых запечатлены участники Алексеевского сельского хора, жители села Алексеевка и участники художественной самодеятельности села 1950–1960 гг. Свой очерк об алексеевском баянисте Александр Николаевич Сеницын посвятил нашим односельчанам — Владимиру Семеновичу и Евдокии Захаровне Сироткиным. Эти публикации Сеницыных будут интересны алексеевцам.

На электронном носителе А. А. Сеницын передал библиотеке полностью отсканированный альбом Сергея Ивановича Малафеева «Летопись села Алексеевки». Этот неопубликованный труд об истории нашего села, подготовленный в 1973 г. алексеевским историком и краеведом, хранился в единственном экземпляре в фондах Алексеевской библиотеки. Теперь мы имеем его в электронном виде. Надеемся, что когда-нибудь будет опубликована и эта «Летопись» нашего уважаемого односельчанина.

Книга И. А. Гусева, статьи о В. С. Сироткине и другие переданные издания займут достойное место в отделе краеведческой литературы сельской библиотеки.

Заведующая алексеевской библиотекой-филиалом и все читатели библиотеки от души благодарят Любовь Степановну, Александра Николаевича и Александра Александровича Сеницыных за переданные издания и надеются на дальнейшее сотрудничество.

Поступила в редакцию 30.06.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Received 30.06.2025

Accepted 30.10.2025

LETUM NON OMNIA FINIT

УДК 821.161.1

*Е. Китова**

«СМЕРТИ НЕ БУДЕТ...» Презентация книги памяти Елены Владимировны Пастернак

«И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» — эти слова мы находим в Откровении Иоанна Богослова (Отк. 21:4). Они служат утешением в страданиях, помощью в обретении надежды, поддержкой в утверждении веры и любви. «Смерти не будет» — именно так первоначально, на самых ранних порах, назывался роман, который мы все теперь знаем как «Доктор Живаго». Впоследствии эти слова произносит Юрий Живаго, врач и поэт, у ложа страждущей, даруя ей покой и надежду. Этими же словами именуется сборник статей, посвященный памяти Елены Владимировны Пастернак — филолога-классика, исследовательницы жизни и творчества Бориса Пастернака. Эти же слова вынесены в заглавие одной из ее статей, которая открывает сборник и теперь предстает перед нами в ином, уже тамошнем свете.

Так от поколения к поколению *слово* соединяет нас в круговой поруке бессмертия ...

18 сентября 2025 года в московской «Гимназии Броско» прошла презентация книги «Смерти не будет», опубликованной в Санкт-Петербурге издательством «Серебряный век». Это сборник памяти Елены Владимировны Пастернак (1936–2020). Инициатором издания стал историк, педагог, директор «Гимназии Броско» Зураб Вахтангович Кананчев; составителями — дочь и внук Елены Владимировны Пастернак — Елизавета и Тихон Давыдовы. Книга вышла в год 135-летия со дня рождения Бориса Пастернака и пятилетия со дня кончины Елены Владимировны Пастернак.

Елена Владимировна — филолог, пастернаковед, человек, с чьим именем связан огромный вклад в изучение творческого наследия одного из самых

* Китова Елена — кандидат филологических наук, доцент, издательство Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского; kitova-semenova@yandex.ru

Elena Kitova — PhD in Philology, Associate Professor, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky Publishing House; kitova-semenova@yandex.ru

известных поэтов XX столетия. Совместно с мужем, Евгением Борисовичем Пастернаком, она подготовила издание «Полного собрания сочинений» Б. Л. Пастернака в 11-ти томах, научное издание романа «Доктор Живаго», переписку Бориса Пастернака с Ольгой Фрейденберг, Мариной Цветаевой и другие книги.

Сборник «Смерти не будет» состоит из двух разделов и Приложения. Первый раздел «Борис Леонидович Пастернак: исследования» открывается статьей Елены Владимировны ««Смерти не будет»: Поэт у постели умирающего», в которой переосмысливается *слово поэта* и утверждается его целительная сила. Созданная в последние годы, эта статья проливает свет на духовную жизнь Елены Владимировны, ее тяготы и надежды. Следом за ней опубликована статья Елены Китовой, которая также озаглавлена цитатой из «Гефсиманского сада», стихотворения завершающего роман Пастернака, — «Но книга жизни подошла к странице...», и страница эта — смерть как великое таинство жизни, которая открывается всем без исключения. Одно из важнейших соображений исследовательницы: «Пастернаку необходимо было обязательно эту книгу написать <...>: вырваться в подлинную жизнь, подготовиться к смерти и ее преодолению». С. Г. Буров пишет о философско-историческом круге чтения Пастернака и более подробно о знаменитой книге О. Шпенглера «Закат Европы». Вопрос, знал ли, читал ли Борис Пастернак труд Шпенглера, остается открытым. Следующие страницы сборника переносят читателя из Германии и историософских тем в город Касимов, к темам биографическим. Г. А. Семиченко в статье «По касимовским следам Кауфманов и Пастернаков» рассказывает о своих краеведческих и биографических разысканиях, о дяде Бориса Пастернака, докторе Осипе Кауфмане, служившем земским врачом в Касимове, у которого Борис гостил летом 1920 года. Касимовская тема продолжена в статье Т. А. Захаровой, посвященной особенностям восприятия романа Пастернака и своего рода вечной проблеме — как приучить современных школьников к чтению классических текстов. Внимание Е. Е. Давыдовой привлекла соб-

ственно человеческая составляющая Пастернака, а именно: этическая и материальная поддержка, которую он оказывал на протяжении жизни друзьям, родственникам, ссыльным и заключенным. Помощь эта была безвозмездной, поддержка заключенных и вовсе понималась им как дело принципа. Помогать другим приходилось не только материально, но и письмами вышестоящим: Пастернак заступался за М. Цветаеву, хлопотал об освобождении сестры Цветаевой, Анастасии Ивановны, позднее поддерживал Ариадну, дочь Марины Цветаевой, в 30-е годы заботился о судьбе арестованного Льва Гумилёва, сына Анны Ахматовой, известны и другие случаи.

На фото слева направо: З. В. Кананчев, Т. Г. Давыдов, И. П. Барсэл

Второй раздел сборника — «Елена Владимировна Пастернак: in memoriam». Сюда вошел некролог памяти Елены Владимировны, написанный Анной Сергеевой-Клятис в 2020 году. Анна Сергеева-Клятис работала в соавторстве с Е. В. Пастернак, их связывала дружба. Дочь Елены Владимировны Елизавета написала для этого раздела заметку мемуарного характера «История семьи и выбор пути», где рассказывается об обстоятельствах знакомства родителей и о том, как они стали главными биографами Бориса Пастернака и исследователями его творчества. Мемуарная заметка принадлежит также перу поэта и филолога И. П. Барсэл — «Несостоявшееся интервью: Елена Владимировна Пастернак». Далее в сборнике опубликовано «состоявшееся» интервью Елены Владимировны 2015 года.

К последним страницам сборника «Смерти не будет» можно применить строки Ахматовой: «Когда человек умирает, изменяются его портреты...» Составители открывают малоизвестные стороны биографии Елены Владимировны. Ее воспоминания, написанные в 2019 году («Мое классическое отделение»), и первые опыты работы с классическими текстами — переводы с латинского и греческого языков — показывают, как формировался молодой ученый-классик, какие именно темы в области классической филологии и византистики интересовали ее в годы обучения на классическом отделении Московского государственного университета. Одной из таких тем была тема родины и ее значение в жизни человека. Отсюда и перевод начальных 28 стихов знаменитой элегии Овидия «Cum subit illius tristissima noctis imago...», повествующей о последней ночи, проведенной Овидием в Риме, и расставании с близкими людьми перед отъездом в изгнание. Второй представленный в книге перевод — «Похвальное слово родине» Лукиана — также является свидетельством глубоко погружения Елены Владимировны в тематику отечества и загадочной любви человека к родным местам.

Всё на презентации сборника памяти Елены Владимировны говорило о том, что уходящие в иной мир люди, тем не менее, остаются и присутствуют в нас, живущих, с нами, живущими в этом мире, они, оставшиеся в прошлом, переходят в будущее. И так самой жизнью и нашей в ней участностью преодолевается смерть — памятью, словом и делом. И наконец, последнее, как отсутствовал Юрий Живаго, «Не о чем беспокоиться. Смерти нет».

Поступила в редакцию 20.09.2025

Принята к публикации 30.09.2025

Received 20.09.2025

Accepted 30.09.2025

А. А. Синицын*

IN MEMORIAM AMICI MNI —
ПРОЩАНИЕ С ЕВГЕНИЕМ СМЫКОВЫМ

При свете солнца и луны
Нет смерти Робин Гуду

Е. Агранович «Отважный Робин Гуд»

8 сентября 2025 г. ушел из жизни Евгений Владимирович Смыков. Несколько лет назад в нашем журнале я опубликовал статью, посвященную юбилею друзей-историков, в которой от имени отечественных антиковедов поздравил трех специалистов по древнеримской истории (*Синицын А. А. Triumviri Rossici: к юбилею антиковедов-романистов А. М. Сморгча, Е. В. Смыкова, А. В. Махлаюка // Вестник РХГА. Филологические науки. 2022. Т. 3, вып. 2. С. 137–154*). В этом научном «триумvirате» был и Евгений Смыков, отметивший в ноябре 2021 года свое 60-летие. В поздравительном очерке я представил его биографию, кратко описал его научные интересы и рассказал о своем Смыкове. Тогда, желая юбиляру долгих творческих лет жизни, мог ли я знать, что вскоре буду писать текст его памяти...

В мемориальном очерке повторю некоторые факты жизни и творчества Е. В. Смыкова и дополню несколько штрихов к портрету ушедшего друга.

Евгений Владимирович Смыков родился 8 ноября 1961 г. в городе Бийске Алтайского края. Его отец, Владимир Иванович Смыков (1937–2022), по профессии строитель, был призван в армию и дослужился до майора. Мать, Галина Валентиновна, повсюду следовала за своим мужем. Отца часто переводили по службе, и семья Смыковых сменила несколько мест жительства, прежде чем осела в Саратовской области, в военном городке Татищево-5. Здесь в 1979 г. Евгений окончил среднюю школу. Но поступить на исторический факуль-

* Синицын Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; aa.sinizin@mail.ru

Aleksandr A. Sinitsyn — PhD in History, Associate Professor, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky; aa.sinizin@mail.ru

Рис. 1. Евгений Владимирович Смыков

тет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского ему удалось лишь со второй попытки, в 1980 г., да и то тогда он смог пройти по конкурсу только на вечернее отделение истфака, а студентом дневного отделения стал в 1981 году.

В университете Е. В. Смыков специализировался на кафедре истории древнего мира, его научным руководителем был Виктор Николаевич Парфёнов — известный саратовский историк-антиковед, специалист по истории поздней Римской республики и ранней Римской империи. Большое влияние на студента Смыкова, не только как антиковеда-романиста, но и как преподавателя, оказали профессор Владимир Григорьевич Борухович (1920–2007), который в те годы заведовал кафедрой истории древнего мира, доценты Владимир Иванович Кац (1937–2023) и Таисия Павловна Кац (1936–2013). В нескольких очерках Женя оставил воспоминания о своих университетских наставниках. Мы с ним были соавторами статьи, посвященной юбилею В. И. Каца, она была опубликована в сборнике «Античный мир и археология», который издает кафедра истории древнего мира СГУ (АМА. 2017. Вып. XVIII). Владимира Ивановича Женя называл одним из главных своих Учителей, хотя он сам не был ни археологом, ни специалистом по керамической эпиграфике; он имел ввиду другое — от-

ношение к преподаванию, к делу, которому ты служишь. С особым уважением Е. В. Смыков относился к Т. П. Кац, и в своем очерке о Таисии Павловне он написал: «Это была замечательная школа, и пройти такую школу довелось далеко не каждому» (АМА. 2021. Вып. XX).

В 1986 г. Е. В. Смыков защитил дипломную работу на тему «Восточная политика Марка Антония»; исследование восточной политики Рима в I в. до н. э. он продолжил и в последующие годы. Получив диплом историка, Е. В. Смыков три года отработал по распределению учителем истории в школе в селе Озёрное Аткарского района Саратовской области. В 1989 г. он был приглашен на кафедру истории Древнего мира СГУ и с тех пор был неразрывно связан с *alma mater*.

Первая статья Е. В. Смыкова была опубликована в 1987 г. в сборнике СГУ «Проблемы отечественной и всеобщей истории»; она была посвящена одному из сюжетов его дипломной работы и называлась «Парфянский поход Марка Антония (36 г. до н. э.)». Следующая его публикация тоже была посвящена герою его дипломного сочинения: «Марк Антоний и политика *clementia Caesaris*»; работа вышла в 1990 г. в седьмом выпуске сборника «Античный мир и археология» (АМА). С тех пор статьи Е. В. Смыкова по римской тематике публиковались почти во всех выпусках кафедрального сборника. С конца 1990-х гг. Е. В. Смыков был включен в состав редколлегии АМА, несколько лет был ответственным секретарем этого издания (выпуски 10–11). И последняя из подготовленных им статей была подана в новый выпуск АМА за несколько дней до его кончины.

В 1997 г. Е. В. Смыков защитил в СГУ кандидатскую диссертацию на тему «Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология». Его научным руководителем был профессор В. Н. Парфёнов; оппонентами по диссертации выступили профессор Нижегородского государственного университета Евгений Александрович Молев (1947–2021) и доцент Саратовского педагогического института Римма Анатольевна Стручалина (1930–2008).

Научные интересы Е. В. Смыкова были сосредоточены главным образом на истории позднеимператорского Рима: триумvirаты, диктаторы, посольства, внешняя политика Рима в I в. до н. э., гражданские войны и падение Республики. К фигуре Марка Антония Е. В. Смыков возвращался неоднократно: помимо указанных выше работ, в АМА были напечатаны его статьи «Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония)» (2002, вып. 11), «А был ли властитель? Размышления над некоторыми аспектами карьеры и политики триумвира М. Антония» (2017, вып. 18), «Вторая «Филиппика» Цицерона и образ Марка Антония у античных авторов» (2021, вып. 20), в сборнике по материалам российско-германской научной конференции «Народ и демократия в древности» (Ярославль, 2011) был опубликован доклад (совместно с С. Н. Ахиевым) на тему «“Контролируемый мятеж”: манипулирование толпой в политике Марка Антония в марте–апреле 44 г. до н. э.»»; в 2017 г. в ставропольском журнале вышла его статья «Марк Антоний в мире эллинистических монархий: государь или магистрат?» и другие. Героями исследований Е. В. Смыкова были многие римские политики, полководцы, ораторы: Луций Корнелий Сулла, Гней Помпей Великий, Гай Юлий Цезарь, Марк Туллий Цицерон, Луций Лициний Лукулл, Марк Лициний Красс, Авл Габиний,

Квинт Лабиев Парфянский и другие. В сферу его научных интересов входило и варварское окружение Рима: Парфия, Каппадокия, Галатия, Сирия, Понт, восточная политика Республики, Митридатовы войны, фигуры Митридата VI Евпатора, Фарнака, Дейотара и др.

Е. В. Смыков являлся одним из авторов книги для чтения «Мифологии народов мира», которая впервые была издана в Саратове в середине 1990-х, а затем неоднократно переиздавалась. В 2007 г. в известной научно-популярной серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Е. В. Смыкова о Сулле (М.: Молодая гвардия), которую он подготовил вместе с московским историком и своим другом Антоном Викторовичем Короленковым. А летом нынешнего года в той же серии был опубликован еще один их общий труд, посвященный Гн. Помпею Великому. Смыков и Короленков — это был товарищеский научный тандем, интересный, хотя и парадоксальный. Вместе с московским соавтором Женя подготовил несколько статей по историографии римской истории, которые были опубликованы в «Вестнике древней истории». В 2019 г. в приложении к одному из выпусков этого академического журнала был опубликован перевод «Речи в защиту царя Дейотара» М. Туллия Цицерона, выполненный Е. В. Смыковым, с его вступительной статьей и комментариями.

Е. В. Смыков был одним из редакторов и создателей (вместе с А. В. Мосолкиным и автором этих строк) сборника молодых ученых (студентов и аспирантов) «*Antiquitas juventae*», который в 2000-е гг. выходил на историческом

Рис. 2. Саратовские антиковеды провожают гостей на поезд.
Справа налево, на переднем плане: А. А. Савинов, Е. В. Смыков, А. В. Мосолкин, А. А. Синицын; на втором плане: Е. В. Кузнецова, В. А. Леус, В. Н. Парфёнов, Н. Б. Чурекова; на заднем плане беседуют гости: И. Г. Гурин и А. В. Короленков.
Середина 2000-х гг. Саратовский железнодорожный вокзал.
Фото Ю. Н. Кузьмина

Рис. 3. Коллеги и соавторы Евгений Смыков и Антон Короленков во дворе XI корпуса Саратовского государственного университета. Середина 2000-х гг. Фото Ю. Н. Кузьмина

факультете СГУ. Женя был классным редактором. Он внимательно вычитывал тексты (школа Таисии Павловны Кац!), а студенческие работы порой попросту переписывал, но всегда подолгу беседовал с авторами, указывал им ошибки, разъяснял слабые и сильные стороны, показывал, пытался донести до каждого автора *как* надо делать: как выбирать и интерпретировать источники, как работать с историографией. Он серьезно готовил своих дипломников и аспирантов, не жалел на это ни времени, ни сил. Многому научился у него и я, даже когда мы были коллегами по кафедре и спорили на равных. Женя Смыков оказал на меня мощное влияние. Думаю, многие из моих коллег (не только саратовских, и не только антиковедов) могут сказать тоже самое. Если касалось дела, Е. В. Смыков тратил тонны времени на правку, вычитку, объяснения, убеждения... И это касалось не только тех студентов, у которых он был научным руководителем, но и всех, кто к нему обращался за помощью,

за научной консультацией. Многие годы, как член редколлегии АМА, он вычитывал статьи для этого кафедрального издания и редактировал студенческие работы для «Ювенты», ведь для большинства студентов это были их первые в жизни публикации. Е. В. Смыков был редактором последней книги В. Г. Бо-руховича «Вечное искусство Эллады», которая вышла в 2002 г. в известном петербургском издательстве «Алетейя» (хотя Женя отказался от того, чтобы его фамилия была указана в книге Учителя как фамилия редактора). Он был одним из редакторов коллективной монографии «Ираника», подготовленной совместно казанскими и саратовскими антиковедами (Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в до н. э. — VI в н. э. / под ред. О. Л. Габелко, Э. В. Рунга, А. А. Синицына, Е. В. Смыкова. Казань: Изд-во КГУ, 2017).

Большую часть жизни Е. В. Смыков служил истфаку СГУ, который был его «вторым домом». На историческом факультете он читал лекционные курсы и спецкурсы «История древнего Рима», «Быт древнего Рима», «Источниковедение античности», «Начало гражданских войн», «История античной культуры», «Римская мифология» и др. Был постоянным участником и членом организационного комитета международной конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории», которую с 2008 г. проводит кафедра Истории древнего мира СГУ. В 2019 г. Е. В. Смыков был награжден памятной медалью «За особые заслуги перед Саратовским национальным исследовательским государственным университетом имени Н. Г. Чернышевского».

С начала 1980-х, с первого года учебы в университете, Женя регулярно ездил в археологические экспедиции, сначала как студент, а потом в течение многих лет сам возил студентов-практикантов на археологическую практику. В Крыму (в 1980-е гг. на поселении Панское на Тарханкутском полуострове под Евпаторией) и Краснодарском крае (в начале 1990-х — Горгиппия в Анапе и усадьба Красная Скала под Анапой, а в 2000-е гг. — на некрополе поселения Артющенко-2 на Таманском полуострове). Это были легендарные совместные экспедиции студентов-практикантов СГУ и ленинградских/петербургских археологов, сотрудников Отдела истории античной культуры Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН). С Женей приезжал в экспедиции его младший брат Виктор, всегда принимала участие в поездках мужа его жена Марина, преподаватель истории в средней школе Саратова, которая во всех археологических практиках была его надежной помощницей. Смыковы брали в экспедиции своих сыновей (чуть ли не «с пеленок») — Ивана и Николая (ныне оба закончили истфак СГУ).

Е. В. Смыков был настоящим мастером своего дела, верой и правдой служил Саратовскому университету и родной кафедре. Он не терпел никакой пресловутой толерантности, в спорах был дерзким, задиристым. Женя органически не принимал всякого рода фальшь, не позволял лгать себе и не прощал другим. А скольких людей он зажег огнем своей любви — к античности, к книгам, фильмам, песням! Студенты его побаивались, но они к нему тянулись. Во многом он и сам до последних своих дней был Большим ребенком. Был...

Женя был самым читающим из всех моих друзей и, пожалуй, даже всех моих знакомых. Читал он много и читал осмысленно. А всё прочитанное пом-

Рис. 4. После заседаний на конференции в Нижегородском университете. Слева направо: Е. В. Смыков, А. В. Махлаюк, И. Е. Суриков, А. А. Сеницын, А. М. Сморгчов. Нижний Новгород, 18 ноября 2006 г. Фотография из личного фотоархива А. А. Сеницына

нил наизусть. Его любимыми авторами были Н. С. Лесков, все три писателя-Толстых, но прежде других Алексей Константинович Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Константин Симонов, Гоголь, Шолохов, а также (с самого детства и на всю жизнь) Вальтер Скотт, Владислав Крапивин, Аркадий Гайдар, Р. Л. Стивенсон, Александр Дюма-старший, Лев Кассиль и многие другие. Как он рассказывал, в начальной школе он прочитал *всего* Скотта семь раз подряд! Он любил и перечитывал Пушкина, причем в разные годы я слышал от него: вот снова перечитал *всего* Пушкина и только теперь открыл его для себя — Велик во всем! А Лермонтова Смыков не любил. Он не любил многих, хотя читал всё. Из современных авторов мы чаще всего говорили о Юрии Полякове (любовь к прозе Полякова у меня от Смыкова и несколько книг Полякова в моей домашней библиотеке подарены Женей), обсуждали Владимира Бушина, Леонида Бородина, Александра Проханова и других. Мы читали и обсуждали публицистику, часто делились впечатлениями о новом номере прочитанной «Литературной газеты».

В начале 2000-х гг. мы два раза в неделю собирались вечером на кафедре (тогда еще на третьем этаже в IV корпусе СГУ) и в семинаре на двоих занимались переводами Фукидида (перевели вторую книгу), а потом переводили трактат Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде». Но антиковед Смыков

Рис. 5. Е. В. Смыков во время одного из заседаний «Antiquitas juventae». Конец 2000-х гг. XI корпус СГУ

не любил древних греков, превознося *своих* римлян. Профессионально он занимался Поздней республикой, но по духу ему был близок императорский Рим. Он был государственным по духу, много читал публицистики, интересовался политикой и отечественной историей разных периодов.

Евгений Смыков был патриотом своей кафедры, патриотом своей Великой и Малой Родины. Он всегда с гордостью говорил, что родом из Сибири, что его корни там, на Алтае. Действительно, по складу своему Женя был настоящий сибиряк: человек широкий, надежный, кондовый, порою бывал упертым, но он был чутким, внимательным, мог выслушать, посочувствовать. Он по-отечески переживал за своих учеников, заступался за каждого, дружил со многими из бывших выпускников. Но как преподаватель он был строг, требователен, бывал крут в высказываниях. Он многое давал в профессиональном и в мировоззренческом планах, поэтому тот, кто интересовался историей, мог взять от него.

Историк-антиковед, исследователь древнеримской истории, литературы и культуры, педагог, переводчик, он был большим книголюбом и киноманом, ученым и гражданином, он был Большим Человеком во всех смыслах. «Во мне пудов десять весу», — когда-то говорил он, но, несмотря на его полноту, с чем были связаны и некоторая неповоротливость, и (особенно в последние годы)

физическая немощь, в нем было нечто воинственное, героическое, эпическое. Он как римский герой Публий Гораций Коклес готов был остаться один против всех, чтобы защищать мост через Тибр. Смыковским мостом были его кафедра, истфак (в старом, классическом, еще советском его виде), его Тибрским мостом были герои книг и кинофильмов — те ценностные ориентиры, что были заложены в детские годы. Жить не для себя, а для дела, для страны — быть верным своим убеждениям — это было его жизненное кредо.

Мы всегда чтити *наши* советские праздники. Женя был единственный, кто 7 ноября (накануне его дня рождения) поздравлял меня, а я его, с Днем Великой Октябрьской социалистической революции, 19 мая — с Днем Советской Пионерии, а 29 октября — с Днем рождения Комсомола. И это были не жесты, не наигранная тоска по прошлому или дань памяти, просто для нас эти вещи как были святы, таковыми и остались, как если бы ничего не произошло. Для Жени и для меня все это было связано с детством, когда закладывалась советская мифология. Он был подлинным патриотом и убежденным сторонником имперской идеи — не только в профессиональном, историческом, отношении (то есть в связи с его любимым Древним Римом), но и в смысле гражданской позиции. Когда в феврале 2022 года Россия отреагировала на провокации Запада, действовавшего руками Украины, и некоторые из «либеральных» соотечественников, наших давних товарищей, заняли, мягко говоря, осудительные позиции, Е. В. Смыков, при всей его горячности, не разорвал отношения с теми людьми, с кем был до этого близок. И хотя называл их вражинами, он ставил дружбу выше политики, а добрые личные связи много выше идейных противоречий.

Из русских правителей героями для Смыкова были цари Иван III Великий и Иван IV Грозный, императоры Николай I и Александр III (и одновременно резкая критика Николая II и Александр II). Из руководителей советского времени с наибольшим уважением относился к И. В. Сталину и с критикой в адрес Н. С. Хрущёва и, конечно, М. С. Горбачёва. Он читал всё, что выходило о Сталине, да и вообще он читал всё обо всем.

Мы были знакомы 36 лет. Познакомились на археологической практике после моего первого курса в 1989 году. Сначала был поход с В. И. Кацем по Горному Крыму с его пещерными городами, подъем на Мангуп и марш-бросок от Эски-Кермена до Инкермана, потом мы жили несколько дней на территории Херсонеса (Севастополь), где были экскурсии по античному памятнику. А потом месяц раскопок в юго-западном Крыму (на поселении Панское, близ поселка Черноморское). Тогда-то по моей просьбе Женя записал на тетрадном листе в клетку песню «Орёл Шестого легиона» — гимн антиковедческих археологических экспедиций. Тот тетрадный лист с легендарным «Орлом» и по сию пору хранится в моем домашнем архиве в Энгельсе. Многие песни, книги, фильмы были для нас общими. Женя всегда расспрашивал о моих родителях, семье, интересовался успехами моих детей, моим младшим братом, его семьей и успехами. Я давно знаком с его родителями, женой и детьми, младшим братом Виктором, который, насколько знаю, всегда помогал старшему брату. Можно сказать, что мы дружили семьями, хотя после моего переезда в Петербург собирались все за одним столом всего лишь раз в год — у нас на даче или на даче Смыковых (она у них была рядом с Новым мостом через Волгу). И я повторял

Рис. 6. На даче Сеницыных. Слева направо: Евгений Смыков, Николай Смыков, Иван Котин, Иван Смыков (присел на корточках), Александр Сеницын с дочкой Леной на руках, Юрий Кузьмин, Олег Габелко. Близ села Шумейка под Энгельсом Саратовской области. Август 2014 г. Фотография из личного фотоархива Ю. Н. Кузьмина

(порой в виде тоста), что в моей жизни есть два человека с именем Женя: один — это моя жена, а второй — мой друг Смыков.

При всей своей кондовости и упертости, Женя менял свои взгляды. Вспоминаю, как в 1999 или 2000-м году я уговаривал его поехать в Петербург на конференцию. (До этого он ни разу не бывал в Петербурге/Ленинграде; быть может, только в школьные годы?) «Ни за что!» — отрезал тогда Смыков. — «Это по духу не мой город». Я попытался его убедить: «Петербург — город Пушкина и Достоевского». Он тут же резко парировал: «Это город, который убил Пушкина и Достоевского!» Помню, что спорили сурово, помню, что в тот раз он не поехал в Питер. Но через год или два он впервые оказался там на конференции и с тех пор полюбил этот город. Потом, всякий раз, побывав на «Жебелевских чтениях» в СПбГУ, он возвращался в Саратов будто обновленный, будто помолодевший душой. Все поездки в Петербург (также, как и в Москву, Нижний Новгород, Казань, куда мы в 2000-е, по 3–4 раза в год, ездили вместе на конференции, которые тогда регулярно проходили в каждом из названных антиковедческих центров), так вот, каждая новая поездка заряжала его на несколько месяцев. Вообще-то Женя был тяжел на подъем. Но отправляясь на очередные «чтения», как только мы с ним садились в поезд и начиналось путешествие, он преображался.

По натуре он был домосед, любил свой дом, свои книги и очень любил кошек. Он любил свою семью и покой, но также любил шумные компании, песни и посиделки до утра, с крепкими напитками и острыми яствами. Еще одна сторона смыковской фигуры — это его специфические блюда. Он не был гурманом (в самом этом слове есть что-то ресторанный, элитарный, аристократический, а это вовсе не про Женьку), но как он умел готовить и как он любил угощать! Про это знают все, кто бывали в гостях у Смыковых. Но не только, не только. Собирались ли мы на кафедре в 1990-е — 2000-е годы, выезжали большой компанией за город, в лес, или у нас на даче (а это бывало каждое лето в августе), обычно заготовка шашлыка — забота Смыкова, а позднее — Смыковых, ибо последние годы этим заведовали уже сыновья Жени, Иван и Коля, которым любовь к приготовлению и угощению передалась по наследству. Зачастую и салаты — тоже смыковские, и рыбные закуски тоже. И всё это обыкновенно острое, огненное, ядреное, с изобилием перца и чеснока, со всяческими приправами и специями. И сам он в жизни был острый, горячий...

В сентябре 2024 года Е. В. Смыков перенес инсульт, после чего три с лишним месяца пролежал в больнице. Он стойко боролся с болезнью, но восстановиться ему так и не удалось. С января 2025 года он уже не выходил из дома, но продолжал вести занятия в СГУ дистанционно. Ему очень хотелось быть полезным. В июне 2025-го он выпустил последних своих дипломников, под-

Рис. 7. Возле дачи Сеницыных. Слева направо: Харий Туманс, Иван Смыков, Александр Сеницын, Сергей Сеницын, Михаил Свердлов, Николай Смыков, Евгений Смыков. Близ села Шумейка под Энгельсом Саратовской области. Август 2023 г. Фотография из личного фотоархива А. А. Сеницына

готовил к защите аспирантов и не сомневался, что поднимет тост за успешные защиты их кандидатских диссертаций.

В июле и августе сыновья и младший брат выводили его к подъезду — на часок-полтора посидеть на лавочке и подышать свежим воздухом. И каждый раз, выйдя на улицу, Женя звонил мне и хвастался, что снова его, неповоротливого бегемота, заставили передвигаться. Каждый такой выход давался ему с трудом. Он рассказывал, что спускался и поднимался с передышками и спотыканием, всегда бурчал, но в итоге был рад этим прогулкам.

В августе, когда я с семьей жил на даче моих родителей под Энгельсом, мы почти каждый день созванивались с Женей. Дважды я его навещал и привозил гостинцы — урожай с родительской дачи. 12 августа я приезжал один. Мы говорили о литературе, о фильмах, об университете, Женя с гордостью рассказывал о своих дипломниках и аспирантке Татьяне Долговой. Много говорили о кафедральных коллегам, и тогда Женя сказал (как бы подводя итог, но кто бы знал о его кончине тогда, за три недели до?), он сказал, что рад тому, что успел написать про всех коллег кафедры, которым благодарен, что написал про всех, про кого хотел: Таисию Павловну Кац, Владимира Ивановича Кац и Сергея Юрьевича Монахова. В Женином рабочем кабинете мы троим, с Мариной, пили чай с печеньями. В тот приезд я успел поговорить и с Галиной Валентиновной, мамой Жени. Должны были подойти и его сыновья, но ни Ваня, ни Коля тогда не смогли вырваться с работы. В гостях я провел более двух часов, видел, как рад встрече хозяин, но заметил, что от долгого разговора он устаёт! Я пообещал, что в августе заеду как-нибудь еще. И ровно через неделю мы снова собрались за столом у Смыковых, на этот раз уже семьями в полном составе. Я был с женой и детьми, приехали младшие Смыкова. Иван купил торт, печенье, и мы устроили пиршество.

В июле 2025 г. в серии «ЖЗЛ» вышел долгожданный том о Помпее, и 18 августа, накануне нашего визита, Татьяна Долгова, аспирантка Е. В. Смыкова, привезла для него из Москвы пять авторских экземпляров. Вечером того же дня Женя звонил мне по телефону: «Саньч, я хочу тебе подарить “Помпея”». Я стал его уговаривать, чтобы оставил все экземпляры для саратовских коллег и друзей, а я еще успею получить подарок. Но Смыков был настойчив: «Нет, я уже всё распределил как надо: один уже подарил Тане с благодарностью, второй — тебе, третий — Юричу (С. Ю. Монахову) ко дню рождения, четвертый оставляю себе ...» (а вот кому он распределил еще один экземпляр — не помню). «Ты должен увезти книгу с собой!» — настойчиво сказал Женя. И когда на следующий день мы всей семьей у них чаевничали, он подписал для меня новенького Помпея:

«Дорогому Саше *donum auctoris* с теплыми воспоминаниями о нашем прошлом и надеждой на такое же теплое будущее, на много долгих душевных разговоров, на ответный дар в виде “Фукидида” или “Софокла” и пожеланием всего хорошего — и в работе, и, особенно, в домашней жизни, теплой и уютной. 19.08.2025 г. *Vene tibi!* [И здесь же внизу — смыковская подпись-закорючка]»

Получив из рук автора книгу, я тут же за столом зачитал эту Женину надпись в качестве тоста, и все мы чокнулись чашками с чаем. Я видел, как Женя

радовался этой книге, я понимал его радость, эта книга, которую он вместе с соавтором дорабатывал уже после того, как с ним случился удар, была вещественным подтверждением его победы над болезнью!

В тот день мы сделали несколько снимков. Это была наша последняя встреча. При прощании в коридоре я обнял Женю: «До скорого, старина!» ... и почувствовал худобу его плеч под накинутым на тело свитером.

В первую неделю сентября мы, как обычно, созванивались и поздравляли друг друга с Первым сентября — Днем знаний и началом нового учебного года, делились новостями, желали друг другу всего-всего. Всё, как всегда. Женя сказал, что планирует завершить несколько статей, готовит новые курсы и вот-вот приступит к занятиям в новом учебном году... А в субботу, 6 сентября, он

Рис. 8. Посвящение в археологи. Руководитель археологической практики студентов исторического факультета СГУ Е. В. Смыков в образе Вакха с кувшином в руках. Справа (на втором плане) его жена Марина. Палаточный лагерь саратовских студентов-практикантов, работающих на памятнике Артющенко-2.

Таманский полуостров, Краснодарский край. Середина 2000-х гг.

почувствовал себя неважно, состояние резко ухудшилось в воскресенье и его госпитализировали в больницу на Первой Советской.

Утром 8 сентября Евгения Владимировича Смыкова не стало. Он умер на 64-м году жизни, не дожив ровно два месяца до следующей своей годовщины. 10 сентября состоялась гражданская панихида. Проститься с Е. В. Смыковым пришли более сотни его коллег и учеников разных поколений, приехали его друзья из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Астрахани, Маркса. 13 сентября урна с прахом Е. В. Смыкова была предана земле на Елшанском кладбище. Он похоронен в одной могиле с отцом и бабушкой.

На поминках его старший сын Иван рассказал, что, уезжая в последний раз по «скорой» в больницу, отец пытался шутить и процитировал любимые строки песенки из старого советского мультика «Отважный Робин Гуд» (1970): «При свете солнца и луны / Нет смерти Робин Гуду!» Эти строки я взял в качестве эпитафии к этому очерку.

Кончина Е. В. Смыкова — огромная потеря для кафедры, для Института истории и международных отношений, для университета, для российского антиковедения; это невосполнимая потеря для родных и всех, кто был с ним близко знаком. Но остались два его сына, десятки его учеников, свыше сотни его научных трудов, а главное — память о замечательном Большом Человеке, каким был Евгений Владимирович Смыков.

Как-то не принято признаваться мужчине в любви к друзьям, но тут скажу, что одним из тех, кого я любил, был Женя Смыков. Мы на многое смотрели по-разному, часто спорили до хрипоты и ругачки, но любили друг друга. Он был одним из самых близких людей, которого будет очень недоставать лично мне и всем нам.

Учредитель журнала
Автономная некоммерческая организация высшего
образования «Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Богатырёв Дмитрий Кириллович — доктор философских наук, профессор, ректор РХГА

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Китова Елена — кандидат филологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Богданова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института филологических исследований СПбГУ

Ермаченко Игорь Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, председатель Санкт-Петербургского отделения Российского Общества интеллектуальной истории

Пило Боил ди Путифигари Чечилия — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии и лингводидактики РХГА

Масленников Дмитрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе РХГА

Преображенская Кира Владиславовна — кандидат философских наук, доцент, начальник управления стратегического маркетинга и научных коммуникаций, ученый секретарь Ученого совета РХГА

Синицын Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, педагогики и религиоведения РХГА

Широглазова Наталья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной филологии и лингводидактики РХГА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Воротников Юрий Леонидович — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник

Гачева Анастасия Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

Денн Мариз — доктор наук, Phd (философия, история идей в России), профессор Университета им. М. Монтеня

Дергачёва Ирина Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации МГППУ

Еремин Юрий Владимирович — доктор педагогических наук, профессор кафедры методики обучения иностранным языкам РГПУ им. А. И. Герцена

Есаулов Иван Андреевич — доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО

Захаров Владимир Николаевич — доктор филологических наук, профессор, почетный президент Международного общества Ф. М. Достоевского

Меттини Эмилиано — кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук международного факультета ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава России

Ночера Антонина — кандидат культурологии, профессор (Палермо, Италия)

Пономарев Евгений Рудольфович — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена

Сорелла Антонио — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой итальянистики Государственного университета (Абруццо, Италия)

Сухих Игорь Николаевич — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы СПбГУ

Тихомиров Борис Николаевич — доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге, президент Российского общества Достоевского

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

Галат Александр Анатольевич — директор издательства РХГА

Кулиев Олег Игоревич — ответственный редактор

Китова Елена — ответственный секретарь редколлегии

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнале «Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки» публикуются научные работы, отражающие широкий спектр проблем современного гуманитарного знания в области филологии.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал. При представлении в журнал рукописи статьи для опубликования автор передает права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Публикация платная. Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Представленные авторами материалы проходят внутреннее и внешнее рецензирование и должны удовлетворять принятым критериям качества. В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись статьи до переработки рукописи автором в соответствии с данными требованиями.

Публикация структурируется по принятому международному стандарту в следующем порядке:

- в верхнем левом углу присвоенный статье УДК,
- в правом верхнем углу фамилия и инициалы автора,
- название публикации на русском языке, не должно быть набрано прописными буквами,
- аннотация и ключевые слова на русском языке,
- фамилия и инициалы автора на английском языке (в правом углу),
- название статьи на английском языке,
- аннотация и ключевые слова на английском языке,
- текст статьи, — список литературы.

Рекомендованный объем публикации — от 0,5 до 1 а. л.

Аннотации составляются на русском и английском языках, объем — 800–1000 знаков. Машинный перевод русской аннотации недопустим.

Ссылки на источники оформляются в тексте в квадратных скобках, например [5, с. 56–57].

Цитаты свыше 200 знаков (четырёх строк) выделяются втяжкой и шрифтом 10 кегля, 1,0 пт.

Список литературы обязателен и оформляется по действующему национальному стандарту (ГОСТ_Р7.0.5–2008).

Примечания, приложения и фотографии в публикации не используются. Справочная и графическая информация помещается внутри статьи.

В отдельном файле, приложенном к электронному письму, автор указывает свою фамилию, имя, отчество полностью, место работы и занимаемую должность, ученую степень, звание, электронный адрес и/или контактный телефон. Также автор, при необходимости, сообщает информацию о проекте, в рамках которого подготовлена статья (название организации-спонсора № гранта/соглашения, название проекта) для размещения указанной информации в специальном подстрочном примечании.

В случае если статья написана двумя или более авторами, сведения о последних даются в одном файле последовательно, по отдельности о каждом из авторов, при этом указывается один, удобный им для связи, электронный адрес и/или контактный телефон.

Автор гарантирует, что все данные в его публикации реальны и аутентичны, его работа не является плагиатом. Все авторы обязуются в случае необходимости представлять опровержения и исправление ошибок.

Адрес редакционной почты: vestnik.rhga@mail.ru.

INFORMATION FOR CONTRIBUTORS

The «Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities. Philological Sciences» is a publication of the eponymous institution of higher learning. The issues include original contributions dealing with the topic relevant to the scope of the humanities including philology.

The members of the editorial board are required to ensure (1) that all papers comply with the publication guidelines; (2) that the papers are properly checked for language problems and style. The changes effected by the board are not to interfere with the ideas of the authors. The author enjoys a right to submit the contribution on the Journal's Internet website when submitting the manuscript for publication.

The Journal charges a publication fee, from which contributions by graduate students are exempted.

All proposals are reviewed by the Editorial Board and by official referees. Proposals that do not comply with the standards of the Journal, can be rejected or returned to the author for further improvements to be made.

The submission guidelines for contributors to the Journal are:

- UDC should be given in the top left corner,
- the author's last name and initials in Russian,
- in the top right corner,
- the title of the manuscript in Russian,
- an abstract and keywords in Russian should be included,
- the author's last name and initials in English in the right corner,
- the title of the manuscript in English,
- an abstract and keywords in English should be included,
- the manuscript,
- references.

The length of the manuscript should not exceed 10 000–12 000 words (1,0 typographic unit).

Abstracts in Russian and English should not exceed 100 words (1000 characters with spaces). It is advisable to have abstracts in English proofread, computer-aided translations of abstracts are not under consideration.

References and essential notes should be given in square brackets as follows — [5, p. 56–57].

Quotations exceeding four lines (over 200 characters) should be given with hanging indent (in 10-point font).

References are to be in full compliance with the National State Standard — GOST Certification System (ГОСТ_P7.0.5–2008).

Notes, comments, appendices and photographs are not used in the publication. Background information, reference sources, diagrams are embedded within the text.

In a separate file attached contributors provide their full name (last and first), place of work, position, academic degree, email address and / or contact telephone number. When needed, contributors can provide information on the grant program under which the research results presented have been obtained (sponsoring organization, grant number / contract, title of the project) to have this information given in a special footnote.

If a contribution is written by two or more authors, the personal data concerning all of them should be given in a single file, one by one, with a contact e-mail address and/or a telephone number of a contact person.

Contributors must guarantee that the manuscripts submitted are original, are not published or under consideration elsewhere, are not plagiarism. All authors agree to provide a refutation and corrections be it deemed necessary.

Proposals should be sent to: vestnik.rhga@mail.ru

Адрес редакции:

Русская христианская гуманитарная академия
Наб. реки Фонтанки, 15. Санкт-Петербург, 191023
vestnik.rhga@mail.ru
www.rhga.ru

**ВЕСТНИК
РУССКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ АКАДЕМИИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2025. Том 6. Вып. 3
ISSN 2712-844X

Подписано в печать 30.09.2025. Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,35 Тираж 550 экз. Заказ № 951

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134